Master Negative Storage Number

OCI00055.03

Viechevoi kolokol

Moskva

1892

Reel: 55 Title: 3

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00055.03

Control Number: BGP-7313
OCLC Number : 25331830
Call Number : W 381.5917N V6712
Title : Viechevoi kolokol : russkii roman XV stolietiia : v trekh chastiakh.
Edition : Izd. 3.
Imprint : Moskva : Tip. P. E. Astaf'eva, 1892.
Format : 223 p. ; 17 cm.
Note : Colored illustration on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: AR

W 107

В ЕЧЕВОЙ КОЛОКО

W 381.5917N V6712

ВѢЧЕВОЙ КОЛОКОЛЪ.

РУССКІЙ РОМАНЪ XV СТОЛѢТІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

V 187

Изданіе третье.

МОСКВА.
Типографія П. Е. Астафьева, Арбатъ, д. Платонова.
1892.

озволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 октября 1891 г.

ВѢЧЕВОЙ КОЛОКОЛЪ.

ГЛАВА I.

Безродный.—Страшное гаданье.—Клятва.

Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ;
Отмстить себѣ я клятву далъ:
Носилъ ее, какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ...

Пушкинъ.

Недалеко отъ Ярославова двора, на которомъ собиралось шумное Вѣче Новгородское, стоялъ небольшой домъ. Какъ большая часть домовъ того времени, онъ былъ низенькій, одноэтажный, тяжелой и грубой архитектуры Наружностію не отличался онъ ничѣмъ отъ другихъ домовъ: но войдемте и посмотримте, что дѣлается въ этомъ, столь обыкновенномъ, какъ кажется, домикѣ.

Былъ вечеръ. Въ большой комнатѣ видѣннаго вами дома, въ переднемъ углу, передъ образами теплилась лампада. Слабаго свѣта ея недостаточно было, чтобы освѣтить всю комнату и углы, и стѣны терялись въ полумракѣ. На широкой скамьѣ, передъ дубовымъ столомъ, опершись головою на руку, сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ. Черные, какъ смоль, волосы, раздѣляясь на лбу, кудрями падали на обѣ стороны; лице его было блѣдно и задумчиво; черныя ровныя брови гордо приподнялись надъ огненными очами; легкіе усы оттѣняли верхнюю губу и придавали лицу чудную выразительность. Онъ сидѣлъ неподвижно, какъ статуя, вилитая изъ бронзы; но лице его безпрестано мѣняло выраженіе: мускулы играли, очи то вспыхивали, то погасали.

На стѣнѣ висѣлъ широкій, свѣтлый мечъ. Дрожащій свѣтъ лампады игралъ на немъ, словно въ зеркалѣ, и далѣе въ тѣни обрисовывалъ мужчину лѣтъ за пятьдесятъ, котораго колоссальныя формы принесли бы честь любому богатырю временъ Краснаго-Солнышка—Владиміра.

— Что ты задумался, Юрій Романовичъ? началъ мужчина, стоявшій въ отдаленіи; о чемъ думаешь ты думушку? Вѣрно объ черныхъ

глазахъ, да русыхъ кудряхъ Настасьи Васильевны.

— Нѣтъ, Упадышъ, нѣтъ! — отвѣчалъ Юрій, хоть и люблю я Анастасію больше солнца и свѣта, больше жизни и счастія, но не объ ней думаю теперь думу.

— А объ чемъ же?

— Объ чемъ? Я думаю объ томъ, что я сиръ и безроденъ; что не знаю ни отца, ни матери; не знаю имени своего. Богатъ я, Упадышъ, но и бѣденъ! Бѣднѣе послѣдняго нищаго, который въ воскресный день собираетъ милостыню на паперти св. Софіи. Спроси его: кто были отецъ и мать твои? онъ тебѣ скажетъ. Спроси же меня, что стану отвѣчать я? — не знаю. Объ томъ-то и грущу я, объ томъ-то и думаю думу.

— Упадышъ! продолжалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ — много обязанъ я тебѣ! Вѣрою и правдою служилъ ты мнѣ. Помнишь ли ты ту ночь, когда мнѣ стало такъ грустно и тошно, что я хотѣлъ поднять на себя руки? Помнишь ли еще, что ты обѣщалъ мнѣ открыть тайну, которая покрываетъ мое происхожденіе? Ты это помнишь, Упадышъ, ты обѣщалъ и вотъ прошло уже много времени, а я столько же знаю, сколько и тогда. Скажи: когда же придетъ это время?

— Оно пришло, бояринъ, сказалъ Упадышъ, выступивъ впередъ. Тутъ вполнѣ можно было разглядѣть его исполинскій ростъ, суровыя, неподвижныя черты и густую окладистую бороду съ просѣдью. Оно пришло, бояринъ, пришло!

— Бояринъ!.. повторилъ Юрій, бояринъ!.. Такъ я...

— Да! не изъ простаго ты рода; князь Юрій Романовичъ; сегодня же узнаешь все! — Но скажи мнѣ прежде, чтобы ты сдѣлалъ, еслибы отецъ твой былъ живъ?

— Я бы упалъ передъ нимъ на колѣна и просилъ бы его благословенія.

— А если онъ умеръ?

— Я отслужу паннихиду за упокой души его.

— А если онъ убитъ, изведенъ злостію и коварствомъ?

— Тогда вѣчная, непримиримая ненависть и месть его убійцамъ! — вскричалъ Юрій, вскочивъ съ мѣста. Кулаки его сжались и глаза сверкали.

— Люблю видѣть тебя такимъ! — вскричалъ Упадышъ. — Точь въ точь князь Романъ, отецъ твой. Иди за мною.

Юрій снялъ со стѣны мечъ, прицѣпилъ его

къ поясу, завернулся въ широкій охобень и послѣдовалъ за Упадышемъ.

Ночь была темна, хоть глазъ выколи. Луна спряталась за тучи, ни одна звѣздочка не сверкала на небѣ. Улицы Новогородскія были пусты, изрѣдка мелькали огоньки въ окнахъ домовъ и раздавался разноголосный лай собакъ. Рѣзкій вѣтеръ свисталъ по улицамъ и выл въ трубахъ, будто цѣлая толпа заключенныхъ духовъ стонала, плакала и рвалась на волю.

Наши ночные путники вышли изъ городскихъ воротъ и направили шаги свои вдоль по берегу Волхова. Среди всеобщаго мрака фосфорическимъ блескомъ сверкала *рѣка Мутная* *); она кипѣла, рвалась въ холмистыхъ берегахъ своихъ, и катилась вдаль съ грохотомъ и ревомъ.

— Куда же ты ведешь меня? — спросилъ Юрій.

— Упадышъ остановился, посмотрѣлъ на темное небо, на шумную рѣку и остановилъ взоръ на своемъ спутникѣ.

— Крѣпко ли закалена душа твоя, князь Юрій?—спросилъ онъ его.

---

*) Волховъ назывался также рѣкою Мутною.

— Крѣпче этой стали! — отвѣчалъ Юрій, ударивъ по своему мечу, который зазвенѣлъ среди безмолвія.

— Хорошо же, сказалъ Упадышъ,—встань на колѣна, Юрій Романовичъ, поклонись рѣкѣ Мутной и помолись надъ нею; — это могила отца твоего!

Съ грустнымъ волненіемъ сердца упалъ юноша на колѣна, а сердце его сжалось. И такъ не суждено мнѣ было знать тебя, отецъ мой! проговорилъ онъ. Не ласкалъ ты меня младенцемъ; не любовался ты мною юношей; не училъ меня ни читать молитвы, ни владѣть оружіемъ! Крѣпко, крѣпко заснулъ ты, родимый! Не разбудятъ тебя ни мои жалобы, ни говоръ сердитаго Волхова! Хоть съ того свѣта благослови меня, родной мой!

Слезы брызнули изъ глазъ Юрія, голова его склонилась на грудь. Надъ нимъ, снявъ шапку, стоялъ Упадышъ и молился.

— Пойдемъ же, бояринъ, пора!— сказалъ онъ.

— Куда? спросилъ Юрій, вставая.

— Къ колдуньѣ.

— Зачѣмъ?

— Она покажетъ тебѣ твоего отца.

— Да вѣдь онъ умеръ, утонулъ?

— Она вызоветъ его.

— Тѣнь?.. сказалъ Юрій перерывающимся голосомъ.

— Ужъ не трусишь ли ты, бояринъ! — молвилъ насмѣшливымъ голосомъ Упадышъ. Я ошибся, прибавилъ онъ: ты вѣрно не сынъ князя Романа, который ничего на свѣтѣ не боялся.

— Я не сынъ отца моего!—вскричалъ съ гнѣвомъ Юрій. Я трушу?.. Упадышъ! веди меня хоть въ адъ! я иду за тобою.

— Вотъ это ладно, Юрій Романовичъ. Пойдемъ!

Берега Волхова топки, болотисты и усѣяны холмами. Прислонясь бокомъ къ одному изъ этихъ холмовъ, стояла избушка, безъ метафоры, на куриныхъ ножкахъ. Кажется, если бы не поддерживалъ ее холмъ, то она давнымъ-давно свалилась бы на бокъ. Въ узенькое окошко брежжилъ огонекъ; къ этой-то избушкѣ подошелъ Упадышъ съ Юріемъ. — Ступай, бояринъ, сказалъ онъ, остановившись у низенькой двери; ступай: намъ вмѣстѣ нельзя. Я подожду тебя здѣсь.

Сильно затрепетало сердце Юрія, когда онъ отворилъ дверь и она заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ. На минуту закрылъ онъ глаза, какъ будто сбираясь съ духомъ, и потомъ твердымъ шагомъ вступилъ въ жилище колдуньи.

Его встрѣтила старуха низенькаго роста, худая, сгорбленная. Глубокія морщины покрывали все лице ея; ястребиный носъ почти дотрогивался до подбородка; сѣдые волосы торчали изъ-подъ чернаго платка, которымъ была повязана голова ея, и маленькіе сѣрые глаза горѣли и свѣтились, какъ у кошки. Огромная черная собака, лежавшая въ углу, заворчала при входѣ Юрія, медленно приподнялась съ своего мѣста, подошла къ Юрію и начала его обнюхивать.

— Здравствуй, бояринъ, начала колдунья пискливымъ голосомъ, здравствуй, князь Юрій Романовичъ Серебряный! Долго, долго дожидалась я тебя, мое дитятко, да и дождалась. На мѣсто, чертенокъ! прибавила она, крикнувъ на собаку, и та съ покорностію, поджавъ хвостъ, удалилась въ свой уголъ.

Юрій остановился въ изумленіи.

— Увѣрена ли ты точно, старуха,—спросилъ онъ ее, — что я сынъ князя Серебрянаго?

— Такъ же, какъ ты увѣренъ въ своемъ существованіи.

— Но почему ты это знаешь?

Старуха улыбнулась.

— Мало ли что я знаю! — сказала она сверкнувъ глазами. Почему? Потому, что глазъ

мой видитъ быстрѣе и дальше, нежели глазъ орла, который глядитъ на солнце; потому, что вы слѣпцы, какъ кроты, роетесь въ землѣ и обо всѣхъ судите по себѣ. Почему узнала я, что ты пришелъ просить меня показать тебѣ, твоего отца...

— Такъ отецъ мой умеръ, утонулъ въ Волховѣ?

— Нѣтъ, Юрій! не такова была смерть его.

— Ты лжешь, старуха, — сказалъ Юрій; для чего же Упадышъ заставлялъ меня молиться надъ Волховомъ!

— Потому что въ Волховѣ схороненъ князь Романъ Серебряной.

— Ты смѣешься надо мной, колдунья! закричалъ князь Серебряный, схватившись за рукоять меча. Но я отучу тебя! И широкій мечъ, вышедъ до половины изъ ноженъ, сверкнулъ, какъ молнія.

— Вложи мечъ свой и опусти руку, сказала старуха повелительно; мнѣ не страшны твои угрозы: часъ мой не приспѣлъ еще. Не угрожай мнѣ, говорю я, или ты никогда не увидишь того, зачѣмъ пришелъ сюда въ эту темную ночь. Безумный юноша! войдя въ домъ, не оскорбляютъ хозяина! Мнѣ стоитъ дунуть и ты исчезнешь; но я прощаю тебя, потому

что мать твоя когда-то накормила и напоила меня, когда я умирала отъ голода и жажды. Скажи же теперь, князь Юрій Серебряный, хочешь ли ты видѣть отца твоего?

— Хочу! — сказалъ Юрій твердымъ голосомъ.

— Но чувствуешь ли ты въ себѣ довольно силы и твердости?

— Въ тысячу разъ болѣе, нежели сколько нужно.

— Пойдемъ же, если такъ.

Старуха протянула свою руку, сухую какъ у скелета; Юрій взялъ ее съ видимымъ отвращеніемъ. Старуха это замѣтила.

— Конечно, сказала она, эта сухая, морщинистая рука не бѣлая рука Настасьи Ананьиной; но вѣрь, что она можетъ принести тебѣ болѣе добра, услугъ и счастія, нежели рука Анастасіи.

— Что это значитъ, непостижимая? вскричалъ князь: ты и это знаешь?

— Мало ли что я знаю! сказала опять колдунья, улыбнувшись. Но молчи—ты вступаешь туда, гдѣ не былъ еще ни одинъ человѣкъ, кромѣ меня.

Отворивъ низенькую дверь, колдунья ввела Юрія въ довольно большую темную комнату. Посрединѣ ея на полу лежалъ желѣзный листъ;

не немъ стоялъ большой четвероугольный черный камень, на которомъ горѣлъ синій огонекъ. Надъ нимъ на двухъ желѣзныхъ цѣпочкахъ висѣлъ небольшой котелъ, въ которомъ кипѣла какая-то жидкость. Старуха поставила Юрія сзади себя и очертила около него углемъ на полу кругъ; потомъ вынула изъ поставца какіе-то коренья и бросила ихъ въ котелъ, бормоча какіе-то безсвязные звуки.

Огонекъ на камнѣ потухъ; густой, бѣлый, какъ снѣгъ, паръ повалилъ изъ котла и наполнилъ всю комнату. Долго, словно облако, колебался онъ, будто въ нерѣшительности, подъ потолкомъ; потомъ тихо и медленно собрался въ одинъ уголъ, опустился клубомъ внизъ и изъ этого клуба опять медленно поднимался вверхъ, образуя какіе-то неясные очерки человѣческой фигуры. Сердце Юрія билось и трепетало, какъ голубка въ когтяхъ коршуна; пристально глядѣлъ онъ въ уголъ, гдѣ паръ густѣлъ больше и больше, и наконецъ образовалъ явственно фигуру человѣка: высокаго роста, съ благородными чертами лица, съ лицемъ блѣднымъ, какъ саванъ могильный. Вотъ показалось Юрію, будто привидѣніе зашевелилось, подалось впередъ, медленно подошло къ котлу и остановилось прямо противъ него. Вотъ видитъ онъ, что приз-

ракъ указываетъ пальцемъ на свою шею и замѣчаетъ на ней, словно коралловое ожерелье, широкій красный рубецъ, изъ котораго капля по каплѣ течетъ кровь и пятнаетъ бѣлый воротъ рубашки. Сердце Юрія окаменѣло, огненная туча набѣжала на очи; но онъ еще смотритъ и видитъ, какъ голова отца его отдѣляется отъ туловища, падаетъ на полъ; призракъ поднимаетъ руку кверху, какъ бы призывая мщеніе.

Князь Серебряный задыхался.

— Довольно, довольно! закричалъ онъ прерывающимся голосомъ.

Колдунья плеснула въ котелъ какою-то жидкостью, пробормотала какія-то слова и призракъ исчезъ; только по-прежнему около потолка, словно облако, колебался и рѣдѣлъ бѣлый паръ.

— Ну что, дитятко, видѣлъ ли ты своего батюшку? спросила старуха.

— Видѣлъ! отвѣчалъ Юрій мрачнымъ голосомъ, выходя въ другую комнату, но скажи мнѣ, что значитъ рубецъ на шеѣ?

— Ты видѣлъ—и я не могу тебѣ сказать больше ничего; но пора идти тебѣ,—отъ Упадыша узнаешь больше.

Юрій бросилъ старухѣ на столъ корабленикъ, завернулся въ свой охобень, надвинулъ шапку на самые глаза и вышелъ вонъ.

— Упадышъ! закричалъ онъ.

— А! наконецъ ты вышелъ, бояринъ! сказалъ Упадышъ, подходя къ нему. Ну что, Юрій Романовичъ, былъ у старой Вахрамѣевны?

— Былъ, отвѣчалъ отрывисто Серебряный.

— И видѣлъ ее?

— Видѣлъ.

— И батюшку своего покойника видѣлъ,— дай ему Богъ царство небесное?!

— Видѣлъ.

— Что же ты скажешь мнѣ, бояринъ?

— Много, Упадышъ, много. Старуха назвала меня княземъ Серебрянымъ. Точно ли это мое имя? По праву ли принадлежитъ оно мнѣ?

— Твое, бояринъ твое, также, какъ мое, Упадышъ. Оно принадлежитъ тебѣ точно также, какъ и правая рука твоя. По праву ли, говоришь ты?—Да, князь, по праву, если законный сынъ имѣетъ право на имя отца своего.

— Славу Богу! сказалъ Юрій. Такъ я не безродный какой, не подкидышъ. Но я видѣлъ кровавый рубецъ на шеѣ отца моего;

изъ него капля по каплѣ текла кровь; — что это значитъ? Разскажи мнѣ все, Упадышъ; не скрывай ничего, прошу тебя именемъ покойнаго отца моего, которому, какъ говоришь, былъ ты другъ.

— Слушай же, князь!

Въ бурную, ненастную ночь, при трепетномъ блескѣ одинокой, заблудившейся звѣзды, при ревѣ бурнаго Волхова, Упадышъ началъ разсказывать слѣдующее:

— Отецъ твой, князь Романъ Васильевичъ Серебряный, былъ сильный, знатный и богатый бояринъ, другъ и наперсникъ тверскаго князя Бориса.

— Такъ я не Новогородецъ? спросилъ Юрій.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Упадышъ и продолжалъ: отецъ твой, князь Юрій, былъ храбръ и воинствененъ; это-то и погубило его. — Надобно знать тебѣ, что лѣтъ 25 тому назадъ жители земли югорской, притѣсняемые Новогородцами, взбунтовались и просили помощи у князя тверскаго. — Борисъ послалъ имъ 1000 всадниковъ подъ начальствомъ князя Романа, у котораго я былъ больше другомъ, нежели слугою. — Съ горестію и слезами простился князь съ своей молодою женою, которая въ это время была беременна тобою, и поспѣшилъ выполнить повелѣніе Бориса. —

Соединившись съ двинскими воеводами Васильемъ Шенкурскимъ и Михайломъ Яковлевымъ, подступилъ онъ къ Новгороду. „Дайте намъ время собрать дань“, говорили хитрые Новогородцы; „сдѣлаемъ расчетъ между собою, и тогда укажемъ вамъ урочища и станы“. Воеводы повѣрили этой уловкѣ и безпечно расположились, ожидая исполненія обѣщаній; Новогородцы же между тѣмъ, собравъ войско, вышли позднею ночью изъ города, напали на насъ и разбили на голову. Большая часть нашихъ легли тѣлами; случаемъ чуднымъ избѣжалъ я смерти и плѣна, но отецъ твой, Юрій Романовичъ, а мой благодѣтель и кормилецъ былъ взятъ въ плѣнъ и томился въ темницѣ. Я воротился въ Новгородъ, пробрался въ темницу и съ рыданіемъ упалъ къ ногамъ моего добраго боярина.

Въ то время въ Новгородѣ главнымъ лицемъ былъ посадникъ Исаакъ Борецкій. Жена его, Марфа, которая теперь каждый день задаетъ пиры и банкеты, управляла своимъ мужемъ, какъ, ловкій всадникъ управляетъ своимъ конемъ. Повѣришь ли, бояринъ, что эта Марфа влюбилась въ отца твоего. Пришедъ въ его темницу, она предложила ему жизнь и свободу, если онъ согласится быть ея любовникомъ. Съ гордостію и негодованіемъ отверг-

нулъ князь это предложеніе и назвалъ Марфу безстыдною женщиной. Злоба и ярость закипѣли въ сердцѣ посадницы; она не давала покоя своему мужу, и наконецъ приговоръ былъ произнесенъ. Отцу твоему, князю Роману Васильевичу Серебряному, здѣсь въ Новогородѣ на площади отрубили голову и послѣ бросили его тѣло въ рѣку Мутную.

— Но что это такое? сказалъ Упадышъ, остановившись и прислушиваясь...

Въ самомъ дѣлѣ изъ груди Юрія вырвался удушливый стонъ, не похожій на человѣческій.

Въ это время они подошли уже къ своему дому.

— Садись, Упадышъ, сказалъ Юрій, указывая мѣсто на лавкѣ противъ себя.

— Мнѣ ли, холопу, сидѣть рядомъ съ моимъ бояриномъ?

— Ты не холопъ, ты другъ мой, отвѣчалъ Юрій, садись.

Упадышъ повиновался.

— Еще нѣсколько словъ, и разсказъ мой конченъ, сказалъ онъ. —Я видѣлъ отца твоего наканунѣ его казни. —Снеси мое послѣднее прощаніе Натапѣ, сказалъ онъ мнѣ, и мое благословеніе младенцу. Если родится сынъ, молю тебя, Упадышъ, воспитай его для мести моимъ убійцамъ: возьми съ него клятву истре-

бить враговъ моихъ до послѣдняго колѣна.— Прощай, Упадышъ! Служи сыну моему, какъ служилъ мнѣ!—Горько, тошно умирать, когда еще хочется пожить, подышать на бѣломъ свѣтѣ.—Я воротился къ твоей матушкѣ; ты уже глядѣлъ на свѣтъ Божій улыбался и протягивалъ рученки, когда я бралъ тебя на руки.

Матушка твоя не долго пережила своего супруга; черезъ годъ послѣ твоего рожденія она скончалась.

Юрій сидѣлъ, опустивъ голову на руки.

— Что же ты ничего не молвишь бояринъ? спросилъ его Упадышъ.

Вмѣсто отвѣта Упадышъ услышалъ одни задушаемыя рыданія.

Полно плакать, князь Юрій, — началъ опять вѣрный слуга, что толку въ слезахъ?— Развѣ ты ими поможешь звоему горю? — Нѣтъ, не такую паннихиду долженъ ты отслужить въ память отца своего!.. Хоть съ цѣлый Волховъ выплачъ ты слезъ изъ очей своихъ, а все не отомстишь за князя Романа. Вспомни, что говорилъ онъ мнѣ мнѣ въ темницѣ: воспитай сына моего для мести, возьми съ него клятву истребить враговъ моихъ до послѣдняго колѣна.— Должно мстить, а ты, бояринъ, прости меня, словно баба хныкаешь.—

Хочешь ли ты исполнить послѣднюю волю замученнаго твоего родителя, хочешь ли поклясться въ ненависти врагамъ, которые извели его?

— Хочу, отвѣчалъ Юрій, вставая.

— Клянись же!

— Клянусь небомъ и адомъ, началъ князь Серебряный, душой отца моего, каждой каплей крови, вытекшей изъ раны его, мстить злодѣямъ его, истреблять ихъ до послѣдняго колѣна.

— Аминь! проговорилъ Упадышъ; потомъ вынулъ изъ-за пазухи литой изъ червоннаго золота складень и подалъ его Юрію.

— Вотъ, бояринъ, послѣдній даръ отца твоего, который онъ отдалъ мнѣ въ темницѣ; послѣднее благословеніе его младенцу-сыну, котораго онъ ни разу не видалъ, ни разу не прижалъ къ сердцу.

Съ благоговѣніемъ принялъ Юрій изъ рукъ Упадыша богатый складень, перекрестился, поцѣловалъ его и повѣсилъ на шею, сказавъ: отнынѣ въ горѣ и въ радости, въ бѣдѣ и въ счастіи ты меня не покинешь.

— Ты богатъ, бояринъ, началъ Упадышъ, гораздо богаче, нежели думаешь. По смерти твоей матушки все имѣніе ваше обратилъ я въ деньги и пріѣхалъ съ тобою въ Новгородъ, гдѣ выдалъ тебя за дворянина Юрія Бѣльска-

го. Этимъ исполнилъ я волю князя Романа; теперь враги твои подъ рукою; возьми мечъ и гряди на нихъ. Но пора тебѣ успокоиться, бояринъ; сосни, авось хоть сонъ утѣшитъ тебя.

Упадышъ разостлалъ на лавкѣ медвѣжью шкуру, поправилъ лампаду, поклонился Юрію и вышелъ вонъ.

Помолившись передъ иконами, князь Серебряный бросился на лавку, закрылъ глаза, но сонъ бѣжалъ отъ него. Чудная судьба его мелькала въ умѣ; передъ нимъ поминутно носился бѣлый призракъ съ темнымъ рубцемъ на шеѣ, съ которой капала кровь. — Призракъ указывалъ на рану, поднималъ руку къ небу и протягивалъ ее къ Юрію, у котораго выступалъ холодный потъ на лбу.

Наконецъ, когда уже свѣтлое солнышко выкатилось на небо и птички зачирикали въ поднебесьѣ, дремота одолѣла Юрія, и онъ заснулъ...

ГЛАВА II.

Нѣмой —Колоколъ.—Вѣче.

Et la parole èteinte ne rendait que des sons rauques.

Victor Hugo.

Толпа волнуется, шумитъ.

Ярко свѣтило солнышко. Воздухъ дышалъ свѣжестію весны. Волховъ, вчера грозный и бурный, теперь плавно и съ тихимъ ропотомъ катился по великому Новгороду, отдѣляя *Торжище*, или торговую сторону отъ Софійской.—Соединяя обѣ части, перегнулся черезъ него широкій мостъ, на который въ старину, во время язычества, сходились жители биться палками передъ лицемъ Перуна.—Буйная голова, Новгородъ, начиналъ просыпаться: улицы постепенно оживлялись народомъ.

У Дворища Ярославля, мѣста, гдѣ сходилось Вѣче, стояла башня, на которой висѣлъ громкій и звучный вѣчевой колоколъ. — Передъ башней находилась пространная площадь; съ одной стороны сдѣланы были возвышенныя мѣста; ихъ обыкновенно занимали сановники новогородскіе. Подлѣ самой башни стоялъ низенькій маленькій домикъ. —Богато одѣтый всадникъ съ смуглымъ, суровымъ лицомъ подъѣхалъ къ этому домику, остановился и, не сходя съ лошади, постучалъ въ дверь ножнами своей сабли. На этотъ зовъ вышелъ изъ дома юноша лѣтъ 18, съ прелестными голубыми глазами. Увидѣвши всадника, онъ почтительно поклонился ему, снявъ шапку, и по плечамъ его кудрями раскинулись бѣлокурые волосы. Сложивъ на груди руки, онъ, казалось, ожидалъ приказаній.

— Звони, Малышъ, сказалъ всадникъ, звони такъ, чтобъ звукъ твоего колокола разнесся по всему Новогороду, оглушилъ его, обезумилъ такъ, чтобы весь народъ сюда сбѣжался.

Юноша наклонилъ голову въ знакъ согласія. —Ступай же и не жалѣй мѣди: я скоро буду, сказалъ всадникъ, и, кольнувъ шпорами коня, ускакалъ скоро изъ виду.

Малышъ вынесъ изъ дома большой ключъ,

отперъ дверь башни и пошелъ вверхъ по узкой, крутой и неровной каменной лѣстницѣ.

Этотъ Малышъ былъ звонарь вѣчевой башни, прекрасный, 18-ти лѣтній юноша, нѣмой! — Уста его были заграждены отъ природы; когда онъ хотѣлъ, силился что-нибудь выговорить, онѣ издавали только тихій стонъ, похожій на плачъ. — Разлученный съ обществомъ, отчужденный отъ людей, одиноко и печально проводилъ онъ жизнь свою, безъ надеждъ на счастіе, безъ жалобъ на судьбу, даже безъ желаній. Онъ былъ ко всему равнодушенъ. Что ему за дѣло: солнце или мѣсяцъ свѣтитъ на небѣ? — Вѣтерокъ ли вѣетъ благоуханіями, или бурный вихрь реветъ и волнуетъ рѣку Мутную?—ему все равно: онъ никого не ненавидѣлъ, ни къ чему не имѣлъ привязанности.

— Нѣтъ, я ошибся!—Сердце человѣческое не можетъ существовать, не можетъ биться безъ привязанности. Эта привязанность къ чему-нибудь также необходима ему, какъ необходимъ намъ воздухъ для дыханія, какъ Наядѣ вода, какъ Саламандрѣ огонь. Бѣдный Малышъ не имѣлъ привязанности къ людямъ, потому что не могъ имъ ея выразить, — и такъ онъ привязался къ вещи неодушевленной—къ вѣчевому колоколу.

И какъ, скажите, было ему не любить своего колокола? — Это былъ міръ, въ которомъ онъ жилъ, куда изгнали его отъ себя люди. Этотъ колоколъ былъ для него отецъ, другъ, любовница, слава, честолюбіе; на немъ одномъ сосредоточилъ онъ любовь, которую люди раздѣляютъ на столько предметовъ. — Какъ радовался Малышъ! Онъ—нѣмой, самъ лишенный языка, заставлялъ говорить свой колоколъ, и на говоръ его сбѣгались тысячи; онъ одушевлялъ его, какъ лучъ солнца одушевлялъ статую Мемнома, и она издавала звуки, одушевленная какъ и вѣчевой колоколъ великаго Новгорода.

Какъ же было бѣдняку нѣмому не любить своего колокола, своего младенца, пѣстуна, воспитанника?

Между тѣмъ Малышъ дошелъ до верхней площадки. гдѣ висѣлъ колоколъ. Долго любовался онъ имъ, какъ мать своимъ новорожденнымъ, ласкалъ его взорами и руками наконецъ, вспомнивъ приказаніе всадника, который былъ не кто другой, какъ сынъ Марѳы, всадникъ Димитрій Исаковъ Борецкій, тронулъ за языкъ...

Громкій призывный звонъ вѣчеваго колокола звучною волною понесся по Новгороду. — Народъ, оставивъ всѣ дѣла и заботы, толпами

стекался на площадь двора Ярославова, которая скоро сдѣлалась живымъ моремъ людскихъ головъ, которыя то поднимались, то опускались словно волны. Посадники, тысячскіе, старосты наняли мѣста у возвышенія.—Между ними видна была Марѳа Борецкая, съ сыновьями Димитріемъ и Ѳеодоромъ, именитый посадникъ Василій Казиміръ и нареченный архіепископъ Ѳеофилъ, избранный на мѣсто скончавшагося владыки новгородскаго Іоны. Житые люди, или Огнищане, младшіе граждане и черные люди толпились передъ ними въ смутномъ ожиданіи, а вѣчевой колоколъ звонилъ и звукъ его разливался въ народѣ.

— Вольные люди новогородскіе! — началъ посадникъ Димитрій Исаковъ, настало время разсудить о дѣлахъ отечества и рѣшиться.

Спрашиваю васъ: слуги ли вы и холопи князя московскаго?.,

— Да избавитъ насъ св. Софія! — закричали сотни голосовъ.

— Почто же грозится на васъ Іоаннъ московскій? началъ Василій Казиміръ. Помните ли люди новогородскіе, что велѣлъ онъ сказать вамъ черезъ посадника Василья Ананьина: скажи, говорилъ онъ, отчинѣ моей Новугороду, чтобы онъ, исправясь, передо мной повинился, въ земли и воды мои не вступал-

ся, имя мое держалъ честно и грозно по старинѣ; не то берегитесь, имѣю волю и силу наказать васъ.

— Новгородъ самъ себѣ государь!..

— Новгородъ не отчина князей московскихъ!

— Не дадимъ Іоанну грозиться надъ нами!

— Заступимся за св. Софію!

— Кто противъ Бога и великаго Новагорода!.. кричали люди, подкупленные Борецкими, поджигая слабыхъ, и кряками заглушая возраженія благоразумныхъ.

Именитые начальники и граждане! — начала льстивымъ и кроткимъ голосомъ, богато одѣтая женщина лѣтъ за 50, съ смѣлыми и выразительными чертами: когда вы меня, слабую, неразумную жену допустили на совѣтъ свой, то позволите ли и мнѣ вымолвить слово, и мнѣ положить свою лепту для блага родины моей государя Новагорода великаго?..

Эта были Марѳа Борецкая.

Говори, говори, Марѳа! закричали на Вѣчѣ; говори наша разумница! — Рѣчи твои слаще и крѣпче меду пьянаго.

— Если такъ, любезные сограждане, — сказала она, поклонясь народу, то я, по моему малому разумѣнію, скажу вамъ, что мы не нуждаемся въ доброхотствѣ князя москов-

скаго и не боимся его гнѣва. Нуженъ намъ только покровитель; Іоаннъ только грозитъ намъ и не думаетъ покровительствовать; пусть же покровителемъ нашимъ будетъ не Іоаннъ, а Казиміръ Литовскій! — Вотъ послы его, прибавила она, указавъ на князя Михаила Олельковича, окруженнаго панами и витязями литовскими; они говорятъ намъ, что честный король польскій и великій князь литовскій Казиміръ соглашается на всѣ наши условія и подтвердитъ то крестнымъ цѣлованіемъ; мы же поклоняемся честію и душею новгородскою.

— Что тутъ долго думать? вскричалъ заносчивый Ѳедоръ Исаковъ, другой сынъ Марѳы. Не надо намъ Іоанна! — Казиміръ нашъ покровитель!

Тутъ онъ махнулъ рукою многочисленной толпѣ подкупленныхъ и единомышленниковъ своихъ, — и площадь задрожала отъ громкихъ кликовъ: не хотимъ Іоанна! — Да здравствуетъ Казиміръ! ревѣли во все горло сообщники Борецкихъ и кидали на воздухъ шапки. Важный, величественный, мѣрный гулъ вѣчеваго колокола сливался съ этимъ оглушающимъ концертомъ.

— Одумайтесь, братія, сказалъ Ѳеофилъ! — Подумайте, что хотите дѣлать Поддаться королю иноплеменному, соединиться съ латин-

цами, съ ерстиками! — Возвратитесь на путь истинный, овцы заблудшія. Не измѣняйте православію! Или никогда не буду пастыремъ отступниковъ и мятежниковъ!..

Да здравствуетъ Казиміръ, покровитель нашъ! — кричалъ народъ, не слушай архіепископа.

— Иду назадъ въ смиренную келію, откуда вы извлекли меня на позорище, говорилъ Ѳеофилъ; тамъ буду молить Творца, да проститъ вамъ прегрѣшенія, да откроетъ слѣпотствующія очи ваши и утвердитъ стопы колеблющіяся. Прости имъ, Господи, прибавилъ онъ, слыша усиливающіеся крики: не вѣдаютъ бо, что творятъ.

Сказавъ это, онъ удалился.

Нѣкоторые старые посадники, тысячскіе и житые люди, словомъ тѣ, которые были благоразумнѣе легкомысленной толпы народа, хотѣли образумить своихъ согражданъ, и начали было увѣщевать ихъ; но слуги и наемники Марѳины не дали имъ говорить,—бросали въ нихъ шапками, камнями, бѣгали по улицамъ, звонили въ колокола, кричали: „хотимъ за короля!“ Мирные граждане запирались въ домахъ.

Съ торжествомъ возвращалась съ Вѣча въ свой великолѣпный домъ Марѳа, окруженная

друзьями и сообщниками. Рядомъ съ нею шелъ польскій посолъ, князь Михаилъ Олельковичъ, и благодарилъ ее отъ имени Казиміра. Это такъ понравилось честолюбивой Марѳѣ, что она всѣхъ, окружавшихъ ее, пригласила къ себѣ на пиръ. Сверхъ того она условилась съ княземъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ отправлено въ Польшу посольство съ договорной грамотой.

— Ну, что, князь, сказалъ Юрію Упадышъ когда этотъ вошелъ къ себѣ въ домъ. Былъ ли ты въ Вѣчѣ?

— Былъ.

— Что же хорошаго, бояринъ?

— Все хорошо, Упадышъ! отвѣчалъ Серябряной; сама судьба, кажется, помогаетъ моему мщенію.—О, отецъ мой!—Ты будешь отомщемъ!

Онъ сѣлъ за столъ и нѣсколько времени провелъ въ письмѣ.

— Вотъ тебѣ грамота, Упадышъ, сказалъ онъ, отдавая написанное; ступай на городище и отдай ее вѣрно намѣстнику великаго князя московскаго; только, что бы никто не зналъ этого. Не то, мы оба погибли,

— Не безпокойся, бояринъ, Упадышъ не промахъ; не ударитъ лицомъ въ грязь, и въ

нуждѣ не положитъ охулки на руки. И Упадышъ вышелъ.

Юрій былъ скученъ; не зная, что дѣлать, опоясался онъ вѣрнымъ мечемъ своимъ, и вышелъ изъ дома. Какъ говорится, безъ плана и безъ цѣли шелъ онъ по улицамъ,—но стопы его невольно направлялись къ дому посадника Василья Ананьина. И не мудрено! Въ этомъ домѣ заключено было сокровеще его сердца, перлъ души и мыслей его; въ этомъ домѣ жила 17-лѣтняя Анастасія дочь посадника; разцвѣла, какъ нѣжный цвѣтокъ, на который не садилась еще ни одна бабочка, изъ котораго ни одна еще пчела не высасывала медъ. Черноогненные глаза ея пылали нѣгою, какъ вечернее небо; розовыя уста ея такъ и манили поцѣлую, а бѣлыя матовыя перси, которыя такъ сладострастно поднимались подъ полупрозрачною фатою... Хороша, дивно хороша была Анастасія, дочь Василья Ананьина, посадника новогородскаго.

Къ этой-то черноокой Анастасіи неслись мечты и думы князя Серебрянаго, извѣстнаго въ Новгородѣ подъ именемъ Бѣльскаго; въ домъ отца ея шелъ онъ теперь, раздумывая о судьбѣ своей. Онъ приводилъ себѣ на память ласки и угожденія стараго Ананьина; припоминалъ, какъ выразительно глядѣла на него

Анастасія и какъ отъ этого взгляда душѣ его становилось свѣтло и легко, и она радостно ликовала, словно въ раю. Онъ видѣлъ, какъ она подходила къ нему съ тяжелымъ кубкомъ фряжскаго вина, или меду кипучаго,—и, краснѣя и потупивъ очи, говорила ему соловьинымъ голоскомъ:

— Выкушай во здоровіе, дорогой гость нашъ! Мудрено ли, что въ такихъ пріятныхъ мечтахъ Юрій не замѣтилъ, что уже нѣсколько минутъ слѣдовалъ за нимъ лакой-то молодой человѣкъ. Ему на лицо нельзя было дать больше 20 лѣтъ; открытое лицо его выражало отвагу и добродушіе; всѣ черты его были правильны, отлиты въ прекрасную смѣлую форму; русыя кудри вились около широкаго лба, глаза искрились, какъ два огонька. Онъ былъ одѣтъ въ одежду, не совсѣмъ обыкновенную, по тогдашнему времени; вся она выражала какую-то отвагу и молодечество; вся она, какъ говорится, пѣла на немъ. Шапка на бекрень, черное полукафтанье, выложенное серебрянымъ голуномъ, было перетянуто пестрымъ кушакомъ; на лѣвомъ боку висѣла кривая татарская сабля, на правомъ, на серебряной цѣпи, длинный и широкій кинжалъ. Въ рукѣ держалъ онъ нагайку, которою помахивалъ во всѣ стороны. Долго съ улыбою

слѣдилъ онъ за Юріемъ, улыбаясь и посвистывая; наконецъ, зашелъ впередъ и, подбоченившись, остановился такъ, что Юрій не могъ пройти, не толкнувъ его.

— Что же ты толкаешься, Юрій Романовичъ,—сказалъ онъ громкимъ голосомъ, когда князь Серебряный хотѣлъ пройти мимо.

Юрій взглянулъ.

— А, это ты, налетъ,—сказалъ онъ, протягивая ему руку.

Налетъ съ жаромъ схватилъ руку князя Серебрянаго.

— Да, Юрій Романовичъ, это я, это Налетъ, но гробъ должникъ твой.

— Перестань, Налетъ! молвилъ Юрій, знаешь пословицу: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

— Вольно тебѣ забывать прошлое; а я такъ не забуду, что по твоей милости живу и гляжу на свѣтъ Божій. Заходилъ было я къ тебѣ, да не засталъ, заходилъ, чтобы проститься.

— Проститься? Куда же ты?

— Куда глаза глядятъ, куда-нибудь, только въ Новѣгородѣ не останусь. Тошно, Юрій Романовичъ, тошно и горько сердцу молодецкому видѣть, что всѣми управляетъ женщина; что государь Новогородъ великій слушаетъ бабу!—У бабъ волосъ дологъ, да умъ

коротокъ,—а языкъ и волоса длиннѣе. Принялась себѣ горланить, проклятая, а дурачье и уши развѣсили!—Чортъ меня возьми, братъ Юрій, если останусь съ людьми, которые поддаются бусурману; ужъ если кому-нибудь надо править нами, такъ поклонимся князю русскому православному, а не еретику! — Вонъ изъ Новагорода!

— Да куда же?

— Завтра иду съ вольницей новогородской, а теперь къ проклятой Марѳѣ Посадницѣ; у нея пиръ! Товарищи мои всѣ тамъ, а вино у нея важное; этимъ не пренебрегаютъ. Пойдемъ и ты со мной.

— Нельзя, я иду къ Василью Ананьину.

— Да онъ также у Марѳы, и съ дочерью своею Анастасіею.

— Да полно, правда ли это?

— Завѣряю тебя.

Хотя русскіе въ то время и не позволяли женамъ и дочерямъ своимъ бывать въ обществѣ, но новогородцы, производя обширный торгъ съ Ганзою и имѣя безпрерывныя сношенія съ нѣмецкими купцами, переняли отъ нихъ много иноземныхъ обычаевъ.

— Богъ знаетъ, Юрій Романовичъ, когда мы увидимся, сказалъ Налетъ; на вотъ тебѣ на память, тебѣ или кто приперсетъ это: Налетъ сдѣлаетъ все, что въ его силахъ.

Въ это время они подошли къ дому Мареы.

ГЛАВА III.

Пиръ у Марѳы.—Ссора.

Домъ Марѳы посадницы былъ пространенъ и убранъ съ удивительною роскошью и великолѣпіемъ. Лѣтописцы того времени называютъ его *чуднымъ*. Въ обширной комнатѣ, устланной коврами иноземными, накрыты были широкіе дубовые столы бѣлыми, какъ снѣгъ, скатертями. Тяжелые серебряные кубки, стопки и ендовы глядѣли на гостей такъ умильно, такъ выразительно; но еще умильнѣе и выразительнѣе глядѣли гости на нихъ, какъ на неизсякаемый источникъ удовольствія.

Женщинъ было очень мало; онѣ сидѣли поодаль, въ углу, опустивъ глаза, и изрѣдка перешептывались между собою.

Въ другомъ углу стояла хозяйка дома, Марѳа Борецкая. Ее окружали сыновья ея, князь Михаилъ Олельковичъ, бояре: Василій Селезень, Губа, Кипріанъ Арбузѣевъ, Еремѣй Сухощокъ и другіе; всѣ они были непріятели Іоанна и ревностные благопріятели Литвы.— Множество другихъ лицъ доканчивали картину; домъ Марѳы былъ открытъ для всѣхъ.

Прислонясь къ стѣнѣ, Юрій приковалъ очи свои въ Анастасіи; ревность видитъ далеко: онъ не могъ не замѣтить, что Ѳедоръ Исаковъ, сынъ Марѳы, также не спускалъ глазъ съ его возлюбленной. Взоры ихъ встрѣтились непріязненно, какъ два меча встрѣчаются на полѣ битвы, и ненависть закипѣла въ сердцахъ ихъ. Они поняли другъ друга.

— Итакъ, именитая посадница, началъ князь Михаилъ Олельковичъ, итакъ говоришь ты, что черезъ три дня будетъ отправлено посольство къ государю моему, Казиміру.

— Да, храбрый князь, отвѣчала Марѳа, черезъ три дня, не позже.

— Но кого же изберемъ мы главою этого посольства? спросилъ Сухощокъ.

— Для блага моей родины, сказала Марѳа, будто запинаясь, готова я принести всякую жертву, какъ бы дорога ни была она моему сердцу. И если вы, мудрые сановники, пахо-

дите достойнымъ этой чести сына моего Димитрія, то пусть ѣдетъ онъ съ Богомъ и съ моимъ благословеніемъ. Согласенъ ли ты, Димитрій?

— Воля ваша, матушка, для меня законъ, отвѣчалъ Димитрій.

— Не моя воля сынъ мой, но воля именитыхъ савновниковъ новгородскихъ, сказала Борецкая съ притворнымъ смиреніемъ.

— Почему же не ѣхать мнѣ? сказалъ вдругъ честолюбивый Ѳедоръ, нахмуривъ брови.

— Ты не посадникъ, какъ я, и не имѣешь права говорить отъ лица Новагорода, сказалъ Димитрій сухо.

— Но я также новогородецъ и также, какъ и другой, хочу служить св. Софіи.

— Какъ они любятъ родину! сказала Марѳа, желая предупредить споръ и ссору, такъ и стремятся наперерывъ служить ей. Но не пора ли за столъ, дорогіе гости?

Помолясь на иконы, всѣ сѣли.

Лакомыя яства смѣнялись безпрестанно новыми и исчезали. Кипучій медъ, фряжское вино, мальвазія и романея шипѣли и искрились въ кубкахъ. Гости всѣ сдѣлались веселѣе и разговорчивѣе, и тѣ даже, которые поутру уговаривали народъ, теперь съ громкими криками пили за здоровье Казиміра.

Больше всѣхъ пили Ѳедоръ Исаковъ и Налетъ Одинъ съ тѣмъ, чтобы утолить свою досаду, другой потому, что съ этою-то цѣлію онъ и пришелъ на пиръ, не званый, и не приглашенный.

Наконецъ всѣ встали.

— Теперь послѣдній кубокъ! сказалъ князь Михаилъ Олельковичъ, выпьемъ за счастливое окончаніе посольства и за здоровье посланника Димитрія Исаковича Борецкаго!

— Ура! заревѣли пьяные гости, поднимая кубки.

Этотъ тостъ разбудилъ всю досаду Ѳедора, заспувшую на днѣ кубка.

— Я требую вознагражденія! сказалъ онъ за то, что не мнѣ назначили сослужить службу Новгороду.

— Справедливо, сказалъ Василій Казиміръ, чего же ты хочешь?

Ѳедоръ злобно взглянулъ на князя Серебрянаю.

— Я хочу, сказалъ онъ, чтобы дѣвица, которую я выберу, поднесла мнѣ кубокъ фряжскаго вина и поцѣловала меня.

Всѣ удивились при этомъ необыкновенномъ требованіи и замолчали; дѣвицы робко переглянулись между собою, но не долго продолжалось молчаніе.

— Славно!

— Wiwat! закричали князь Михаилъ Олельковичъ и нѣсколько поляковъ его свиты.

— Brawo! Donnerwetter! закричалъ осиплымъ басомъ сѣдой рыцарь Эмбахъ, пріѣхавшій въ Новгородъ съ ганзейскими купцами.

Случалось ли вамъ идти по деревнѣ ночью? Все тихо. Вдругъ, заворчитъ одна собака, залаетъ и черезъ минуту вы оглушены лаемъ. который раздается со всѣхъ сторонъ. Точно также происходило и на пирѣ; только что раздалось рычаніе стараго Эмбаха, какъ всѣ гости воскликнули въ одинъ голосъ: славно!.. важно! Пусть поцѣлуетъ.

— Кого же ты выбираешь? спросилъ Кипріанъ Арбузѣевъ.

— Анастасію Ананьину, проговорилъ протяжно Ѳедоръ, съ улыбкою поглядывая на Юрія.

— Ради Бога, батюшка! вскричала поблѣднѣвшая Настасья отцу своему.

— Эка бѣда, матушка! Отъ поцѣлуя тебя не убудетъ! едва пролепеталъ Василій Ананьинъ, поваливаясь на лавку и засыпая.

Наливъ фряжскимъ виномъ тяжелый серебряный кубокъ, Ѳедоръ подошелъ къ Настасьѣ и вдругъ остановился. Подлѣ нея блѣденъ, какъ

смерть, съ глазами горящими гнѣвомъ, съ сложенными на крестъ руками, стоялъ Юрій.

— Ѳедоръ Исаковичъ! сказалъ князь Серебряный дрожащимъ отъ досады голосомъ: эта дѣвица не хочетъ цѣловать тебя и не поцѣлуетъ.

— А ты ей что за опекунъ? молвилъ Борецкій съ злобною улыбкою, совѣтую тебѣ, Юрій Бѣльскій, если не хочешь худа, не мѣшаться въ дѣла мои и заниматься только своими. Исполни же общее желаніе, прибавилъ онъ, обратясь къ Анастасіи: поцѣлуй же меня, красавица!

Она оставалась неподвижна, точно мраморная статуя.

— Говорятъ тебѣ, Ѳедоръ Исаковъ, этому не бывать! сказалъ Юрій.

Мрачный огонь сверкнулъ въ глазахъ Ѳедора; бѣлки ихъ налились кровію, и рука, державшая подносъ съ кубкомъ, затряслась такъ, что вино расплескалось.

— Не бывать, сказалъ онъ, стиснувъ зубы, не бывать!.. Увидимъ. Ты стыдишься, красная дѣвица, молвилъ онъ Настасьѣ; я не родня, не братъ тебѣ; но не стыдись, красавица! Здѣсь передъ всѣми объявляю тебя своею невѣстою.

— Бездѣльникъ! вскричалъ Юрій! Тебѣ ли,

черному, кровожадному ворону, соединиться съ чистой голубкой?

Съ минуту отъ злости Борецкій не могъ выговорить ни слова.

— Погоди! сказалъ онъ, наконецъ, и съ тобой сейчасъ управлюсь Цѣлуй же меня, невѣста моя!

Онп насильно хотѣлъ обнять Анастасію, но князь Серебряный оттолкнулъ его такъ, что онъ, отлетѣвъ на три шага, растянулся по полу.

Смерть тебѣ! вскричалъ онъ, вскочивъ на ноги, смерть, позорная смерть!

— Отомстимъ за нашего хозяина! вскричали гости.

Князь Михаилъ Олельковичъ, товарищъ его Трентрохъ, Василій Казиміръ и другіе бросились на помощь Ѳедору.

Жутко приходилось князю Серебряному, но Налетъ не дремалъ. Съ другаго конца комнаты, гдѣ управлялся съ ендовой мальвазіи, онъ однимъ прыжкомъ очутился подлѣ своего друга; надѣлъ шапку на ухо, положилъ руку на рукоять сабли, и, обведши глазами всѣхъ гостей, сказалъ громкимъ голосомъ:

— Слушайте! кто осмѣлится тронуть Юрія Романовича, хоть кончикомъ мезинца, тотъ будетъ имѣть дѣло со мной. Понимаете?

При этихъ словахъ онъ протяжно засвисталъ, словно звалъ кречета.

— Это что за выскочка! завопили обиженные гости; что это за бусурманъ? Какъ смѣетъ онъ стоять въ шапкѣ?

— Чортъ меня возьми! закричалъ разгоряченный виномъ Налетъ: этотъ выскочка, этотъ бусурманъ—обрубитъ носъ и уши тому, кто осмѣлиться еще пикнуть! Понимаете?..

— Далибугъ! я его уничтожу! И Трентрохъ съ саблей въ рукѣ бросился на Налета: но этотъ такъ ловко взмахнулъ своей татарской, кривой саблей, что вышибъ клинокъ изъ рукъ Трентроха, у котораго остался одинъ ефесъ.

— Что, бусурманъ, еретикъ, латынщикъ, вскричалъ Налетъ; видно это тебѣ не по нутру! Видно еще не видалъ ты новгородской пыли!

Множество гостей кинулось на безстрашнаго юношу.

— Сюда, орлята! ко мнѣ! крикнулъ Налетъ громовымъ голосомъ, и человѣкъ двадцать молодцовъ, одинъ одного чище, окружили Налета и Юрія, и положивъ руки на рукояти сабель, грозно посматривали на предстоящихъ.

Анастасія лежала въ обморокѣ. Что тутъ такое? спросилъ Василій Ананьинъ, проснувшись и приподнимая голову: но она, отяжелѣвшая отъ винныхъ паровъ, снова опустилась и степенный посадникъ опять захрапѣлъ, какъ говорится, во всю ивановскую.

— Чья взяла? спросилъ Налетъ съ усмѣшкою. Что, братцы? Видно имѣть дѣло съ Налетомъ не мутовку облизать? Что же вы замолчали, храбрые витязи? Аль языкъ прильпе къ гортани? Вы молчите такъ я поговорю, прибавилъ онъ, выдвигаясь впередъ.

— Вотъ тебѣ, Марѳа, спасибо мое за угощеніе, продолжалъ онъ: вино у тебя хорошее, да сама-то ты не хороша. Ты баба, такъ и сиди за веретеномъ, да прялкою, а въ другія дѣла не мѣшайся. Знаешь, какъ кувшинъ по воду ходилъ, да и голову себѣ сломилъ. Припомни-ка это, да образумься. Ты, Ѳедька Исаковъ, задоренъ, да не силенъ, знаешь кому братъ? Благодари Бога, что я ѣлъ твою хлѣбъ-соль, а то быть бы тебѣ безъ ушей! А вы, бояре и посадники, и люди новогородскіе! Стыдно честному человѣку жить вмѣстѣ съ вами, называться однимъ именемъ! вы не мудрые мужи, а бабьи прихвостники! Обрадовались, что поитъ васъ до пьяна, и потакаете ей во всемъ! Сами вы хуже бабъ! Поддаетесь

королю бусурманскому, якшаетесь съ этими еретиками, латыщиками! Онъ указалъ на князя Михаила Олельковича и на Трентроха, который съ жалобнымъ видомъ смотрѣлъ на свою переломленную саблю. Стыдно! Рюрикъ и Ярославъ травили вами, а теперь хотите быть слугами Литвы поганой! Стыдъ вѣчный на васъ и на дѣтей вашихъ. Прощайте, не поминайте лихомъ за правду.

Окруженный своими *орлятами*, взявъ за руку Юрія, Налетъ пошелъ къ дверямъ.

— Мы еще увидимся, закричалъ Ѳедоръ Исаковъ въ слѣдъ уходящему Юрію.

— Увидимся, Ѳедоръ, отвѣчалъ Юрій, увидимся, когда тебя, закованнаго въ цѣпи, повезутъ на плаху. До свиданія, Ѳедоръ Борецкій.

— Спасибо тебѣ, Налетъ, сказалъ князь Серебряный, когда они вышли на улицу. Безъ тебя я бы погибъ.

— И, полно, Юрій Романовичъ, я по гробъ должникъ твой. Но не опасно ли тебѣ оставаться здѣсь? Пойдемъ съ нами.

— Нѣтъ, Налетъ! Я долженъ остаться.

— Понимаю! То-то ты такъ скоро и вступился за черноглазую красавицу. Вольному воля; оставайся, а я сейчасъ ѣду! Прощай, Юрій Романовичъ.

Они обнялись, и Налетъ съ своими молодцами пошелъ къ рѣкѣ; тамъ отвязали они ладьи, сѣли въ нихъ, дружно ударили въ весла, и пѣсня ихъ громко и звонко залилась надъ Волховомъ:

Ахъ вы, очи, очи черныя!
Сокрушили вы добра молодца!

ГЛАВА IV.

Ночь въ домѣ Марѳы.

Честолюбіе—страсть всепожирающая.
Почти аксіома.

Темная ночь висѣла уже надъ Новымгородомъ, когда Юрій возвратился домой.

— Отдалъ ли ты мою грамоту Іоаннову намѣстнику, боярину Рощину? спросилъ онъ Упадыша.

— Отдалъ, отвѣчалъ Упадышъ; бояринъ прочиталъ ее, и велѣлъ благодарить тебя именемъ князя московскаго. Но скажи мнѣ, Юрій Романовичъ, что ты затѣваешь, что ты хочешь дѣлать?

— Вотъ что, Упадышъ, слушай: Новгородъ

возмутился противъ князя московскаго; Марѳа Борецкая и сыновья ея волнуютъ народъ, поджигаютъ его противъ Іоанна, передаются Литвѣ. Объ этомъ-то и писалъ я боярину Рощину. Онъ немедленно увѣдомитъ Іоанна, а Іоаннъ не попуститъ тѣни Казиміровой возсѣсть на престолъ Ярослава великаго. Не устоять противъ него Новугороду; приведетъ онъ его въ волю свою, укротитъ мятежъ, и тогда горе зачинщикамъ. А кто зачинщики? Борецкіе!

— Правда, бояринъ! отвѣчалъ Упадышъ.

— Слушай, Упадышъ! продолжалъ князь Серебряный, сверкая очами; я могъ бы скорѣе отомстить убійцамъ отца моего, могъ бы ранѣе пролить кровь ихъ, да не хочу! Мало имъ этого! Пусть умрутъ они на плахѣ смертію позорною, смертію, какою умертвили они отца моего.

— Какъ возвеселится тогда душа князя Романа! вскричалъ Упадышъ.

— Повеселю же я прахъ отца моего! И онъ благословитъ меня съ того свѣта! Но много, много предстоитъ еще намъ, Упадышъ. Ты долженъ помогать мнѣ.

— Душею и тѣломъ, князь! Я въ твоей волѣ! Говори, что я долженъ дѣлать?

— Сегодня поссорился я съ Эедоромъ Иса-

ковымъ и даже ударилъ его; оставаться здѣсь опасно; покинуть Новгородъ не хочу, да и не могу.

— Какъ же быть?

— Слушай: ты знаешь старую пустую башню, по ту сторону Волхова; она давно необитаема...

— И не добрые слухи носятся про нее въ народѣ, прибавилъ Упадышъ.

— Я переодѣнусь пустынникомъ, колдуномъ, чародѣемъ, чѣмъ хочешь и перейду жить въ нее.

— И я съ тобою, князь?

— Нѣтъ, нѣтъ! Борецкимъ нуженъ вѣрный расторопный слуга, и этимъ слугою будешь ты.

— Понимаю, бояринъ, понимаю! вскричалъ Упадышъ. Услужу я имъ, окаяннымъ, вѣрою и правдою: такъ что не слезами, а кровью заплачутъ они!..

— Завтра же долженъ ты вступить въ услуженіе къ Борецкимъ и распустить слухъ про пустынника, поселившагося въ проклятой башнѣ. Вотъ первый приказъ мой, Упадышъ. Борецкіе заготовляютъ грамоту къ Казиміру; достань ее непремѣнно и принеси мнѣ: если же не достанешь самой грамоты, то хоть списокъ.

— Исполню все, бояринъ, но не ходи въ эту проклятую башню; ты не знаешь, князь, что говорятъ про нее.

— Хоть бы самъ адъ былъ въ ней, я рѣшился; сбирайся, Упадышъ: ты проводишь меня до новаго жилища.

Собравъ на-скоро нужное, они вышли. Полный мѣсяцъ, словно серебряная лампада, висѣлъ надъ Новымгородомъ; свѣжесть весенней ночи ощутительно прижималась къ лицамъ нашихъ спутниковъ. Улицы были пусты; только проходя мимо двора Ярославова, увидѣли они человѣка. Это былъ Малышъ. Бѣдный нѣмой печально сидѣлъ, подперши руками голову, и глядѣлъ на луну.

Но оставимъ пока Юрія и перейдемъ въ домъ Марѳы посадницы.

Пиръ, такъ неожиданно прерванный проповѣдью Налета, кончился. Пьяные и полупьяные гости разбрелись по домамъ. Марѳа осталась одна съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ.

— Послушай, Марѳа! сказалъ князь, не мнѣ учить тебя; но скажи, хорошо ли ты дѣлаешь, что скрываешь отъ народа складную грамоту князя московскаго? *).

---

*) *Складныя грамоты* посылались съ объясненіемъ войны.

— Это необходимо, князь! отвѣчала Марѳа: народъ глупъ. Какъ легко возстанетъ онъ, такъ легко и покоряется; какъ легко возбуждается онъ къ храбрости, также легко и страшится. Надобно пока еще скрывать это отъ него, чтобы онъ подумалъ, что Іоаннъ, устрашившись Литвы, не хочетъ воевать съ нами.

— А если Іоаннъ неожиданно нагрянетъ на Новгородъ, тогда что будете вы дѣлать?

— Объ этомъ и думать нечего, князь, сказала Борецкая съ улыбкою; подумай самъ: теперь уже весна; Новгородъ окруженъ водою, рѣками, озерами, болотами непроходимыми, рать погибнетъ безъ сраженія.

— Правда, Марѳа; но говорятъ, Іоаннъ смѣлъ и рѣшителенъ.

— Какъ бы смѣлъ и рѣшителенъ онъ ни былъ, а все не дерзнетъ идти—туда, куда и предки его въ лѣтнее время ходить боялись. Къ тому же новогородцы храбры: они не выдадутъ св. Софіи! Не напоминать имъ, что подъ этими самыми стѣнами костями легла многочисленная рать Андрея Боголюбскаго.

— Соглашаюсь съ тобою, жена разумная, сказалъ князь; поговоримъ теперь о другомъ, Скажи мнѣ, кто эта дѣвица, которую сынъ твой Ѳедоръ хотѣлъ поцѣловать?

— Это Анастасія, дочь посадника Василья Ананьина.

— Нечего сказать, красавица!

— Тебѣ ли говорить это, князь? сказала Борецкая съ досадою; тебѣ ли, видѣвшему первѣйшихъ красавицъ двора Казимірова, называть красавицею блѣдную, черноглазую дѣвочку, въ которой, право, нѣтъ ничего хорошаго.

Князь Михаилъ Олельковичъ разсердился.

— Если бы ты была помоложе, Марѳа, сказалъ онъ сухо и съ насмѣшкою, я подумалъ бы, что ты завидуешь Анастасіи.

Борецкая закусила губы; на лице ея выступила краска; потомъ оно покрылось смертною блѣдностію.

— Ты шутишь, Михаилъ Олельковичъ, сказала она, силясь улыбнуться.

— Нѣтъ, не шучу, отвѣчалъ князь, и въ доказательство того, прошу тебя высватать мнѣ Анастасію.

— Въ умѣ ли ты, Михаилъ Олельковичъ, вскричала Марѳа, глядя на него съ изумленіемъ, это невозможно: къ этому препятствія неодолимыя.

— А какія, если спрошу тебя?

— Вопервыхъ — Василій Ананьинъ не отдастъ дочь свою, а Анастасія не пойдетъ за

иновѣрца. Потомъ ты слышалъ, князь, что сынъ мой Ѳеодоръ назвалъ ее своею невѣстою. Я согласилась и дала ему свое благословеніе. А главное, Михаилъ Олельковичъ... Хочешь ли меня выслушать?

— Говори, Марѳа, говори.

— Я сильна; я почти царица Новагорода! сказала Марѳа съ гордостію: слово мое есть законъ для его правителей. Мы поддаемся Казиміру; скажу слово и всѣ граждане будутъ просить короля, чтобы онъ сдѣлалъ тебя намѣстникомъ... Тогда, князь, женись на мнѣ и мы своевластно будемъ управлять Новгородомъ. А что лучше власти?

— Хорошо имѣть власть, но я не торгую собой, отвѣчалъ князь Михаилъ Олельковичъ. Одумайся, Марѳа, въ твои ли лѣта думать о замужествѣ? Но ты хочешь власти, да будетъ она въ рукахъ твоихъ. Я самъ буду помогать тебѣ; а ты мнѣ за благодарность высватай Анастасію.

— Никогда, вскричала Марѳа.

— И ты говоришь это рѣшительно? спросилъ князь.

Рѣшительно никогда! повторила Борецкая.

Князь, не говоря ни слова, вышелъ вонъ. Озлился, шибко озлился Михаилъ Олелько-

вичъ. На другой же день, собравъ своихъ витязей, покинулъ онъ Новгородъ, разграбилъ Русу и уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ съ славою и честію господствовалъ братъ его Симеонъ.

Въ волненіи большими шагами ходила по своей комнатѣ Марѳа; буря кипѣла въ душѣ ея, которая волновалась, словно бурливый Ильмень.

— Безумецъ! вскричала она! Дитя! ребенокъ безсмысленный! Отказаться отъ власти, отъ силы, отъ владычества!.. И изъ за чего? Изъ-за черненькихъ глазокъ смазливенькой дѣвочки! Красота! Что продолжительнѣе? Красота, или утренній туманъ надъ нашимъ Волховомъ?

— О! зачѣмъ любятъ мужчины въ женщинахъ лицо, одно лицо, а не силу воли, не душу, которая одушевила бы къ дѣлу великому, душу сильную, закаленную, какъ булатъ, душу, какая кипитъ, бунтуетъ здѣсь!.. она ударила себя въ грудь.

— Младенцы! и вы еще стыдитесь, что вами управляетъ женщина. Не стыдитесь! Виноваты ли вы, что въ этой женщинѣ больше воли и духа, нежели въ васъ; что эта женщина пружина, которая двигаетъ вами во всѣ стороны; что эта женщина свѣча, около которой вы вьетесь, какъ моль, пока не сгорите.

Скорыми неровными шагами начала она опять ходить по комнатѣ. Лицо ея горѣло, глаза сверкали и изрѣдка изъ устъ вырывалось однозвучное слово: власть! власть!

Шумъ у двери прервалъ ея размышленія.

— Кто тамъ? кто смѣетъ меня безпокоить въ это время?.. вскричала Марѳа Борецкая.

Вмѣсто отвѣта отворилась дверь и вошелъ сынъ ея Ѳедоръ.

— Зачѣмъ ты, Ѳеодоръ? Что тебѣ надобно? спросила Марѳа.

Ѳедоръ сѣлъ не отвѣчая ни слова.

— Что съ тобой сдѣлалось, Ѳеодоръ? ты блѣденъ, какъ смерть, сказала Марѳа. Молча, вынулъ онъ изъ-за пазухи кинжалъ и положилъ передъ собой на столъ.

— — Говори, Ѳедоръ, что съ тобой? и Марѳа схватила сына за руку.

— Мать! сказалъ Ѳедоръ мрачнымъ голосомъ: поклянись мнѣ спачала, что ты исполнишь мое требованіе.

— Обѣщаю, сказала Марѳа.

— Нѣтъ, клянись! прервалъ Ѳедоръ.

— Развѣ ты не вѣришь мнѣ, матери своей?

— Не вѣрю, сказалъ Ѳедоръ; вѣдь обманываешь же ты правителей Новогородскихъ, почему же не обмануть тебѣ и сына?

— Мать! сказалъ онъ послѣ нѣкотораго

молчанія; клянись, или въ глазахъ твоихъ сейчасъ же весь этотъ кинжалъ будетъ въ моемъ сердцѣ.

— Но если исполненіе не въ моей власти?

— А, ты отказываешься! молвилъ злобно Ѳедоръ, обнажая кинжалъ.

— Клянусь, клянусь! вскричала испуганная Марѳа.

— Твоею душею?..

— Моею душою!

— Слушай же, мать! Споспѣшествуй моему браку съ Анастасіей Ананьиной; объ этомъ я прошу тебя; но то, для чего пришелъ я, то, чего я требую, это...

— Что же такое?

— Это смерть Юрія Бѣльскаго.

— Смерть, смерть! сказала Марфа, ударивъ себя по лбу. Но какой это Бѣльскій?

— Какой? сказалъ Ѳедоръ съ насмѣшкою... Мать, ты никогда не знаешь тѣхъ, кто наноситъ обиды твоимъ дѣтямъ.

— Не этотъ ли молодой человѣкъ, съ которымъ ты сегодня поссорился?

— Съ которымъ я поссорился... вытянулъ Ѳедоръ; да, мать, это онъ; это тотъ, который въ нашемъ домѣ оскорбилъ тебя и меня, который осмѣлился поднять руку на сына Исаака Борецкаго.

Марфа молчала, будто пораженная чѣмъ-то ужаснымъ.

— Ты вѣрно не знаешь, сказалъ Ѳедоръ, кто былъ этотъ Исаакъ Борецкій! Ты вѣрно забыла, что онъ былъ твой мужъ и отецъ того, на котораго поднялъ руку этотъ мальчишка!

— Увѣренъ ли ты, что это не князь Серебряный? спросила Марфа.

— Говорятъ тебѣ, что онъ Юрій Романовъ Бѣльскій, точно также, какъ я Ѳедоръ Исаковъ Борецкій.

— Дѣлай, что хочешь, Ѳедоръ! вскричала Марфа; я на все согласна! Видно такъ угодно судьбѣ.

Ѳедоръ вышелъ.

— Пагубное сходство! пагубное отчество! сказала Марфа, оставшись одна. Сердце мое не ошибается; это онъ? Юрій Романовъ. Такъ! это сынъ Романа, это князь Серебряный; это... мститель, проговорила она, закрывая глаза рукою.

На другой день поутру Ѳедоръ отправился взять подъ стражу Юрія, но домъ былъ пустъ. Въ этотъ же день Упадышъ вступилъ въ услуженіе къ Борецкимъ и по Новугороду разнесся слухъ, что въ проклятой башнѣ, невѣдомо откуда, поселился какой то чудный старецъ, чародѣй и гадатель.

ГЛАВА V.

Чудный старецъ.—Посѣтители.—Договорная грамота.

Если вы изъ Кромнаго города *) войдете средними воротами въ дѣтинецъ, или кремль новгородскій, то пройдя нѣсколько вправо, около стѣны, увидите древнюю высокую, трехъярусную башню. Эта башня была необитаема; народъ называлъ ее проклятою и разсказывалъ про нее много страшнаго. Говорили, что

---

*) Новгородъ раздѣляется Волховомъ на двѣ стороны: Софійскую и Торговую Софійская сторона также раздѣляется на три части, изъ которыхъ каждая обнесена была стѣною съ бойницами и башнями. Эти части назывались: дѣтинецъ или кремль, далѣе Кромный городъ и наконецъ собственно Новгородъ.

прежде служила она мѣстомъ городской темницы, что много невинныхъ жертвъ погублено въ ней, и что въ полночь въ самое полнолуніе раздаются оттуда жалобные вопли и тѣни замученныхъ плѣнниковъ, гремя цѣпями, выходятъ изъ подземелья. Никто изъ новгородцевъ не рѣшился бы въ это время подойти къ *проклятой башнѣ*; если какому запоздалому путнику случалось ночью идти мимо этого мѣста, онъ крестился и удвоивалъ шаги.

Волненіе народа, возбужденнаго Борецкими и ихъ единомышленниками, еще не утихало. Крики: *хотимъ за Казиміра!* раздавались по улицамъ; собирались толпы, толковали о королѣ польскомъ и между прочимъ о таинственномъ жителѣ проклятой башни.

Ночь разсѣяла эти сборища и заглушила крики. Тишина спустилась на землю; сумерки одѣли мракомъ Новгородъ; звѣзды замелькали на небѣ, огоньки въ домахъ на землѣ.

Въ комнатѣ третьяго яруса проклятой башни, при свѣтѣ лампады, задумчиво опустивъ голову, сидѣлъ старикъ. Широкая и длинная черная одежда скрывала станъ его. Волосы и длинная борода были бѣлы, какъ снѣгъ, но черты чуднаго старца были молоды, и въ большихъ черныхъ глазахъ его сверкалъ огонь, какой не сверкаетъ въ глазахъ старика. Блескъ

этихъ очей былъ нестерпимъ. Но вы знаете, кто этотъ старецъ? Да, вы не ошиблись, это князь Юрій Серебряный.

Легкій стукъ въ дверь прервалъ мысли князя. Войди, сказалъ онъ, принимая таинственный видъ на себя, войди въ жилище бѣднаго старика.

Дверь отворилась и вошла женщина въ лѣтахъ, бѣдно одѣтая. Словно лучъ молніи пробѣжалъ въ глазахъ старика; но онъ затаилъ его, и обратясь къ женщинѣ, сказалъ: повѣдай, чего ты хочешь?

— Мудрый старецъ! сказала женщина боязливымъ голосомъ; носится слухъ, что ты глубиною свѣтлаго твоего разума проникнулъ туда, куда страшится проникнуть умъ человѣческій, говорятъ,—что въ будущемъ читаешь ты, словно въ книгѣ; я, бѣдная женщина, осмѣлилась придти къ тебѣ и просить. Старецъ! повѣдай мнѣ судьбу мою!

Сѣдые усы старика зашевелились, точно будто онъ улыбается; но скоро принявъ опять важный видъ, досталъ онъ черную книгу съ серебряными застежками, открылъ ее, взглянулъ, и опять закрывъ, устремилъ на женщину проницательный взглядъ. Она не могла снести этого взора и потупила глаза въ землю.

— Напрасно, Марфа Борецкая, сказалъ

старецъ важнымъ голосомъ, напрасно одѣлась ты въ это рубище. Оно не идетъ къ тебѣ!

— Такъ ты знаешь меня, чудный? спросила Марфа съ удивленіемъ.

— Знаю и повѣдую тебѣ судьбу твою, Юрій взялъ нѣсколько кусковъ пергамента, вырѣзанныхъ кругами, треугольниками, квадратами и началъ раскладывать ихъ на столѣ. Едва дыша, гляцѣла на него Марфа.

— Марфа! началъ старикъ, богатый уборъ хочешь надѣть ты на свою голову, но поди и омой прежде чело свое! На немъ кровь!

Борецкая поблѣднѣла, какъ смерть.

— Кровь! продолжалъ Юрій, кровь мученика, тобою изведеннаго.

— Старецъ, старецъ! ты лжешь! сказала Марфа; кто тебѣ разсказалъ объ этомъ?

— Кто разсказалъ мнѣ? Мнѣ разсказали своды здѣшняго подземелья, куда приходила ты ночью, предлагая жертвѣ своей любовь и свободу; мнѣ разсказалъ это топоръ палача; да разсказали еще бурныя волны рѣки Мутной, куда опустили трупъ не отпѣтый!

— Чудный! сказала Марфа мрачно, вижу, что отъ тебя нѣтъ скрытаго; но не пробуждай прошедшаго, не тревожь его; оно спитъ сномъ непробуднымъ. Взгляни лучше въ бу-

дущее орлинымъ окомъ своимъ и скажи, что ждетъ меня?

Юрій глядѣлъ нѣсколько времени на знаки, разложенные на столѣ, потомъ началъ говорить:

— Марѳа посадница, горда и суетна душа твоя! Честолюбіе пустило въ ней глубокіе корни и наполняетъ ее всю нераздѣльно. Власти и силы желаешь ты; объ ней думаешь ты днемъ и грезишь ночью; высоко, высоко метишь ты и слушай, Марѳа: препятствій много, но ты достигнешь своей цѣли! Достигнешь до высшей степени власти и могущества выше, нежели ты думаешь! На челѣ твоемъ вѣнецъ!

— Старецъ! вскричала Марѳа, вскочивъ со скамьи, на которой сидѣла, и схвативъ Юрія за руку, сказала: старецъ! я съ ногъ до головы засыплю тебя золотомъ, алмазами, увѣнчаю твои сѣдины, если ты не лжешь! Да, да! прибавила она, сверкая глазами: власть, могущество, вѣнецъ на головѣ моей!.. О, ты вѣдь не шутишь, старикъ; ты не обманываешь меня! Скажи же, ради Бога, скажи еще разъ, что эта правда.

Гордая посадница готова была пасть на колѣна, цѣловать руки, умолять предсказателя, въ глазахъ котораго сверкала злобная радость.

— Что мнѣ пользы обманывать тебя?

— Скажи, чего ты хочешь? спросила Марѳа; золота? вотъ оно! И она бросила на столъ тяжелый кошелекъ.

— Побереги свое золото для себя, Марѳа, сказалъ старикъ, мнѣ оно не нужно; но если ты хочешь благодарить меня, то выхлопочи мнѣ опасную грамоту; много есть злыхъ людей; они могутъ схватить меня и сжечь, какъ чародѣя; прибавь также къ грамотѣ свободное позволеніе уходить куда и когда хочу, не разспрашивая меня, и городскимъ стражемъ не останавливать.

— Завтра получишь ты, что просишь. Но бойся обмануть меня, старикъ. Волховъ глубокъ... а Марѳа сильна!

Она вышла, повторяя: такъ, такъ!.. Власть и могущество въ рукахъ моихъ! Вѣнецъ, вѣнецъ на головѣ моей!

— Ступай, безумная, честолюбивая женщина! сказалъ Юрій, оставшись одинъ, жди вѣнца на преступную твою голову; рано, или поздно получишь его, такой тяжелый, что не сдержать его головѣ твоей! Вѣрь моимъ предсказаніямъ; они сбудутся!

— Къ какимъ средствамъ долженъ прибѣгать я, прибавилъ онъ, бросивъ презрительный взглядъ на фигуры, вырѣзанныя изъ пер-

гамента; но что за дѣло, что дорога, ведущая къ цѣли, грязна! Лишь бы дойти!

— Что-то дѣлаетъ теперь моя Анастасія? Моя?.. Имѣю ли я право называть ее своей? Развѣ сказала она, что меня любитъ? Да, сказала! не словами, но взорами, голосомъ, трепетаніемъ груди.

Въ эту самую минуту дверь отъ сильнаго толчка ногою распахнулась настежъ и вошелъ Ѳедоръ Исаковъ. Не снимая шапки, нахлобученной на самые глаза, подошелъ онъ къ Юрію, который дрожалъ не отъ страха, но отъ гнѣва.

— Старикъ! сказалъ онъ, садясь на лавку, говорятъ что ты колдунъ! Я пришелъ узнать, правда ли это?

— Кто это сказалъ. тотъ солгалъ! Я не колдунъ, отвѣчалъ Юрій.

— Ну, чародѣй, черновнижникъ, предсказатель. Все равно! Не запирайся. Развѣ я не вижу колдовскихъ принадлежностей? Онъ указалъ на пергаментъ и черную книгу.

— Чего же ты хочешь? спросилъ Юрій.

— Чего я хочу? Скажи мнѣ вопервыхъ, гдѣ отыскать врага моего, заклятаго врага.

Старикъ посмотрѣлъ въ книгу.

— Его нѣтъ въ Новгородѣ, отвѣчалъ онъ.

— Такъ онъ ушелъ отъ меня! сказалъ Ѳе

доръ со злобою; ты долженъ сказать мнѣ, старикъ, гдѣ онъ?

Юрій началъ раскладывать пергаментныя фигуры.

— Онъ тамъ, куда не достигнетъ власть твоя.

— Знаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь, колдунъ? вскричалъ Борецкій. Будь осторожнѣе. Гдѣ же онъ, гдѣ то мѣсто, куда не достигнетъ власть моя?

— Тамъ, гдѣ безсильны всѣ твои ухищренія и вся злоба твоя.

— Проклятый чародѣй! вскричалъ Ѳедоръ, вскочивъ съ мѣста и выхвативъ кинжалъ; ты смѣешь смѣяться надо мною! Знаешь ли ты, что гнусная жизнь твоя виситъ на волоскѣ?

— Вложи въ ножны кинжалъ свой, Ѳедоръ Исаковъ, сказалъ спокойно Князь Серебряный; онъ мнѣ не страшенъ. Я не смѣюсь надъ тобою, потому что врагъ твой подъ покровительствомъ князя московскаго, а туда не достигнетъ власть твоя.

— Не достигнетъ власть, такъ достигнетъ мщеніе! Вы, колдуны, искусны въ приготовленіи ядовитыхъ зелій, которыя скоро или медленно, но вполнѣ умерщвляютъ человѣка; приготовь мнѣ такое зеліе. Но увижу ли еще я врага моего?

— Увидишь, непремѣнно увидишь!

— Зелье, зелье! сказалъ Ѳедоръ; но еще долженъ ты, старикъ, приготовить мнѣ приворотный корень.

Юрій взялъ свою книгу.

— Онъ не подѣйствуетъ надъ нею! она тебя не любитъ! Ѳедоръ, Ѳедоръ! - она любитъ твоего врага, твоего оскорбителя.

— О! сказалъ Борецкій. Она будетъ моею.

— Она ненавидитъ тебя, Ѳедоръ, сказалъ опять старикъ.

— Такъ волею же, или неволею, а Настасья будетъ моею!

— Ѳедоръ Исаковъ! не дѣлай этого, или ты умрешь въ тотъ же мигъ!

— Увидимъ! сказалъ Ѳедоръ, уходя; умру, а Настасья будетъ моею.

Тоска и невольное опасеніе заронились въ сердце Юрія; онъ облокотился на столъ, опустилъ голову и сдѣлался не подвиженъ. Часы летѣли; на дворѣ была глухая ночь, а Юрій все сидѣлъ, точно окаменѣлый.

— Все въ мысляхъ, мой бояринъ! раздался надъ нимъ громкій голосъ; онъ взглянулъ: это былъ Упадышъ.

— Что, Упадышъ? спросилъ онъ его, выполнилъ ли нужное?

— Выполнилъ. Вотъ и грамота къ Кази-

міру, прибавилъ онъ, подавая Юрію свертокъ пергамента.

— Кто писалъ ее?

— Дмитрій Исаковъ.

— А когда отправляется посольство?

— Завтра чѣмъ свѣтъ; но Дмитрій самъ не ѣдетъ; говоритъ, что боленъ, а въ грамотѣ помѣстилъ свое имя.

— Нѣтъ ли еще чего, Упадышъ?

— Важнаго ничего нѣтъ, бояринъ! Только сегодня вечеромъ Марѳа ходила куда-то.

— Знаю, знаю. Она приходила ко мнѣ ворожить, сказалъ князь Серебряный съ усмѣшкою.

— Но мнѣ нельзя мѣшкать! Пора назадъ, сказалъ Упадышъ.

— Одно слово: тебя не подозрѣваютъ?

— Ни мало, князь! Я громче всѣхъ кричу: идемъ за Казиміра! Кто противъ Бога и великаго Новагорода?

Упадышъ ушелъ. Оставшись одинъ, Юрій поправилъ лампаду, развернулъ грамоту и прочелъ ее. Она была слѣдующаго содержанія:

„Честный король польскій и князь великій литовскій заключилъ дружественный союзъ съ нареченными владыкою Ѳеофиломъ, съ посадниками, тысячскими новгородскими, съ боярами, людьми житыми и со всѣмъ великимъ Но-

вогородомъ; а для договора были въ Литвѣ: посадникъ Аѳанасій Евстафіевичъ, посадникъ Димитрій Исаковичъ и пр. Вѣдать тебѣ, честному королю, великій Новгородъ по сей крестной грамотѣ и держать на городищѣ своего намѣстника греческой вѣры, вмѣстѣ съ дворецкимъ и тіуномъ, коимъ имѣть при себѣ не болѣе 50 человѣкъ. Намѣстнику судить съ посадникомъ на дворѣ архіепископскомъ, какъ боляръ, житыхъ людей и младшихъ гражданъ, такъ и сельскихъ жителей, согласно съ правдою, и не требовать ничего, кромѣ судной законной пошлины; но въ судъ тысячскаго, владыки и монастырей ему не вступаться. Дворецкому жить на городищѣ во дворцѣ и собирать доходы твои вмѣстѣ съ посадникомъ; а тіуну вершить дѣла съ нашими приставами. Если государь московскій пойдетъ войною на великій Новгородъ, то тебѣ господину, честному королю, или въ твое отсутсвіе, Радѣ литовской дать намъ скорую помощь. Ржевъ, Великія Луки и Холмовской погостъ платятъ тебѣ дань. Новгородецъ судится въ Литвѣ по вашимъ законамъ, а Литвинъ въ Новѣ-городѣ по нашимъ законамъ безъ всякаго притѣсненія. За судъ получаешь, что издревле установлено. Тебѣ честному королю, не выводить отъ насъ людей, не купить ни селъ, ни ра-

бовъ, и не принимать ихъ въ даръ, ни королевѣ, ни панамъ литовскимъ, а намъ не таить законныхъ пошлинъ. Ты, честный король, не долженъ касаться нашей православной вѣры, гдѣ хотимъ, тамъ и поставимъ нашего владыку; а римскихъ церквей не ставить нигдѣ въ землѣ новгородской. Въ утвержденіе договора, цѣлуй крестъ къ великому Новгороду за все свое княжество и за всю Раду литовскую, въ правду, безъ извѣта, а послы наши цѣловали крестъ Новгородскою душою къ честному королю за великій Новгородъ *).

*) Этотъ договоръ найденъ въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ.

ГЛАВА VI.

Свиданіе. — Намѣстникъ. — Московская рать.

И дождалась, открылись очи;
Она сказала: это онъ!

Пушкинъ.

На другой же день получилъ Юрій отъ Марфы опасную грамоту.

Взявъ ее съ собою и договоръ съ Казиміромъ, вышелъ онъ изъ своей башни. Шаги слушались сердца, и потому мудрено ли, что онъ очутился въ глухомъ переулкѣ, куда выходилъ садъ Василія Ананьина. Сады тогдашняго времени не заслуживали этого названія: это были просто огороды, въ которыхъ стояло нѣсколько плодовитыхъ деревьевъ; толь-

ко въ угодность Анастасіи, которая любила цвѣты, было ихъ нѣсколько клумбъ въ саду Ананьина.

Осмотрѣвшись, не примѣчаетъ ли кто за нимъ, Юрій съ легкостію перескочилъ черезъ низенькій заборъ. Хоть бы увидать ее, думалъ онъ, хоть бы словечко молвить съ нею! Я и этимъ бы былъ доволенъ! Не успѣлъ онъ произнести этого желанія вслухъ, какъ слухъ его пораженъ былъ сладкими, нѣжными, знакомыми сердцу звуками. Онъ пошелъ на голосъ и увидалъ Анастасію. Склонивъ голову, сидѣла онъ подъ густою, развѣсистою яблоней, которая гордилась своею новою зеленою одеждою, и пѣла:

Призадумалась красна дѣвица,
Очи ясныя притуманились;
Шелкова коса расплеталася,
По щекамъ текли слезы жгучія:
Какъ не плакать ей, сиротинушкѣ,
Какъ не плакать ей, не печалиться?
Ея солнышко, милъ сердечный другъ,
Ея радостный—далеко ушелъ;
Далеко ушелъ—въ землю чуждую!

Настасья бѣлымъ платкомъ отерла слезы. Печальный голосъ ея звучно разносился по

саду; яблоня шумѣла и вѣтви ея нагибались, будто слушая пѣсню. Грустно и радостно стало Юрію; онъ не могъ болѣе выдержать; разомъ, забывъ о своемъ одѣяніи, очутился онъ передъ Настасьей.

— Колдунъ, чародѣй! вскричала Настасья, и закрывъ глаза рукою, бросилась бѣжать.

— Остановись, Анастасія, остановись! говорилъ Юрій умоляющимъ голосомъ: Анастасія! это я.

Анастасія остановилась, и отнявъ руки отъ лица, посмотрѣла на Юрія.

— Какъ знакомъ этотъ голосъ, прошептала она, но это не онъ! Тотъ далеко! она вздохнула. Что тебѣ надобно, стерецъ?

— Неужели ты не узнала меня? спросилъ мнимый чародѣй.

Она подошла ближе.

— Ты ли это, Юрій Романовичъ, сказала она съ небесною радостію во взорахъ. Ты въ этомъ одѣяніи? Въ Новгородѣ? Ахъ, бѣги, бѣги, не оглядываясь, прибавила она; голова твоя оцѣнена? клевреты Борецкихъ ищутъ тебя повсюду.

— Пусть ищутъ, сказалъ Юрій, не найдутъ. И что мнѣ за дѣло до Борецкихъ, до всего остальнаго міра, когда я вижу тебя, милая Анастасія. Тысячѣ смертей готовъ я подверг-

нуться, лишь бы увидать тебя, лишь бы подышать съ тобою однимъ воздухомъ. Если бы ты знала, Анастасія, какъ много я тебя люблю?

— Ахъ, Юрій! какъ много ты для меня сдѣлалъ, избавивъ тогда отъ этого ненавистнаго Ѳедора Исакова! Знаешь ли ты мое горе? Этотъ Борецкій сватается за меня, и отецъ обѣщалъ ему мою руку.

— И ты съ радостію идешь за него? спросилъ князь Серебряный.

— Юрій, Юрій! Ты ли говоришь эти рѣчи: съ радостію, съ радостію, съ какою преступникъ идетъ на плаху. Рыданія слышались въ ея голосѣ. Но я еще не жена его, и не буду ею! Лучше кинусь въ Волховъ.

Юрій, упоенный счастіемъ, схватилъ ее за руку.

— Теперь, или никогда! сказалъ онъ; выслушай меня, Анастасія. Я люблю тебя, люблю больше всего на свѣтѣ; съ тобой меня все радуетъ; безъ тебя весь міръ пустъ и печаленъ! Анастасія! хорошая моя Анастасія! осчастливь меня или убей. Говори: жить, или нѣтъ! Любишь ли ты меня или ненавидишь?..

Страстно взглянула Анастасія огненными своими глазами. Юрій обнялъ ее, прижалъ къ сердцу, и горячій поцѣлуй порохомъ вспыхнулъ на устахъ ихъ.

— Радостная моя! желанная моя! говорилъ князь Серебряный, цѣлуя Анастасію, которая съ дѣтскою радостію отвѣчала на его ласки. Судьба моя! Доля моя счастливая!.. Небомъ на землѣ подарила ты меня!

Лице Анастасіи рдѣло, какъ алая роза, какъ вечернее небо. Странно было видѣть эту юную, едва распустившуюся дѣвушку въ объятіяхъ сѣдаго, какъ лунь, старика, котораго очи сверкали и горѣли любовію молодою.

— Будь же вѣрна мнѣ, сказалъ онъ; мы увидимся. Боюсь, чтобы насъ не застали.

Онъ перескочилъ на улицу.

Вышедъ изъ Новгорода, князь Серебряный остановился на берегу Волхова, снялъ верхнюю одежду чародѣя, накладную бороду, спряталъ все подъ камень и направилъ путь къ Городищу.

Съ смутною думою на челѣ сидѣлъ во дворцѣ своемъ бояринъ Рощинъ, намѣстникъ великаго князя московскаго, когда ему доложили, что какой-то человѣкъ изъ Новгорода хочетъ говорить съ нимъ. Онъ приказалъ ввести его, и передъ нимъ явился Юрій.

— Что ты хочешь новгородецъ? спросилъ его бояринъ сурово.

— Я не новгородецъ, отвѣчалъ Юрій, а вѣрный слуга князя Іоанна Московскаго.

— Что же тебѣ надобно? повторилъ Рощинъ.

— Прежде всего, бояринъ, напомню тебѣ, сказалъ князь Серебряный, что я тотъ самый, который за нѣсколько дней прислалъ тебѣ грамоту съ извѣстіемъ о происшествіяхъ въ Новгородѣ и объ измѣнѣ Борецкихъ.

— А, это ты? Добро пожаловать. садись, проговорилъ намѣстникъ и морщины сгладились съ чела ого. Скажи же мнѣ свое имя!

— Имя мое—бояринъ Юрій Романовъ; въ Новгородѣ зовутъ меня Бѣльскимъ; но это не настоящее имя мое; я откроюсь, когда придетъ время.

— Воля твоя, Юрій Романовичъ, если хочешь скрываться, сказалъ Рощинъ; во всякомъ случаѣ спасибо тебѣ за вѣрность къ князю Іоанну и за твои извѣстія. Скажи мнѣ теперь, что дѣлается въ Новгородѣ?

— Что? Народъ бѣснуется; бѣгаетъ по улицамъ пьяный, неистовствуетъ, кричитъ: да здравствуетъ Казиміръ, покровитель господина Новгорода великаго! Борецкіе, ихъ наушники, и архіепископскій ключникъ, монахъ Пименъ, расхитивъ казну святительскую, поджигаютъ народъ, сыплютъ въ нихъ деньгами. Волненіе ужасное! Мирные граждане,

запершись въ домахъ, сѣтуютъ и не смѣютъ выдти на улицу.

— Хорошо! Но ты писалъ мнѣ про посольство къ Казиміру, когда же отправится оно въ Литву?

— Оно уже отправилось сегодня поутру, отвѣчалъ Юрій.

— Еще нѣтъ ли чего, достойнаго вниманія?

— Ты знаешь, бояринъ, отвѣчалъ князь, что князь Василій Гребенка-Шуйскій вѣрный и преданный слуга Новгорода; его отправили воеводою въ землю Двинскую, опасаясь,-чтобы рать московская не овладѣла этою страною. За новгородъ они не опасаются. Теперь весна, а Іоаннъ не пойдетъ на насъ.

— Пусть они ждутъ, да разгадываютъ, сказалъ Рощинъ, а князь московскій тѣмъ временемъ нагрянетъ на нихъ, будто снѣгъ на голову. Останься со мною, Юрій Романовичъ: ты будешь мнѣ нуженъ.

— Нѣтъ, бояринъ, нельзя, отвѣчалъ Юрій, много трудовъ и дѣла предстоитъ мнѣ, и до начатія ихъ я далъ обѣтъ сходить помолиться въ Юрьевъ монастырь. Мы еще увидимся, бояринъ; придетъ время, когда, можетъ быть, и я попрошу твоей помощи, попрошу замолвить за меня словечко великому князю.

Всегда готовъ служить тебѣ, Юрій Романовичъ, чѣмъ могу, отвѣчалъ бояринъ Рощинъ; а теперь прощай! Ты идешь на богомолье, помолись и за меня грѣшнаго, и поставь свѣчу за успѣхъ орудія московскаго.

Между тѣмъ грозная туча собиралась надъ Новгородомъ. Псковитяне шли съ московскимъ воеводою княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Шуйскимъ; воеводы Образецъ и Слѣпой-Тютчевъ заняли землю Двинскую; къ Русѣ подходилъ изъ Москвы князь Даніилъ Холмскій, а князь Василій Ивановичъ Оболенскій-Стрига приближался съ татарскою конницею къ берегамъ Мсты. Вслѣдъ за этой передовой ратью шелъ изъ Москвы съ главнымъ войскомъ самъ великій князь Іоаннъ.

Конецъ первой части.

ВѢЧЕВОЙ КОЛОКОЛЪ.

РУССКІЙ РОМАНЪ XV СТОЛѢТІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ II.

Изданіе третье.

МОСКВА.
Типографія П. Е. Астафьева, Арбатъ, д. Платонова.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 октября 1891 г.

ВѢЧЕВОЙ КОЛОКОЛЪ.

ГЛАВА I.

Гроза.—Опять вѣче.—Убійство.

День клонился къ вечеру. Солнце, окруженное синими, красными, золотыми облаками, огромнымъ пожаромъ догарало на краю небосклона. По серединѣ неба, какъ неясное воспоминаніе, едва видѣлся блѣдный серебряный мѣсяцъ, а съ востока поднималась грозная сѣдая туча, которой послѣдніе лучи западающаго солнца придавали какой-то зловѣщій, красноватый отливъ. Водяныя птицы широкими кругами летали надъ Волховомъ, и громкое продолжительное ихъ карканье предвѣщало ужасную грозу.

А на улицахъ раздавался шумъ и клики;

народъ толпился, бѣгалъ, раговаривалъ, или собирался отдѣльными кучками.

Но вотъ струистый лучъ молніи прорѣзалъ тучу и громовый гулъ тяжко занылъ въ отдаленіи. Крупныя капли дождя начали падать на землю и всѣ, забывъ и дѣла и разговоры, спѣшили по домамъ. Скоро туча охватила все небо; сдѣлалось темно, какъ въ могилѣ; дождь полился ведромъ и громовые удары слѣдовали одинъ за другимъ, словно безпрерывная кононада. Вихрь срывалъ крыши съ домовъ, выбивалъ оконницы и крутился въ воздухѣ съ непонятною яростію. Грозна, ужасна была буря, точно приближалось представленіе свѣта.

Не успѣвшіе дойти до домовъ и застигнутые грозою укрылись отъ нея на паперти Софійскаго собора. Всѣ въ страхѣ жались другъ къ другу; всѣ скорбнымъ взоромъ гладѣли на небо, не проясняется ли гдѣ нибудь; но небо было черно, дождь бушевалъ, громовые выстрѣлы раздавались чаще и чаще, а вихрь ревѣлъ, какъ демонъ, сорвавшійся съ цѣпи!

— Согрѣшили мы, грѣшные! сказалъ одинъ старикъ съ длинною бородою; сами на себя бѣду призвали! Вишь какія чудеса творятся!

— Какія же это чудеса творятся?... спросилъ насмѣшливымъ голосомъ высокій мужчина съ смуглымъ, загорѣлымъ лицемъ.

— Да развѣ ты слѣпъ, добрый человѣкъ? сказалъ опять старикъ; право я подумалъ бы это, если бы глаза твои не сверкали, какъ у кошки!

— Да толкъ идетъ не объ моихъ глазахъ, а объ чудесахъ; а я хоть и увижу за версту твою сѣдую бороду, а чудесъ, ей, ей, не вижу.

— А что же значатъ всѣ эти безпрестанные пожары? что значитъ эта самая гроза? сказалъ маленькій человѣчекъ съ рѣденькою рыженькою бородкой.

— Да! прибавилъ старикъ, бѣду сулитъ намъ, не доброе предзнаменуетъ все это!

Сильный ударъ прокатился по небу. Черноволосый захохоталъ; всѣ отодвинулись и поглядѣли на него съ ужасомъ.

— Ужь чудеса! сказалъ онъ съ насмѣшкою; чудеса, что весною бываютъ грозы! Вѣдь не зимой же гремѣть грому! А пожары! Чудо, да и только! Сгорѣлъ какой-нибудь домишке такъ и быть бѣдѣ. Онъ хохоталъ.

— Грѣховодникъ! окаянный! проговорила рыжая бородка, плюнувъ въ сторону.

— Уменъ ты, братъ и разуменъ, сказалъ опять старикъ; вѣрно за моремъ этому умуразуму набрался! Да вотъ, чудеса какія! По-

слушайте, православные? Былъ я грѣшный въ монастырѣ на Хотунѣ; вы, я чай, знаете, что тамъ колокола старинные, которые еще великій князь Владиміръ вывезъ изъ корсуня. Эти-то колокола ночью разъ такъ раззвонились, такой трезвонъ подняли, что вся братія сбѣжалась и у всѣхъ волосы стали дыбомъ. Да что? На кладбищѣ на всѣхъ гробахъ показалась кровь.

— Согрѣшили мы, окаянные, сказала старуха.

— Вѣрно позабыли привязать языки, вѣтеръ раскачалъ ихъ, и вотъ отчего произошелъ звонъ, началъ опять свои доказательства черноволосый.

Въ этотъ самый мигъ со всѣхъ четырехъ сторонъ загорѣлось небо, будто обданное пожаромъ. Громовой ударъ, съ ревомъ и трескомъ разрѣзалъ воздухъ, дробясь и грохоча въ громкихъ перекатахъ: своды собора затряслись, кровля затрещала и вихрь сломилъ крестъ на главѣ*). Всѣ почти попадали на землю, да и оставшіеся на ногахъ всѣ бросились на колѣни и съ тредетомъ начали молиться, ожидая ежеминутно смерти.

Почти всю ночь пробушевала гроза... Но

*) Историческое.

вотъ уже заалѣлъ востокъ; ночной туманъ, какъ духъ изгнанный лучами солнца, поднялся и улетѣлъ съ Волхова; и вотъ наконецъ выкатилось оно, царственное свѣтило, горя золотомъ, сверкая огнемъ и свѣтомъ. Тихо и величественно пробуждалась природа, омытая дождемъ, освѣженная грозою. Народъ, съ лица котораго еще не нагладилось впечатлѣніе, произведенное вчерашнею грозою, уже оживлялъ улицы, и толпою бѣжалъ къ проклятой башнѣ, чтобы попросить предсказателя; но ожиданіе его не исполнилось: проклятая башня была пуста; чудный старецъ исчезъ.

Вдругъ раздался звукъ вѣчеваго колокола, и народъ, какъ рѣка, прорвавшая плотину, хлынулъ ко двору Ярославову. Вѣче собралось уже; всѣ сановники новогородскіе были уже тамъ и разговаривали между собою. Марѳа также уже явилась, окруженная толпою единомышленниковъ. Необыкновенный огонь горѣлъ въ черныхъ глазахъ ея; честолюбивая душа, возбужденная предсказаніями Юрія, алкала силы и могущества; въ умѣ ея звенѣли, какъ эхо, слова старца: „вѣнецъ лежитъ на главѣ твоей!“ Народъ толпился, ожидая, что будутъ говорить правители, какъ вдругъ раздался громкій крикъ: раздайся, раздайся! какъ будто раздвинутые могучею рукою, волны на-

рода расхлынулись на двѣ стороны, и передъ сановниками явился воинъ на конѣ, едва переводящій духъ отъ усталости. Доспѣхи воина были всѣ изсѣчены и кровь запеклась на нихъ. Всѣ молчали, удивленные и пораженные этимъ страннымъ явленіемъ. Наконецъ Василій Казимировичъ прервалъ молчаніе:

— Что тебѣ надобно, воинъ? спросилъ онъ.

— Пить! пить! едва могъ проговорить прибывшій, съ трудомъ снимая шлемъ.

Всѣ бросились за водою. Вы подумаете изъ человѣколюбія, и ошибетесь! Они спѣшили для того, чтобы скорѣй удовлетворить свое любопытство.

— Скажи же намъ, сказалъ Дмитрій Борецкій, когда воинъ утолилъ свою жажду, зачѣмъ прибылъ ты къ намъ и въ такомъмъ видѣ, какъ будто ты сейчасъ со сраженія?

— Я точно со сраженія, отвѣчалъ воинъ.

— Съ какого сраженія? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Іоаннъ, князь московскій, вступилъ въ предѣлы новгородскіе!

Словно вся многолюдная площадь вымерла; это извѣстіе такъ поразило всѣхъ, что никто не могъ выговорить ни слова.

— Іоаннъ выступилъ изъ Москвы съ главнымъ войскомъ, началъ разсказывать воинъ, и,

соединился въ Торжкѣ съ тверскими воеводами княземъ Юріемъ Андреевичемъ Дорогобужскимъ и Иваномъ Житомъ. Съ двухъ сторонъ ворвалось войско московское въ наши области. Съ одной воевода Холмскій, съ другой невѣрные клятвопреступники Псковитяне. Воевода ихъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Шуйскій, взялъ Вышгородъ. Я изъ Русы, Данила Холмскій, взялъ ее, выжегъ, раззорилъ, не оставилъ камня на камнѣ. Кой какъ собрались мы, вооружились, хотѣли отстоять, но видно, Богъ покинулъ насъ за грѣхи наши! рать московская истребила насъ до послѣдняго; воины московскіе остервенились; ни слабыхъ жепъ, ни малыхъ дѣтей не щадили они; убивали земледѣльцевъ и жгли ихъ жилища. Рѣка крови текла шире Волхова; вездѣ пылало пламя, разстилался дымъ; вездѣ раздавались стонъ и вопли! Едва избѣжавъ смерти, прискакалъ я увѣдомить васъ о происшедшемъ.

Воинъ кончилъ; всѣ молчали.

— Что скажете теперь, правители новогородскіе? сказалъ бояринъ Никита, тотъ самый, который былъ въ Москвѣ съ просьбою объ утвержденіи нареченнаго владыки Ѳеофила. На себя самихъ пеняйте; сами на себя бѣду накликали! Увѣщевалъ я васъ, молилъ не ссориться съ великимъ княземъ! вы не по-

слушали меня поддались Казиміру, и вотъ теперь постигаетъ васъ правдивый судъ Іоанна! опомнитесь, пока еще есть время. Повинитесь великому князю; онъ снисходителенъ, а повинную голову не сѣкутъ, не рубятъ.

— Одинъ измѣнникъ можетъ говорить это! закричалъ неистово Ѳедоръ Исаковъ! праведный судъ Іоанна! да развѣ онъ судья намъ? Новгородъ самъ себѣ судья и господинъ!..

— Какую бѣду пророчишь ты, бояринъ, сказала Марѳа; Казиміръ теперь намъ союзникъ; пошлемъ гонца къ нему, и онъ дастъ намъ скорую помощь вслѣдствіе клятвеннаго договора.

— Да! сказалъ Никита! разсылайте гонцовъ и вѣстниковъ; а между тѣмъ Вышгородъ взятъ уже и Руса сожжена; стало быть, пока гонецъ вашъ доѣдетъ до Литвы, самъ Новгородъ уже будетъ во власти великаго князя московскаго.

— Не бывать этому! заревѣлъ народъ.

— Смѣло говорите вы, люди новогородскіе, молвилъ опять бояринъ Никита, вы только кричите: а не бывать этому! А подумали ли сначала, есть ли у васъ сила защищаться? Гдѣ ваше войско? А Іоаннова рать сильна, хорошо обучена и...

— Ты, бояринъ, прервалъ его Димитрій

Исаковъ, не за тѣмъ здѣсь, чтобы исчислять силы Іоанна и хвалить рать его; словами Волхова не вычерпаешь.

— Что дѣлаешь? спросилъ Никита; по моему мнѣнію, смириться предъ Іоанномъ и просить міра. Онъ милостивъ. Помните, что приказалъ онъ сказать вамъ черезъ меня, когда я ѣздилъ въ Москву?

„Ѳеофилъ, вами избранный, сказалъ великій князь, будетъ принятъ съ честію и поставленъ въ архіепископы: не нарушу ни въ чемъ древнихъ обыкновеній, и готовъ васъ жаловать какъ мою отчину, если вы искренно признаете вину свою, не забывая, что предки именовались великими князьями владимірскими, *Новагорода и всея Руси*. Вотъ что говорилъ великій князь, и сдержалъ бы слово; но вы сами возмутились противъ него и поддались королю иноплеменному. Люди новгородскіе! Куйте желѣзо, пока оно горячо! Остынетъ, тогда трудно будетъ разогрѣвать его снова! Пожертвуйте гордостію благу родины и просите міра у великаго князя!

— Миръ, миръ! закричало нѣсколько голосовъ; хотимъ къ Москвѣ православной! Къ великому князю Іоанну и отцу его митрополиту Филиппу.

Борецкая и ея сообщники поблѣднѣли отъ злости.

— Миръ! миръ! проговорилъ Василій Казиміръ, почти задыхаясь отъ бѣшенства, поддаться добровольно, подобно дѣтямъ, которые испугались розги! Не испытавъ ни одного средства для окончанія этого дѣла съ честію для насъ и для Новгорода! Но я не могу говорить отъ горя, что вижу малодушіе моихъ согражданъ. Говори Марфа, что ты думаешь? Мудрость глаголетъ твоими устами! Говори!

— Сограждане мои! сказала Марѳа, я думаю, что одно средство осталось намъ—битва! На миръ не надѣйтесь! Іоаннъ, я знаю, предложитъ такія условія, какія выполнить запретитъ намъ честь и слава св. Софіи. Но рать наша не собрана еще! поможемъ и этому. Пошлемъ сказать князю московскому, что желаемъ вступать съ нимъ въ переговоры, а тѣмъ временемъ вооружимся за св. Софію и пошлемъ гонца къ Казиміру въ Литву. Пока Іоаннъ перешлетъ намъ опасную грамоту для нашихъ чиновниковъ, пока будетъ вести переговоры, наша рать соберется, подойдетъ литовская, и оружіе рѣшитъ участь Новгорода. Помните, сограждане, что велика, безчисленна была рать Андрея Боголюбскаго, и та не одолѣла св. Софіи! Вспомните славу предковъ,

и покажите себя достойными потомками Гостомысла!

— Война Іоанну! закричали единомышленники Марѳы.

Это была искра, брошенная въ порохъ.

— Война Іоанну! Постоимъ за св. Софію! закричалъ народъ. Разумныя рѣчи твои, Марѳа! Дѣлай, что хочешь!

— Одумайтесь! одумайтесь, люди Новгородскіе! закричалъ бояринъ Никита! Не предавайтесь первому влеченію; не рѣшайтесь на важное дѣло такъ скоро! Что скоро, то не споро! Размыслите сначала о выгодахъ и объ невыгодахъ войны, или мира...

— Не хотимъ мира! Война Іоанну! завопилъ народъ.

— И такъ оставляю васъ, неразумные вашей участи; покидаю васъ и Новгородъ, сказалъ Никита, и хотѣлъ идти прочь съ Вѣча.

— Измѣнникъ, вскричалъ Ѳедоръ Исаковъ; погибни съ позоромъ.

— Погибни! вскричали сообщники Борецкихъ и подкупленные ими.

Въ одну минуту бояринъ Никита былъ окруженъ, и съ глухимъ стономъ проколотый нѣсколькими ножами, упалъ на землю. Память тебѣ, благородный бояринъ!

ГЛАВА II.

Лазутчикъ —Встрѣча —Битва.

Немедленно посланъ былъ посолъ къ Іоанну.

Задумчиво сидѣла Марѳа; въ молчаніи большими шагами ходилъ по комнатѣ сынъ ея, Димитрій; у дверей, наклонивъ голову, какъ-бы ожидая приказаній, стоялъ Упадышъ.

Посадникъ Василій Казиміръ вошелъ въ комнату.

— Ну что, Василій, спросила Марѳа, добрыя ли ты принесъ намъ новости?

— И добрыя, и нѣтъ, отвѣчалъ Василій Казиміръ: войско собирается со всѣхъ сторонъ, сверхъ того мы и ремесленниковъ, гончаровъ и плотниковъ одѣли въ доспѣхи и посадили на коней. Пусть идутъ въ Русь; пѣхоту пош-

лемъ мы на судахъ, а конница пойдетъ берегомъ. Но нѣтъ ли здѣсь лишнихъ бревенъ? сказалъ онъ, взглянувъ на Упадыша.

— Ничего, Василій Казиміръ, ничего сказать Димитрій Исаковъ; это нашъ, и хотя онъ недавно у насъ въ услуженіи, но успѣлъ уже доказать свою вѣрность и преданность.

— И такъ сказалъ Василій Казиміръ, пѣхота соединится съ конницею у Русы, нападетъ нечаянно на Холмскаго и разобьетъ его. Тѣмъ временемъ мы успѣемъ собрать еще отъ 30 до 40.000 рати, и принявъ надъ нею начальство съ сыномъ твоимъ Димитріемъ, поведемъ ихъ сами противу Москвитянъ. Богъ намъ поможетъ, и знамена св. Софіи восторжествуютъ надъ московскими!

— Не худо бы было послать намъ лазутчика для узнанія расположенія рати московской, сказала Марѳа; но гдѣ найти человѣка, который отважился бы взять на себя эту опасную должность?

— Если тебѣ угодно будетъ, боярыня, повѣрить мнѣ это дѣло, сказалъ съ притворнымъ смиреніемъ Упадышъ, то я готовъ положить животъ свой на твоей службѣ.

— Вотъ ты сомнѣвался, Василій Казиміръ, въ этомъ человѣкѣ, сказалъ Димитрій Ко-

рецкій, а онъ первый вызвался сослужить намъ эту важную службу.

— Кто вызвался? спросилъ Ѳедоръ, входя въ эту самую минуту.

— Упадышъ, отвѣчалъ Димитрій.

Ѳедоръ мрачно взглянулъ на Упадыша.

— Если ты вѣрно и счастливо исполнишь наше порученіе, сказалъ Василій Казимиръ, сослужишь службу господину Новгороду великому, то богатая награда ожидаетъ тебя. Ступай теперь ко мнѣ и тамъ ожидай дальнѣйшихъ приказаній; тамъ же получишь ты наставленія, какъ поступать, и нужныя деньги на дорогу.

Упадышъ поклонился и вышелъ.

— Не лежитъ сердце мое къ этому человѣку, сказалъ Ѳедоръ Исаковъ; что-то говоритъ мнѣ, что онъ намъ измѣняетъ, и что мы должны непремѣнно остерегаться его.

— Пустое подозрѣніе! отвѣчалъ Димитрій: ты никому не вѣришь.

Этимъ кончился разговоръ.

Между тѣмъ Упадышъ уже оставилъ Новгородъ, и отошелъ отъ него верстъ 5, остановился. Гдѣ мнѣ искать теперь боярина? не знаю; а надо объявить ему важныя вѣсти; если бы онъ сказалъ мнѣ, куда пошелъ, а то свѣтъ великъ; во всѣ мѣста разомъ не

поспѣешь. Задумавшись, шелъ онъ впередъ и не видалъ, что на встрѣчу ему прямо скакалъ богато вооруженный молодой всадникъ.

— Упадышъ! закричалъ онъ, поровнявшись. Упадышъ взглянулъ и остолбенѣлъ.

— Ты ли это, дорогой мой бояринъ? вскричалъ онъ наконецъ, схвативъ всадника за руку и цѣлуя ее; ты ли это, Юрій Романовичъ? Тебя не узнаешь! Какимъ молодцомъ ты глядишь! Двѣ капли воды твой батюшка! Куда же ты ѣдешь, Юрій Романовичъ?

— Въ Новгородъ, отвѣчалъ всадникъ, въ которомъ мы узнали Юрія.

— Не ѣзди, бояринъ! Что тебѣ тамъ дѣлать? сказалъ Упадышъ; я съ тѣмъ шелъ, чтобы отыскать тебя.

— Да развѣ ты уже не служишь Борецкимъ?

— Нѣтъ, служу! Но я вызвался быть лазутчикомъ, съ тѣмъ, чтобы увѣдомить тебя объ ихъ распоряженіяхъ. Слушай же, князь: Борецкіе набрали всякаго сброда: плотниковъ гончаровъ вооруженныхъ и послали ихъ напасть нечаянно на воеводу Холмскаго, который стоитъ теперь на Коростынѣ между Русою и озеромъ Ильменемъ. Сверхъ того выступитъ главное ихъ войско подъ начальствомъ Василія Казиміра и Димитрія Исакова.

— Димитрія Исакова! вскричалъ съ радостію князь Серебряный.

— Да! говоритъ Василій Казиміръ, будто бы будетъ ихъ отъ тридцати до сорока тысячъ; но это еще надежда.

— Хоть ихъ было бы триста тысячъ, а не тридцать, и тогда не снести имъ головы своей! Я ѣду сейчасъ въ станъ московскій.

— Не медли-же бояринъ; Новгородцы уже выступили.

— Одно слово, Упадышъ, Новгородцы будутъ разбиты; это вѣрно; и Новгородъ можетъ быть, безъ дальняго кровопролитія покорится Іоанну; если же, сверхъ чаянія, правители убѣдятъ народъ защищаться въ самыхъ стѣнахъ города, то ты долженъ лишить ихъ средствъ къ оборонѣ.

— Я? одинъ? Какимъ же образомъ? Это невозможно, бояринъ.

— Заколоти ихъ пушки.

Улыбка появилась на широкихъ губахъ Упадыша.

— Понимаю, князь, сказалъ онъ съ радостію, и не будь я Упадышъ, если не исполню твоей воли! Но не медли, бояринъ; чтобы Новгородцы не застали врасплохъ князя Холмскаго.

— Ѣду! Прощай, Упадышъ! и исполни мое приказаніе.

Юрій поворотилъ лошадь, ударилъ ее плетью; добрый конь взвился на дыбы и помчался какъ стрѣла, пущенная сильною рукою.

Князь Холмскій лежалъ въ своей палаткѣ на разостланномъ коврѣ; подлѣ него сидѣлъ бояринъ Ѳедоръ Давидовичъ.

— Ну, Ѳедоръ Давидовичъ, сказалъ князь, что ты думаешь объ Новгородцахъ?

— То, что они легкомысленны и малодушны, какъ бабы, ну, Ѳедоръ Давидовичъ, неравна баба, какова, напримѣръ, Марѳа Борецкая?

— Злой духъ въ женскомъ образѣ!

— Вотъ то-то же! Признаться, не желалъ бы я эдакой жены! Живаго въ гробъ положитъ.

— Коли кто поддастся—такъ; а кто поддастся женщинѣ, тому да стыдно будетъ! Попробовала бы у меня жена заикнуться объ чемъ нибудь, кромѣ семейныхъ дѣлъ, я бы тотчасъ же упряталъ ее за прялку.

Добрый Ѳедоръ Давидовичъ предупредилъ Наполеона, который, когда Марія-Луиза начинала говорить о государственныхъ дѣлахъ, бралъ ее за руки и выводилъ за двери, говоря: „чулки вязать, чулки вязать!“

— Пришла же ей бѣшеная мысль управ-

лять Новгородомъ, сказалъ князь Холмскій, какъ будто женщина создана для того, чтобы сидѣть на конѣ и ворочать мечемъ. Да вѣдь не мечемъ управляетъ-то, а умомъ! Плохо и съ силой безъ разума.

Воинъ, стоявшій на стражѣ у дверей палатки, вошелъ въ эту минуту.

— Князь Данило! сказалъ онъ, какой-то всадникъ хочетъ говорить съ тобою.

— Кто онъ? спросилъ Холмскій.

— Да Богъ же его вѣдаетъ, отвѣчалъ страж; прискакалъ какъ бѣшеный, во весь опоръ; лошадь вся въ мылѣ, и требуетъ немедленно тебя видѣть.

— Не гонецъ-ли отъ велйкаго князя?

— Нѣтъ, князь, а то бы онъ сказался.

— Да спроси, что ему надо? сказалъ съ нетерпѣніемъ Холмскій.

— Спрашивалъ я, да не говоратъ; самаго, дескать, князя Холмскаго нужно ему видѣть.

— Ну введи!

Въ полномъ вооруженіи вошелъ князь Юрій Серебряный.

— Чего ты хочешь отъ меня, добрый человѣкъ? спросилъ князь Даніилъ.

— Хочу дать тебѣ нужное извѣстіе, князь, отвѣчалъ Юрій; рать твоя отдыхаетъ, да и не

думаетъ объ непріятелѣ, онъ у тебя за плечами.

— Что ты говоришь! вскричалъ Холмскій, вскочивъ съ ковра и устремивъ проницательные взоры на Юрія, между тѣмъ какъ боярин Ѳедоръ Давидовичъ немедленно приподнимался, какъ бы нехотя и зѣвая.

— Гдѣ непріятель, говоришь ты? повторилъ Холмскій.

— Слушай, князь, сказалъ Юрій; Новгородцы посадили свою пѣхоту на суда и велѣли ей плыть озеромъ Ильменемъ, чтобы тихонько напасть и врасплохъ разбить тебя. Я едва успѣлъ доскакать, чтобы во-время тебя увѣдомить.

— И это извѣстіе не ложно?

— Ручаюсь головою и жизнію.

— Спасибо, благодарю тебя, добрый юноша, сказалъ Холмскій, протягивая руку Юрію. Чего хочешь ты въ награду?

— Позволь мнѣ сегодня сражаться подъ твоимъ знаменемъ.

— Охотно.

Холмскій и Ѳедоръ Давидовичъ вышли изъ ставки. День вечерѣлъ; заходящее солнце золотило вершины деревьевъ и играло на блестящемъ вооруженіи и доспѣхахъ воиновъ, изъ которыхъ иные лежали на травѣ, другіе бро-

дили въ лѣсу, который разстилался по правую сторону.

Холмскій собралъ около себя начальниковъ.

— Храбрые сподвижники! началъ князь Даніилъ, непріятель хитеръ; хочетъ обмануть насъ, но вѣдь и мы не дѣти! Ему въ обманъ не дадимся, а сами проведемъ его; ночью нападетъ онъ на насъ, въ расплохъ, какъ онъ думаетъ, а мы приготовимся принять, да угостить его. Разложите огни въ лѣсу; пусть нѣсколько ратниковъ лягутъ около нихъ, будто спящіе, а прочіе станутъ за деревьями съ пищалями на готовѣ. Конница вся станетъ со мною въ этомъ перелѣскѣ и при первыхъ выстрѣлахъ нападетъ на непріятеля, а съ вами останется бояринъ Ѳедоръ Давидовичъ. Съ Богомъ, друзья! Онъ защитникъ правому дѣлу.

Въ минуту всѣ распоряженія Холмскаго были приведены въ исполненіе.

Вотъ и ночь тихо и медленно начала опускаться на землю; мракъ одѣлъ весь лѣсъ; и вотъ въ разныхъ мѣстахъ засвѣтились зажженные костры, около которыхъ лежали мнимо спящіе. Все было тихо, только по временамъ раздавался трескъ горящаго дерева; но вотъ послышалось, точно отдаленный шумъ

воды и плескъ веселъ. Неподвижно лежали воины, творя молитву.

Пѣхота Новгородская вышла изъ судовъ; конница его не поспѣла. Долго шли споры о томъ, дождаться ли ее, или съ одною пѣхотою напасть на сонныхъ, какъ они думали, Москвитянъ. Благоразумные хотѣли перваго, пылкость восторжествовала надъ благоразумiемъ,—рѣшено было напасть

Неслышными шагами, точно легiонъ духовъ, приближалась рать Новгородская къ стану московскому. Вотъ замелькали передъ нею огни разложенныхъ костровъ, и еще тише, еще медленнѣе начали они приближаться. Раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ, изъ коихъ каждый окружилъ костеръ, уже заносили они мечи надъ головами лежащихъ Москвитянъ, какъ сильный залпъ изъ пищалей угостилъ большую часть смертнымъ гостинцомъ. Въ минуту спящiе были на ногахъ и съ обнаженными мечами, съ бердышами бросились на непрiятелей. Изъ-за каждаго дерева, изъ-за каждаго куста выходилъ вооруженный воинъ. Весь лѣсъ оживился; вездѣ сверкали огни, вездѣ стучали мечи и раздавались стоны падшихъ. Не ожидали такого дружнаго прiема Новогородцы; смутились они и дрогнули. Въ этотъ самый мигъ Холмскiй съ конницею ударилъ

на нихъ; тутъ они не выдержали и побѣжали. Москвитяне поражали, гнали ихъ, топтали лошадьми; положили 500 человѣкъ на мѣстѣ, а остальныхъ разсѣяли, или взяли въ плѣнъ. Съ жестокосердіемъ, свойственнымъ тогдашнему времени, приказавъ отрѣзать плѣнникамъ носы и губы, отослали ихъ такимъ образомъ въ Новгородъ *).

Какъ молодой орелъ въ поднебесьѣ разыгралось сердце Юлія при первомъ громѣ битвы очи заблистали отвагою, загорѣлись храбростію; какъ ангелъ истребитель, леталъ онъ на конѣ своемъ и трупы показывали то мѣсто, гдѣ просверкалъ мечъ его. Онъ бросился въ самую середину схватки, но судьба его хранила: онъ остался невредимъ.

По окончаніи битвы князь Даніилъ Холмскій, сошедъ съ коня, обнялъ Юрія.

— Спасибо, сто разъ спасибо, храбрый юноша, сказалъ онъ; жаль, что ты не сынъ мой! Безъ тебя Новгородцы застали бы насъ въ расплохъ, и Богъ вѣдаетъ, чѣмъ бы кончилась битва.

Спасибо тебѣ и за личную твою храбрость прибавилъ онъ; я видѣлъ, какъ гулялъ твой мечъ! Тебѣ одному обязаны мы сегодня по-

---

*] Архив. Лѣт.

бѣдою. Но скажи твое имя, храбрый юноша, чтобы я могъ увѣдомить великаго князя, потому что я сейчасъ пошлю къ нему гонца съ грамотой.

— Пошли меня, князь, сказалъ Юрій.

— Изволь,—ты заслужилъ это сегодня.

Князь Холмскій написалъ грамоту, и Юрій поскакалъ къ великому князю.

ГЛАВА III.

Вѣстникъ.—Еще битва.

И грянулъ бой...

Пушкинъ.

Окруженный своими боярами, сидѣлъ Іоаннъ великій князь Московскій. — Его окружали братья его князья Юрій, Андрей и Борисъ Васильевичи; татарскій царевичъ Даніяръ, сынъ Касимовъ, князь Михаилъ Верейскій и бояринъ Рощинъ, бывшій намѣстникъ новогородскій. Величественное чело Іоанна было гордо, но не весело; правая рука лежала на колѣняхъ, а лѣвою игралъ онъ золотою цѣпью, которая висѣла у него на шеѣ. Бояре молчали, ожидая слова Іоанна.

Вотъ, до чего доводятъ меня мятежники! сказалъ наконецъ великій князь; Русскіе должны проливать кровь Русскихъ! Эти взбалмошные Повгородцы думаютъ, что всегда бу-

детъ продолжаться удѣльная система, которую они такъ жалуютъ. Нѣтъ, клянусь жизнію, нѣтъ! Не быть на Руси этой системѣ распрей и вражды, а быть единовластію! Не даромъ ношу титулъ *Государя всея Руси*, который носили предки мои со временемъ Симеона Гордаго; хочу, чтобы этотъ титулъ былъ не пустымъ звукомъ, а дѣломъ существеннымъ. Смиреніе Новогорода первый шагъ къ тому. А чѣмъ смирить его? я не люблю проливать кровь. Говорите, бояре, какое средство къ смиренію Новогорода?

— Государь! отвѣчалъ Рощинъ есть только одно средство, и это средство война.

— Государь! братъ мой! сказалъ князь Борисъ Васильевичъ; скипетръ и мечъ въ рукахъ твоихъ! Долгъ твой защищать мирныхъ подданныхъ и наказывать мятежниковъ.

— И такъ, Государь! возьми оружіе въ руки, молвилъ Даніяръ Касимовъ, и да будетъ воля твоя надъ Новгородомъ!

Тутъ доложили князю, что прискакалъ гонецъ отъ воеводы, князя Даніила Холмскаго, и предъ очи вѣнценосца предсталъ князь Юрій Серебряный, въ полномъ вооруженіи, съ опущеннымъ наличникомъ. Преклонивъ колѣно, подалъ онъ грамоту великому князю. Взоры всѣхъ бояръ обратились на Іоанна, лице кото-

раго сначала сдѣлалось грозно, но подъ конецъ чтенія просвѣтлѣло.

— Радуйтесь, бояре! сказалъ Іоаннъ, князь Даніилъ пишетъ, что Новгородцы напали на него ночью въ расплохъ; но что этотъ храбрый юноша предувѣдомилъ его время; Новгородцы разбиты и разсѣяны. Возблагодаримъ же Бога, защитника и покровителя стороны правой! А тебѣ спасибо, храбрый витязь; открой лице свое, чтобы мы видѣли нашего слугу вѣрнаго.

Медленно снялъ Юрій шлемъ съ головы своей; черные волосы его пышными кудрями раскинулись по плечамъ.

— Государь, князь великій! сказалъ бояринъ Рощинъ, это тотъ самый, который увѣдомлялъ меня о всѣхъ происшествіяхъ въ Новгородѣ; о всѣхъ казняхъ проклятой Марѳы посадницы и сыновей ея. Это тотъ самый, про котораго я писалъ тебѣ еще съ городища и для котораго просилъ твоей милости.

— А! такъ это ты! сказалъ великій князь, обратясь къ Юрію. Спасибо тебѣ, слуга мой! Не забуду я заслугъ твоихъ, скажи, чего хочешь? проси, и если могу, то исполню просьбу, ради заслугъ твоихъ!

— Государь, отвѣчалъ Юрій; ни богатствъ, ни почестей не прошу я у тебя, а прошу

крови, прошу смерти позорной или заточенія.

Удивленный Іоаннъ пристально посмотрѣлъ на Юрія.

— Смерти или заточенія!.. сказалъ онъ. Чьей же?

— Марѳы Борецкой и сыновей ея, отвѣчалъ Юрій твердымъ голосомъ.

— А, такъ ты личный врагъ ихъ, ты мстишь имъ; но за что-же?

— За смерть отца моего.

— Какъ тебя зовутъ?

— Князь Юрій Серебряный.

— Такъ ты вѣрно сынъ князя, Серебрянаго, казненнаго въ Новгородѣ, сказалъ Іоаннъ; понимаю теперь твою ненависть къ Борецкимъ; но слушай, князь Серебряный; я не тиранъ, не могу, для личной мести одного человѣка, осудить на казнь другаго.

— Но Борецкіе бунтовщики, государь! Они-то поджигали народъ, они-то склонили его передаться королю польскому,

— Они!.. сказалъ Іоаннъ протяжно... Но чѣмъ ты докажешь! Месть на многое заставляетъ рѣшиться! Іоаннъ проницательнымъ взоромъ взглянулъ въ лице Юрія.

— Если ты, князь великій, не вѣришь мнѣ, сказалъ князь Серебряный, пусть удостовѣритъ

тебя эта грамота, писанная рукою Димитрія Борецкаго.

Онъ подалъ великому князю договорную грамоту съ Казиміромъ, которую далъ ему Упадышъ.

Іоаннъ развернулъ грамоту и началъ читать. Чело его становилось все мрачнѣе; темный огонь сверкалъ въ глазахъ, брови сблизились, какъ у Юпитера, когда онъ этимъ движеніемъ потрясалъ Олимпъ.

— Казнь и гибель крамольникамъ! вскричалъ онъ наконецъ, топнувъ ногою и бросивъ грамоту на полъ: казнь отступникамъ, предателямъ отечества! о! дорого далъ бы я, еслибъ этотъ измѣнникъ былъ въ рукахъ моихъ!...

Бояре, устрашенные гнѣвомъ Іоанна, одинъ за однимъ вышли вонъ; остался одинъ Юрій.

Ты можешь, государь, имѣть его въ рукахъ своихъ, сказалъ князь Серебряный.

— Какимъ образомъ?

— Войско новогородское скоро выступитъ; оно худо обучено, но многочисленно; имъ начальствуетъ Димитрій Борецкій и Василій Казиміръ. Вели рати твоей вступить съ ними въ бой; можетъ быть, птичка попадется въ силки. Если воеводы твои одержатъ побѣду,

то безъ дальнѣйшаго кровопролитія Новгородъ твой.

— А развѣ ты думаешь, что Новгородцы не станутъ защищаться въ самомъ городѣ?

— Они не въ состояніи будутъ этого сдѣлать; слуга мой, оставшійся въ Новгородѣ, заколотитъ ихъ пушки.

— Правда, сказалъ Іоаннъ; безъ нужды не должно проливать кровь христіанскую. Теперь, князь Серебряный, я могу дать тебѣ слово. Борецкіе не только враги твои, но и враги отечества, благопріятели Литвы. Они погибнутъ; но я не могу этого сдѣлать вдругъ. Пусть сначала народъ привыкнетъ къ новому порядку вещей, потому что будетъ новый порядокъ. Знай, князь Юрій, что въ Новгородѣ не быть ни посадниковъ, ни Вѣчу, ни вѣчевому колоколу! будетъ одна власть моя, и только! но это должно совершиться исподоволь. Пусть сначала одна уступка пріучитъ ихъ къ слѣдующимъ; но до времени объ этомъ никому ни слова. Забудь, что слышалъ. Теперь хочу пожаловать тебя за твою вѣрность и за твои заслуги. Іоаннъ снялъ съ себя золотую цѣпь и надѣлъ ее на Юрія, преклонившаго колѣно.

— Теперь вотъ тебѣ приказаніе: ты вѣренъ, и я на тебя полагаюсь. Самъ я стану

на берегу озера Коломны; ты же, отдохнувъ отъ пути, поѣзжай къ князю Даніилу Холмскому и вели ему моимъ именемъ идти за Шелонь, и соединившись съ Псковитянами, вмѣстѣ съ ними къ Новгороду. Нѣтъ пощады врагамъ отечества и измѣнникамъ! Между тѣмъ Михаилъ Верейскій осадитъ Демонъ. Теперь отдохни, а завтра съ разсвѣтомъ въ путь, ты поѣдешь вмѣстѣ съ царевичемъ Даніяромъ, котораго я съ татарскою конницею пошлю на подмогу князю Даніилу. Пока прощай! Служи мнѣ вѣрою и правдою, и я тебя не забуду.

Іоаннъ съ величественнымъ видомъ протянулъ руку Юрію, который, поцѣловавъ ее, вышелъ вонъ. На утро уже скакалъ онъ съ татарскою конницею навстрѣчу князю Холмскому.

Приблизившись къ тому мѣсту, гдѣ, какъ полагали, стоялъ Холмскій, они не нашли никого. Но на противуположномъ берегу Шелони открылось имъ чудное зрѣлище: пять тысячъ Москвитянъ бились съ 30,000 Новгородцевъ; стукъ мечей и громъ выстрѣловъ долетали до нихъ; крики: съ одной стороны: *Москва! Москва!* съ другой *Новгородъ* и *св. Софія*!—потрясали воздухъ.

Берегъ Шелони былъ высокъ, крутъ, поч-

ти отвѣсный; мѣсто глубокое и теченіе быстро; но эти препятствія не были не преодолимы. Южная кровь закипѣла въ пламенномъ Даніярѣ. Во имя Бога! за мной! вскричалъ онъ и разомъ на конѣ прыгнулъ съ берега въ воду, которая разступилась; только серебряныя брызги поднялись на воздухъ. Юрій послѣдовалъ за нимъ! ура! ура*)! вскричали татары. Всѣ бросились въ Шелонь; ни одинъ не утонулъ, и они достигли благополучно до противуположнаго берега. Тамъ кипѣла ужасная сѣча, необученное, неопытное войско Новгородцевъ уже уступало сильному дружному напору Холмскаго, когда подоспѣвшая конница рѣшила дѣло. Съ неодолимымъ стремленіемъ врѣзались Татары въ самую середину новгородской рати. Лошади, уязвляемыя стрѣлами, начали бѣситься, сбивать всадниковъ; ужасъ объялъ воеводъ и ратниковъ; они еще стояли, но уже колебались и ежеминутно готовы были обратить тылъ.

Мечъ Юрія сверкалъ какъ звѣзда среди свалки; извивался змѣемъ, блисталъ молніею, и груды труповъ, точно снопы, скошенные рукою земледѣльца, означали губительный путь его. Но отъ чего вдругъ сверкнули его

*) Уръ! ура! значитъ по-татарски: бей!

очи?.. отъ чего рука, держащая мечъ, задрожала и смертная блѣдность покрыла лицо его? Недалеко отъ себя увидѣлъ онъ Димитрія Борецкаго, который еще защищался, окруженный нѣсколькими воинами.

— Сдайся, Димитрій Исаковъ! вскричалъ князь Серебряный, подскакавъ къ нему.

— Сдамся мертвый, а не живой! отвѣчалъ Димитрій.

— Сдайся! закричалъ опять Юрій. Но въ эту самую минуту конь его споткнулся и упалъ на колѣни. Ужъ мечъ Димитрія сверкалъ надъ головою его, какъ царевичъ Даніяръ усмотрѣлъ орлинымъ взглядомъ своимъ, что его спутникъ въ опасности. Сжалъ онъ колѣнами коня своего, и конь взвился на дыбы, пустился птицею крылатою. Въ тотъ мигъ, когда Димитрій Борецкій занесъ мечъ свой надъ головою князя Серебрянаго, мѣтко наброшенный арканъ вырвалъ его изъ сѣдла, и гордый посадникъ новогородскій, стирая пыль съ земли лицемъ своимъ, увлеченъ былъ пылкимъ татариномъ. Юрій видѣлъ все; радость придала ему силы и проворство. Въ одно мгновеніе ока перескочилъ онъ на лошадь какого-то убитаго воина и стрѣлою помчался вслѣдъ за царевичемъ. Онъ настигъ его въ то самое время, когда татаринъ, освобо-

дивъ плѣнника отъ аркана, и не зная, что съ нимъ дѣлать, приготовлялся попробовать своей кривой саблею, крѣпокъ ли его черепъ.

— Стой! стой, Даніяръ! закричалъ князь Серебряный.

Татаринъ взглянулъ на него и взмахнулъ саблей.

— Остановись, Даніяръ, говорятъ тебѣ? вскричалъ Юрій. Что ты хочешь дѣлать?

— Хочу посмотрѣть, что крѣпче: сабля моя, или его голова? Не мѣшай же мнѣ, князь, сказалъ равнодушно Даніяръ.

— Нѣтъ, не отъ твоей руки долженъ умереть онъ, сказалъ Юрій; это важный плѣнникъ; это посадникъ Новгородскій; его должно представить великому князю.

— Ну! такъ это другое дѣло! сказалъ Даніяръ, вкладывая саблю въ ножны.

Между тѣмъ новый напоръ дружины князя Холмскаго рѣшилъ участь этого дня. Новгородцы дрогнули и побѣжали. Въ безпорядкѣ, потерявъ память, скакали они, топтали другъ друга, вязли въ тинѣ болотной, тонули и никто и не думалъ помогать другъ другу. Съ громкимъ крикомъ: Москва! Москва! гнали ихъ Москвитяне на пространствѣ 12 верстъ. Въ этотъ день Новгородцы потеряли 12,000 человѣкъ убитыми и 1700 плѣнными, въ

числѣ которыхъ, исключая Димитрія Борецкаго, находились еще: Посадникъ Василій Казиміръ, бояре: Василій Селезневъ—Губа, Капріанъ Арбузовъ и Еремѣй Сухощокъ. Побѣда была совершена.

Трубы громко протрубили сборъ: воины начали сбираться на мѣсто битвы, гдѣ развѣвались побѣдоносныя знамена московскія. Воеводы князь Даніилъ Холмскій и Ѳедоръ Давидовичъ сошли съ коней, приложились къ образамъ подъ знаменами и велѣли служить благодарственный молебенъ Богу, благословившему оружіе Московское, потомъ, поблагодаривъ воиновъ за ихъ усердіе и храбрость наградивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, Холмскій подошелъ къ Юрію.

Поздравляю тебя съ милостію великокняжескою, сказалъ онъ, увидѣвъ на шеѣ его золотую цѣпь. Счастливъ пріѣздъ твой, Юрій Романовичъ, и потому поѣзжай опять къ великому князю, донести ему, что судьба Новгорода совершилась.

Тотчасъ же важнѣйшіе плѣнники, подъ прикрытіемъ сильной дружины, которою начальствовалъ князь Серебряный, отправлены были къ Іоанну, который находился тогда въ Яжелбицахъ.

ГЛАВА IV.

Разговоръ въ темницѣ.—Казнь.—Миръ.

Совершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ разсыпавшись домой.

Пушкинъ.

Худой миръ лучше доброй ссоры.

Пословица.

Іоаннъ прибылъ въ Русу; вслѣдъ за нимъ привезли и плѣнниковъ. Участь ихъ была рѣшена; главнѣйшихъ изъ нихъ, благопріятелей Литвы, и въ томъ числѣ Димитрія Борецкаго, ожидала плаха; Василія Казиміра и другихъ заточеніе; прочихъ—великій князь, соединяя милосердіе съ грозою мести, простилъ.

Темная ночь уже занавѣсила небо; только звѣздочки, какъ недремлющіе очи, смотрѣли на сонную землю и будто плакали объ ея бѣдствіяхъ. Всѣ почти спали; не спали только тѣ, которымъ эта ночь была послѣдняя.

Въ темницѣ, окованный цѣпями, сидѣлъ Димитрій Борецкій. Облокотившись на столъ, на которомъ едва брезжилась слабымъ свѣтомъ лампада, склонилъ онъ голову на руки. Воображеніе схватило духъ его, какъ орелъ хватаетъ агнеца, одѣло крылами, озарило свѣтомъ и унесло его далеко отъ настоящаго, далеко отъ мрачныхъ стѣнъ темницы, въ великій Новгородъ... На самой вершинѣ глубокаго небеснаго купола свѣтило солнышко, волны его заливали свѣтомъ обширную площадь, на которой кипѣлъ народъ... Громкій благовѣстъ несся съ вершины Софійскаго собора; широкій Волховъ лился словно растопленнымъ серебромъ? лучи солнца усыпали его алмазами, и онъ, словно живой, горѣлъ, шумѣлъ, двигался... Вездѣ свѣтъ и говоръ, вездѣ жизнь и счастіе!.. И вотъ онъ, Димитрій, именитый бояринъ, посадникъ правитель, гордо идетъ между народомъ... Всѣ съ уваженіемъ даютъ ему дорогу, всѣ привѣтствуютъ, снимаютъ съ почтеніемъ шапки. Димитрій хочетъ отблагодарить ихъ, поклониться, поднимаетъ руку... и на ней звенятъ цѣпи...

Свѣтъ потухъ, мечты улетѣли, крылья воображенія опустились, и передъ нимъ мрачныя стѣны тюрьмы, простой столъ, на немъ брезжется лампада и на рукихъ гремятъ цѣпи.

Борецкій заплакалъ,

Или жаль стало ему свѣтлыхъ мечтаній своихъ? Дитя! вѣдь это мечтанія! Плакать объ исчезнувшій радугѣ!.. Ребенокъ! вѣдь это одинъ отблескъ!

Или онъ плачетъ объ жизни, о, тогда ты не дитя, а безумецъ... плачетъ ли земледѣлецъ, когда послѣ дневныхъ трудовъ, усталый, измученный, онъ ложился на ложе, на которомъ заснетъ сномъ крѣпкимъ и мирнымъ...

— Эта ночь послѣдняя, которую провожу я, сказалъ Димитрій, послѣдняя! А завтра растворятся передо мною двери могилы, двери въ другой свѣтъ, не извѣданный, не испытанный. Не о жизни; это не о могуществѣ плачу я, а объ томъ, что двери отворитъ для меня палачъ, что я умру смертію позорною и что имя мое, имя славное, сдѣлается словомъ позорнымъ! Умереть на плахѣ! умереть въ виду тысячи людей, умереть, какъ злодѣю, какъ убійцѣ.

Мать моя! мать моя!.. Вотъ твое дѣло! Вотъ плоды, которыхъ ты ждала отъ своего сѣянія! Богатую жатву принесутъ они тебѣ! Къ чему тебѣ было возбуждать честолюбіе въ душѣ, и безъ того уже честолюбивой? Къ чему было питать его?..

Звуки пѣсни поразили слухъ узника! подъ

окномъ его темницы расхаживалъ вооруженный пищалью воинъ и пѣлъ пѣсню:

Какъ по небу ли, по широкому,
По широкому, по звѣздистому,
Плыветъ батюшка свѣтелъ мѣсяцъ,
Словно бѣлая лебедушка...
Какъ за бѣлой ли за лебедушкой
Плывутъ дѣтушки ея малыя,
Какъ за батюшкой, свѣтлымъ мѣсяцемъ,
Словно дѣтушки за лебедушкой—
Плывутъ звѣздочки самоцвѣтныя!

Сердце плѣнника сжалось, облилось кровію. Эта пѣсня была вѣстію отъ міра, съ которымъ онъ разлученъ; отъ свободы, которая отнята отъ него; отъ жизни, съ которою онъ долженъ разстаться.

Желѣзные запоры двери его загремѣли; онъ обернулъ голову; человѣкъ высокаго роста, закутанный въ темную одежду до самаго лица, такъ что видны были только два сверкавшіе глаза, вошелъ въ темницу. Неподвижно остановился онъ по серединѣ и, не говоря ни слова, глядѣлъ на Димитрія.

— Ты палачъ? спросилъ плѣнникъ. Незнакомецъ молчалъ.

— Говори, заклинаю тебя! вскричалъ Борецкій, говори, что принесъ ты мнѣ?

— Прощеніе! отвѣчалъ незнакомецъ; но голосъ его былъ насмѣшливъ.

Это былъ неожиданный ударъ, подобный электрическому; лучъ радости, давно забытой, который освѣтилъ мрачную темницу.

— Прощеніе! вскричалъ узникъ, вскочивъ съ мѣста. Прощеніе, повторилъ онъ, бросаясь къ ногамъ незнакомца. О, благодарю, тысячу разъ благодарю тебя, вѣстникъ радости! И такъ я еще буду жить! О, зачѣмъ же цѣпи эти гремятъ еще на рукахъ моихъ! Сними, сними ихъ, благодѣтельный незнакомецъ!.. другъ! спаситель мой...

Но вдругъ онъ замолчалъ, какъ убитый. Незнакомецъ смѣялся.

— Другъ! спаситель!.. проговорилъ онъ, сбросивъ одежду, которая скрывала его, Узнай же меня. Димитрій Борецкій, узнай вѣчнаго, непримиримаго врага твоего семейства! И ты могъ повѣрить прощенію! Да! ты, получишь его завтра, когда на площади палачъ, взявъ за волосы твою отрубленную голову покажетъ ее народу, и бросивъ на землю, скажетъ: да будетъ проклятъ измѣнникъ, предатель отечества!..

Это былъ князь Серебряный.

— Не правда ли, продолжалъ Юрій, что я точно другъ и спаситель твой?

Гордость Борецкаго возвратилась. Онъ всталъ и, гордо посмотрѣвъ въ глаза Юрія, отвѣчалъ:

— Я ошибся, назвавъ тебя другомъ; ты палачъ.

— Нѣтъ, не палачъ, а мститель, мститель за пролитую кровь, за позорную смерть! И пролитою кровію и позорною смертію платитъ сынъ моего отца — сыну твоей матери, потому что мой отецъ также погибъ на плахѣ и погубленъ твоей матерью, проклятою Марѳою.

— Ты безумный! Я не знаю тебя! сказалъ Димитрій.

—А, ты не знаешь меня, Димитрій Борецкій, сказалъ злобно князь Серебряный. Ну, такъ слушай; я скажу тебѣ, кто я. Онъ сѣлъ. Я князь Юрій Серебряный. Отецъ мой былъ казненъ въ Новгородѣ, знаешь ли за что?

— Не знаю, отвѣчалъ Борецкій.

— За то, продолжалъ Юрій, что онъ не согласился отвѣчать на преступную любовь одной женщины.

— За это не казнятъ въ Новгородѣ, сказалъ Димитрій.

Но Юрій, не слушая его, продолжалъ:

— Эту женщину звали Марѳой Борецкой. Это была мать твоя, Димитрій! мать твоя, которая ночью, какъ блудница, пришла въ тем-

ницу, также какъ я пришелъ къ тебѣ, и предлагала отцу моему жизнь и свободу, если онъ согласится полюбить ее. Онъ не принялъ этого предложенія, и она добрая, кроткая Марѳа, она упросила мужа своего, который былъ посадникомъ, осудить отца моего на смерть. Что ты скажешь на это, Димитрій Исаковичъ?

— Это ложь, гнусная клевета! вскричалъ Борецкій! Ты безчестишь мать мою, жаль что я не могу уничтожить тебя на мѣстѣ!

— Да! не можешь, Димитрій Исаковичъ: цѣпи тяжелы.

— О! если бы онѣ спали теперь съ рукъ моихъ!

— Теперь, Димитрій Исаковичъ, не спадутъ, а спадутъ завтра, когда поведутъ тебя на плаху; тогда вспомни, что и отецъ мой умеръ на плахѣ; что причиною его смерти была мать твоя, но что праведная месть постигла ея поколѣніе! Прощай, Димитрій Исаковичъ.

И князь Серебряный вышелъ, насмѣшливо поглядѣвъ на Борецкаго.

Пышно іюльское солнце высоко уже стояло на небѣ, народъ съ безпокойнымъ какимъ то ожиданіемъ толпился по улицамъ Русы и спѣшилъ на площадь, жадно переби-

вая дорогу другъ у друга. На этой площади была воздвигнута плаха. Вотъ, что бѣжалъ смотрѣть народъ; онъ охотникъ до трагедій, а смерть есть послѣдняя, самая ужасная таинственная трагедія. Дружина воиновъ, въ доспѣхахъ, сверкающихъ въ лучахъ солнца, окружала плаху, вотъ приблизились и осужденные, также подъ прикрытіемъ стражи. Народъ глядѣлъ и не вѣрилъ, потому что доселѣ никто изъ великихъ князей не дерзалъ торжественно казнить первостепенныхъ бояръ новгородскихъ. Палачъ потиралъ руки и помахивалъ топоромъ. Въ народѣ воцарилось молчаніе. Дьякъ великаго князя Стефанъ Бородатый вышелъ впередъ, развернулъ свитокъ и громко во всеуслышаніе началъ читать обвиненія осужденныхъ ихъ невѣрность, возбужденіе народа къ мятежу, измѣну отечеству и предательство Литвѣ, заключивъ, что они за эти преступныя дѣянія осуждаются на смерть; какъ мятежники, взятые съ оружіемъ въ рукахъ.

Первый взошелъ на плаху Еремѣй Сухощокъ, народъ притаилъ дыханіе, въ многолюдной толпѣ сдѣлалось такъ тихо, что можно было услышать полетъ мухи, онъ склонилъ голову, топоръ сверкнулъ, продолжительный ахъ раздался въ народѣ.

Вслѣдъ за нимъ вошли Василій Селезень—Губа и Кипріанъ Арбузовъ. Послѣдній былъ Димитрій Борцекій. Гордо взошелъ онъ на плаху, и въ этотъ мигъ раздался громкій голосъ:

— Димитрій Исаковичъ! это приготовила тебѣ мать твоя!

Димитрій вздрогнулъ. Опять сверкнулъ топоръ и опять раздался въ народѣ крикъ.

Праведная казнь совершилась. Народъ, разговаривая о происшедшемъ, разошелся по домамъ.

Когда великому князю донесли о совершеніи казни, онъ сказалъ: не люблю я проливать кровь; но если членъ моего тѣла пораженъ болѣзнію неизцѣлимою, я долженъ отрубить его, чтобы спасти все тѣло. Въ это же время узналъ онъ о новой побѣдѣ, одержанной надъ Новгородцами. Московскіе воеводы: Образецъ и Борисъ Слѣпой разбили князя Василія Шуйскаго на берегахъ Двины.

Готовясь нанести рѣшительный ударъ Новгороду, Іоаннъ съ ратію отправился къ устью Шелони, гдѣ и раскинулъ станъ свой. Въ тоже время Псковитяне и Холмскій приближались съ другой стороны. Что же дѣлала Марѳа? съ чегодованіемъ видѣла она, какъ самые ревностные друзья покидали ее и совѣтовали народу

покориться Іоанну. Не смотря ни на что, даже на казнь сына, о которой уже знала, она мечтала о могуществѣ и повторяла слова предсказателя: *Вѣнецъ на головѣ твоей*. Она твердо вѣрила этому и еще возбуждала своихъ приверженцовъ, которые, надѣясь оборониться. выжгли посады, учредили безсмѣнную стражу и вооруженные ходили по стѣнамъ города. Но къ уничтоженію честолюбивыхъ ея плановъ новое несчастіе посѣтило Новгородъ: открылся недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; народъ терпѣлъ голодъ, громко проклиналъ Марѳу и ея сообщниковъ и, какъ говорятъ лѣтописцы, просилъ хлѣба и мира.

Въ богатоубранномъ шатрѣ своемъ сидѣлъ великій князь, окруженный боярами и сановниками московскими, когда послы новгородскіе, уже нѣсколько дней находившіеся въ станѣ московскомъ, получили позволеніе предстать передъ него. Нареченный владыка Ѳеофилъ съ знатнѣйшими чиновниками новгородскими, посадниками, тысяческими и избранными людьми житыми всѣхъ пяти концевъ, вступивъ въ шатеръ великокняжескій, пали ницъ, безмолствовали и проливали слезы. Чело великаго князя было сурово и грозно; онъ глядѣлъ на нихъ и не говорилъ ни слова.

— Господинъ, князь великій! сказалъ на-

конецъ Ѳеофилъ, утоли гнѣвъ свой, утиши ярость! Пощади насъ, преступниковъ, не для моленія нашего, но для своего милосердія! Угаси огонь, палящій страну новгородскую; удержи мечъ, льющій кровь ея жителей!*)

— Претвори гнѣвъ на милость! сказали посадники, ударивъ челомъ.

— Но стоите ли вы этой милости? сказалъ Іоаннъ. Гдѣ всѣ ваши обѣщанія, гдѣ клятвы, которыя вы давали мнѣ и моимъ предкамъ? Вы позабыли ихъ, сдѣлались мятежниками, и я, съ помощію Бога справедливаго, поступаю съ вами, какъ съ мятежниками.

— Помилуй, помилуй насъ! Господинъ князь великій! вскричали послы въ одинъ голосъ.

— Теперь просите вы моего помилованія, а завтра опять передадитесь Казиміру! Если моя милость въ самомъ дѣлѣ дорога вамъ, для чего не приняли вы, когда я предлагалъ вамъ ее? Я говорилъ вамъ черезъ боярина вашего Никиту, что готовъ васъ миловать, что не нарушу вашихъ древнихъ обычаевъ. Что же сдѣлали вы? Ослушались! И такъ казнь ослушникамъ.

---

*) Архив. Лѣт. л. 39.

— Виноваты! виноваты! завопили послы, упавъ на колѣна.

— Я и тутъ еще миловалъ васъ, продолжалъ Іоаннъ: не хотѣлъ наказывать, а прислалъ къ вамъ моего чиновника Ивана Ѳедоровича Товаркова; вы и тогда не одумались: послушали не его, а вашу глупую Марѳу! Передались Литвѣ, призвали иноплеменника, еретика на престолъ Св. Владиміра; обижали моихъ чиновниковъ... говорите, мало ли вины вашей?

— Не оправдываемся, сказалъ Ѳеофилъ, а каемся! Прости насъ, грѣшныхъ, нынѣ во прахѣ предъ тобой лежащихъ!

Но Іоаннъ былъ твердъ; морщины, наведенныя гнѣвомъ, не сглаживались съ чела его.

— Братецъ, князь великій! сказали тутъ князья Юрій, Андрей и Борисъ Васильевичи: прости ихъ кающихся; изреки слово милосердія!

— Братья, братья! сказалъ Іоаннъ... Знаете ли за кого вы просите? За ослушниковъ, за крамольниковъ, мятежниковъ!.. Да будетъ всякому по дѣламъ его.

— Г'осударь! молвили единодушно бояре Іоанновы; всѣ мы у ногъ твоихъ и молимъ тебя: ради заслугъ нашихъ изреки слово ми-

лости, помилуй Новгородцевъ. Вспомни, что и отецъ твой, митрополитъ Филиппъ, отпуская тебя съ благословеніемъ, просилъ помиловать ихъ, если покаются.

Долго молчалъ великій князь; наконецъ, морщины сгладились, чело просвѣтлѣло.

— Забываю прошлое, сказалъ онъ посламъ, все еще стоявшимъ на колѣнахъ! Прощаю васъ! Встаньте!

— Дай Богъ тебѣ многая лѣта, господинъ князь великій! сказалъ Ѳеофилъ. Велико твое милосердіе!

— Мы за вину нашу, сказали посадники и тысячскіе, внесемъ въ казну твою въ разные сроки до пасхи 80 пудъ серебра; сверхъ того возвращаемъ тебѣ земли, прилежащія къ Вологдѣ, берега Пинѣги, Мезени, Вемьюги, Выи, Поганой Суры и Пильи Горы.

— Этого мало! сказалъ Іоаннъ; вы должны сверхъ того платить мнѣ *Черную**) дань, и судную пошлину митрополиту; не имѣть сношенія съ Литвою, не принимать къ себѣ вра-

---

*) Народную.

говъ моихъ, отмѣнить ваши *Вѣчевыя грамоты* и призвать верховную судную власть великокняжескую.

— Согласны на все, что повелишь, господинъ милостивый! сказали послы, ударивъ челомъ.

ГЛАВА V.

Нѣмой Обличитель.—Анастасія.

Посмотримъ, что дѣлалось между тѣмъ въ Новгородѣ.

Оставшіеся единомышленники Марѳы все еще возбуждали народъ противъ великаго князя. Раздавъ множество денегъ, она опять купила друзей, которые, не смотря на отправленное посольство къ Іоанну, вооружились и рѣшились защищаться. Тогда-то рѣшился Упадышъ привести въ исполненіе планъ Юрія. Надобно предувѣдомить читателя, что онъ дѣйствовалъ не одинъ: ему помогалъ соотечественникъ его, вѣрный великому князю, Еремѣй Сухой.

Ночь давно уже покрыла и землю, и небо;

не далеко былъ и разсвѣтъ. У двора Ярославова за огромнымъ толстымъ столбомъ, сидѣлъ нѣмой Малышъ, глядѣлъ на небо, будто считалъ звѣзды. Ему не было никакого дѣла до всѣхъ происшествій въ Новгородѣ. Въ нихъ участвовали люди, а что ему люди? Онъ имъ чужой. У него есть свой міръ, особенный, куда не долеталъ гулъ страстей, ни крики, ни стукъ оружія. Этотъ міръ съ нимъ; чего же ему еще?

Вдругъ Малышъ вздрогнулъ и началъ прислушиваться. Два человѣка, или лучше двѣ тѣни подошли къ столбу, за которымъ онъ притаился.

— Долго ждалъ я тебя, Еремѣй, сказалъ одинъ голосъ; ну что, не пора ли?

— Пора! отвѣчалъ другой голосъ; всѣ часовые ушли съ этого мѣста; а прочіе опоены соннымъ зельемъ. У нихъ хоть стрѣляй надъ ухомъ, не услышатъ.

— Хорошо! началъ опять первый голосъ. Ха, ха, ха! защитники новгородскіе!.. думаете ли вы, что завтра пушки ваши будутъ заколочены.

Малышъ сдѣлался внимательнѣе?

Это были Упадышъ и Еремѣй Сухой.

— Услужимъ же мы великому князю, сказалъ Еремѣй.

— Да, прибавилъ Упадышъ; рано, или поздно, а ужъ государь Иванъ Васильевичъ доканаетъ этотъ Новгородъ! тогда все пойдетъ иначе; посадниковъ онъ уничтожитъ, вѣче распуститъ, а вѣчевой колоколъ кинетъ въ Волховъ. Вотъ и все!

— Довольно болтать! пойдемъ! пора за дѣло, сказалъ Сухой.

Обѣ тѣни удалились скорыми шагами.

Малышъ едва могъ дослушать этотъ разговоръ; сердце его сжалось, точно будто кто сдавилъ грудь его желѣзными тисками, мысли окаменѣли въ умѣ его! пусть Іоаннъ смиряетъ Новгородъ, уничтожаетъ посадниковъ; что ему за дѣло? но его волоколъ? кинутъ вѣчевой колоколъ въ рѣку Мутную!... кинуть его жизнь, его счастіе, его существованіе, его единственную привязанность на землѣ! Кинутъ все это въ холодныя, жадныя, ничѣмъ не сытыя волны Волхова, который печальнымъ ропотомъ пропоютъ паннихиду надъ радостью, надъ счастіемъ, надъ душою бѣднаго нѣмаго! потому что этотъ колоколъ, это его радость, его счастіе, его душа, его все! Нѣтъ! съ этимъ скоро не разстаются; а когда разстаются тогда разрывается сердце, свѣтъ гаснетъ въ глазахъ, жизнь вылетаетъ изъ тѣла! Какой

ужасный замыселъ! Что замыслили эти два демона!

Малышъ вскочилъ и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ дому Марѳы посадницы. Добѣжавъ до него, онъ изо всей силы принялся стучать въ двери.

Окно въ домѣ растворилось и чья-то голова высунулась наружу.

— Чортъ возьми! Кто это смѣетъ стучать теперь? закричалъ какой-то сердитый голосъ.

Малышъ хотѣлъ отвѣчать, открылъ ротъ— и только нестройные, рѣзкіе звуки вырвались изъ устъ его.

— Кто это тамъ кричитъ, какъ филинъ?— раздался опять прежній голосъ. Отвѣчай что ли, кто тамъ?

Рѣзкій, дикій не человѣческій крикъ послужилъ ему отвѣтомъ.

— Да это никакъ самъ сатана, сказалъ слуга въ испугѣ, и захлопнулъ окно.

Но Малышъ не терялъ ни мужества, ни терпѣнія: онъ такъ началъ стучать въ дверн, что перебудилъ весь домъ!

— Что это значитъ, вскричалъ Ѳедоръ Исаковъ; что это за шумъ тамъ у дверей? Что никто изъ васъ не пойдетъ посмотрѣть, прибавилъ онъ слугамъ, которые стояли всѣ въ испугѣ.

— Это дьяволъ! отвѣчали они: человѣкъ не можетъ ревѣть на столько разныхъ голосовъ.

Между тѣмъ стукъ становился все сильнѣе и сильнѣе.

— Ступайте за мною! сказалъ Ѳедоръ Исаковъ и слуги, прижимаясь робко другъ къ другу и пятясь назадъ, послѣдовали за своимъ бояриномъ.

— Что съ тобою сдѣлалось проклятый Малышъ, вскричалъ Борецкій, увидѣвъ нѣмаго. Ты ума рехнулся что ли? Приходить передъ самымъ разсвѣтомъ и стучать такъ, что можешь перебудить мертвыхъ.

Малышъ упалъ передъ ними на колѣна, плакалъ, вздыхалъ, цѣловалъ его руки, края его одежды и тянулъ, какъ будто звалъ съ собою.

— Разговаривай съ нѣмымъ! сказалъ Ѳедоръ Исаковъ съ досадою, и хотѣлъ уйдти.

Но нѣмой не пускалъ его! Указывалъ на небо, на Новгородъ, вокругъ себя, силился знаками выразить мысль свою и звалъ Ѳедора съ собою.

— Да куда же я пойду съ тобою? спросилъ его Ѳедоръ Исаковъ.

Малышъ взглянулъ такъ убѣдительно, что Борецкій рѣшился наконецъ за нимъ слѣдовать.

Они пошли. Востокъ уже загорался пышными огнями; утренній вѣтерокъ вѣялъ съ Волхова и когда они подошли къ главнымъ городскимъ укрѣпленіямъ, солнце уже выходило на синее небо.

— Гдѣ же часовые? сказалъ съ удивленіемъ Борецкій.

Малышъ съ выразительнымъ тѣлодвиженіемъ указалъ ему на пушки. Ѳедоръ Исаковъ бросился къ нимъ, но они пришли уже поздно: 55 пушекъ были заколочены.

— Проклятіе! вскричалъ Ѳедоръ Исаковъ, схвативъ себя за голову. О, еслибъ я зналъ этого гнуснаго предателя! Малышъ! Ты знаешь, ты можешь указать этого человѣка!

Нѣмой утвердительно кивнулъ головою, при лунномъ свѣтѣ онъ разглядѣлъ Упадыша?

Между тѣмъ уже вѣсть эта съ непонятною быстротою распространилась по Новгороду. Толпа народа вышла къ укрѣпленіямъ; впереди всѣхъ шелъ Упадышъ и кричалъ громче всѣхъ: „гдѣ этотъ измѣнникъ? Я задушу его моими собственными руками!“

— И ты уже здѣсь, бояринъ! сказалъ онъ, увидѣвъ Ѳедора Исакова.

Борецкій хотѣлъ отвѣчать, но былъ остановленъ громкимъ, рѣзкимъ крикомъ Малы-

ша, Ѳедоръ обернулся къ нему; обвинительный перстъ нѣмаго указывалъ на Упадыша.

— Вотъ предатель! вскричалъ Ѳедоръ Исаковъ. Граждане! схватите его.

Толпа бросилась на Упадыша; нѣсколько минутъ, какъ левъ, защищался онъ съ сверхъестественною силою; но многолюдіе одолѣло; его схватили и связали.

— Что, измѣнникъ! вскричалъ Борецкій, скрежеща зубами отъ злости. Что? чья взяла, предатель?

— Моя взяла! отвѣчалъ твердо Упадышъ; плюю на тебя, Ѳедька Исаковъ!

— Въ темницу его! вскричалъ Ѳедоръ.

— Смерть ему! завопила толпа.

— Смерть ему! повторилъ Борецкій; но не здѣсь, а на плахѣ! Въ темницу его.

— Въ темницу! повторили сотни голосовъ. И связаннаго Упадыша повлекли по улицамъ и бросили въ сырую, смрадную темницу въ подземельѣ проклятой башни.

Но мы не знаемъ, что дѣлается съ Анастасіею. Увы!

Разъ подъ вечеръ также, какъ и прежде, сидѣла она подъ развѣсистою яблоней, дума-

ла о своемъ ненаглядномъ Юріѣ и также пѣла:

Красна дѣвица призадумалась,
Очи ясныя притуманились!

Въ это время Ѳедоръ Борецкій, уже женихъ ея, сидѣлъ съ отцомъ ея Васильемъ Ананьинымъ. Оба частенько прикладывались къ стопкамъ съ романеей, такъ что наконецъ Василій Ананьинъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, положивъ голову на столъ; а Ѳедоръ съ пылающимъ лицомъ и пылающей головой вышелъ въ садъ освѣжиться (техническій терминъ).

По волѣ судьбы, или по волѣ случая, онъ нашелъ прямо на Анастасію. Уже смеркалось. Грустная Анастасія встала и хотѣла удалиться, но Ѳедоръ остановилъ ее за руку.

— Куда же ты спѣшишь, моя прекрасная невѣста? сказалъ онъ.

Анастасія, не говоря ни слова, удалилась...

Смиривъ Новгородцевъ, достигнувъ своей цѣли, великій князь московскій объявилъ, что война кончилась и далъ слово забыть все прошедшее. Угостивъ Ѳеофила и всѣхъ пословъ, онъ отпустилъ ихъ ласково и милостиво.

Вслѣдъ за ними прибылъ въ Новгородъ боярин Ѳедоръ Давидовичъ и взялъ съ жителей присягу на Вѣчѣ. Тогда, какъ бы изъ презрѣнія, но въ самомъ дѣлѣ, слѣдуя своей дальновидной политикѣ, Іоаннъ оставилъ въ покоѣ Марѳу, и съ богатою добычею, честію и славою отправился назадъ въ Москву.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ВѢЧЕВОЙ КОЛОКОЛЪ.

РУССКІЙ РОМАНЪ XV СТОЛѢТІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ III.

Изданіе третье.

МОСКВА.
Типографія П. Е. Астафьева, Арбатъ, д. Платонова.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 октября 1891 г.

ВѢЧЕВОЙ КОЛОКОЛЪ.

ГЛАВА I.

Вольница Новгородская. — Единоборство.

...Они сразились;
Ихъ сабли молніей блестятъ;

Дмитріевъ.

Юрій былъ отомщенъ, но только въ половину. Димитрію Борецкому отомстилъ онъ за смерть отца; Ѳедору хотѣлъ онъ отомстить за самого себя. Іоаннъ, покидая Новгородъ, звалъ его съ собою въ Москву, обѣщая дать ему должность, но Юрій отказался.

— Вольному воля! сказалъ Іоаннъ; если ты, князь Серебряный, не хочешь служить мнѣ въ Москвѣ, останься служить мнѣ въ Новгородѣ! Увѣдомляй меня обо всемъ; я

знаю Новгородцевъ! Этотъ мира не надеженъ; но скоро, можетъ быть, дѣла примутъ другой оборотъ. Тутъ великій князь далъ Юрію поцѣловать свою руку и простился съ нимъ.

Въ сумерки приближался князь Серебряный къ Новгороду. Сердце его замирало надеждою и страхомъ. Радость и опасеніе волновали его попеременно. Онъ увидитъ Анастасію, увидитъ ту, чей взоръ краше для него свѣтила небеснаго; чей голосъ пріятнѣе соловьиныхъ трелей. Помнитъ ли она его? Любитъ ли она его по-прежнему? А этотъ Ѳедоръ Исаковъ? Прекратились ли его преслѣдованія, или врагъ дѣлается еще соперникомъ и мщеніе Юрія оправдано вдвое?..

Онъ уже входилъ въ Новгородъ, какъ его поразилъ громкій крикъ:

— Здравствуй, Бѣльскій! кричалъ кто-то, догоняя его. Въ Новгородѣ не зналъ никто, что настоящее имя Юрія князь Серебряный; это подозрѣвало только сердце Марѳы.

— Здравствуй, Бѣльскій! Что ты такъ загордился? Не узнаешь и знакомыхъ! повторилъ тотъ же голосъ, и кто-то остановилъ Юрія за полу платья.

Юрій оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Лаврентій Нагой, родной племянникъ Марѳы Бо-

рецкой, молодой человѣкъ, добрый, безпечный, удалой.

Удивленный князь Серебряный хотѣлъ уйдти, не говоря ни слова.

— Нѣтъ, братъ! не уйдешь отъ меня скоро, сказалъ Нагой. Скажи, пожалуйста, Юрій Романовичъ, за что ты меня ие любишь? А я такъ, право, люблю тебя; такъ люблю, что думалъ объ тебѣ сейчасъ въ то время, когда мы съ пріятелями за освобожденіе Новгорода вытянули нѣсколько ендовъ мальвазіи.

Юрій не отвѣчалъ ни слова.

— Да что же ты молчишь, какъ рыба? Ты вѣрно думаешь, что я сердитъ на тебя за то, что ты проучилъ брата моего, Ѳедора Исакова? И подѣломъ ему! Чортъ съ нимъ, съ этимъ окаяннымъ! Глядитъ изъ подлобья, какъ Іуда, говоритъ, словно не-хотя; не доброе у него на умѣ. А кто никогда не бываетъ веселъ, тотъ злой человѣкъ! Вѣрная примѣта! Вотъ то ли дѣло я! Видно, что добрый человѣкъ! Никогда не бываю скученъ, а если когда и взгрустнется, высуслю стопки двѣ романеи и, тоска какъ съ гуся вода! Будто ни въ чемъ не бывало!

— Что новаго въ Новгородѣ? спросилъ князь Серебряный.

— О! отвѣчалъ Лаврентій, новостей много!

Вопервыхъ главная повость то, что великій князь отступилъ отъ него. Что взяла, тетка? сказалъ я Ѳедоровой матери, вѣдь это не Казиміру чета! Фу ты пропасть! подняла такой содомъ, что святыхъ вонъ понесси! Если бы меня одной, дескать, слушали, все бы хорошо было! Да какъ бы не такъ! Одного сына ужъ взвела на плаху, что то будетъ дѣлать съ другимъ? А Димитрія жаль! Добрый былъ малый, хоть немножко и гордъ!

— Эти новости я всѣ знаю! отвѣчалъ Юрій; это новости старыя; нѣтъ ли по-новѣе?

— Есть и по-новѣе, отвѣчалъ Нагой: завтра будутъ казнить измѣнника.

— Какого измѣнника?

— Какого-то Упадыша, Заварыша! чортъ его знаетъ! какъ зовутъ, того самаго, который заколотилъ пушки. И дѣльно! Не порть пушекъ. Что съ тобой, Юрій Романовичъ? Не дурно ли тебѣ? ты поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Ничего, продолжай!

— Вотъ тебѣ и послѣдняя повость; правда это не повость! Я завтра вечеромъ буду пьянъ, пьянѣе вина, потому что завтра свадьба брата моего Ѳедьки, того самаго, котораго ты, кажется, поколотилъ за его же невѣсту.

— За его невѣсту? вскричалъ Юрій.

— Ну да! за дочь посадника Ананьина, извѣстнаго пьяницы. Вѣдь Ѳедька настоялъ на своемъ; завтра женится на ней. Бѣльскій! вскричалъ вдругъ Лаврентій; совѣтую тебѣ выпить сейчасъ же добрую чару романеи; у тебя лихорадка; погляди, ты весь трясешься. Это были два удара, два мѣткіе удара и прямо въ сердце Юрію. Не разсказать словами того, что онъ почувствовалъ; онъ просто обезумѣлъ! Схватившись руками за голову, бросился онъ бѣжать изъ Новгорода.

Съ удивленіемъ поглядѣлъ Лаврентій вслѣдъ за Юріемъ.

— Что онъ? бѣлены объѣлся что ли, сказалъ онъ. Экъ его несетъ нелегкая!

Покачавъ головой, онъ пошелъ своей дорогой.

Верстахъ въ трехъ или въ четырехъ отъ Новгорода, по Московской дорогѣ, находится село Волотово; къ нему примыкаетъ пространное поле, которое также называется Волотовымъ; вѣроятно отъ Велеса, древняго языческаго божества Новгородцевъ. На этомъ полѣ стоитъ высокій курганъ. Это, говоритъ преданіе, могила Гостомысла. У этого то кургана очутился Юрій и пришелъ въ чувство. Холодноватый осенній воздухъ освѣжилъ его пылающее лицо; онъ оглядѣлся кругомъ. По-

желтѣвшая трава покрыта была изморозью; луна играла и зажигала по ней милліоны алмазныхъ искорокъ, синее небо было усыпано звѣздами. Юрій остановился въ раздумьѣ у подножія кургана. Вотъ наша жизнь! думалъ онъ: надежда ведетъ насъ къ цѣли, ласкаетъ, лелѣетъ, обѣщаетъ радость, сулитъ счастіе, и когда мы приблизились къ этой цѣли, когда уже заносимъ руку, чтобы схватить ее, судьба отрываетъ ее, уноситъ далеко и вмѣсто радости показываетъ гробъ, вмѣсто счастія отчаяніе!... То, чѣмъ я жилъ, къ чему стремился, потеряно! И гдѣ средства возвратить его? Идти къ Ѳедору въ день его свадьбы, принесть ему брачный подарокъ — ножъ въ сердце! Но меня не допустятъ, и я погибну, можетъ быть, не успѣвъ даже вполнѣ насладиться мщеніемъ!

Вдругъ показалось Юрію, что въ темнотѣ движутся передъ нимъ какія то тѣни; онъ сталъ вглядываться, какъ вдругъ четыре сильныя руки схватили его сзадя, въ минуту повалили на землю и крѣпко связали. Въ минуту Юрій увидѣлъ себя окруженнымъ нѣсколькими людьми, которыхъ лица не обѣщали ничего добраго. Высокій, плотный мужчина выступилъ впередъ и обратился къ Юрію.

— Что ты за человѣкъ? Кто ты? спросилъ онъ Юрія.

— Кто ты самъ? отвѣчалъ князь Серебряный, и какъ смѣешь ты предлагать мнѣ этотъ вопросъ?

— Какъ я смѣю, до этого тебѣ дѣла нѣтъ! сказалъ опять спрашивавшій; кто я такой, тебѣ этого знать не нужно.

— Такъ и тебѣ не нужно знать, кто я, отвѣчалъ Юрій.

— Эге ге ге! проговорилъ высокій протяжно и насмѣшливо; не по перьямъ птичка поетъ. Отвѣчай, что ли, кто ты?

— Я уже отвѣчалъ, сказалъ Юрій.

— Это лазутчикъ! вскричалъ кто-то изъ толпы: для чего же ему бродить здѣсь по ночамъ? Видно ужъ пронюхали, что мы воротились, такъ и дай подсмогрѣть.

— Я не лазутчикъ! вскричалъ громкимъ голосомъ князь Серебряный. А вы видно разбойники, что цѣлою толпою нападаете на одного, и то невзначай.

— Вотъ мы дадимъ тебѣ разбойника! сказалъ тотъ же, который называлъ Юрія лазутчикомъ; что съ нимъ толковать долго братцы? веревку на шею, да на осину! Мертвые вѣдь не разговариваютъ.

Нѣсколько человѣкъ съ угрожающими лицами подошли было къ Юрію.

— Прочь! закричалъ высокій, который казался начальникомъ, и всѣ съ почтеніемъ отступили.

— Ты мой плѣнникъ! продолжалъ онъ обратясь къ Юрію.

— Разбойники? вскричалъ князь Серебряный.

— Да какъ же онъ смѣетъ поносить насъ, Орелъ Ермолаевичъ, *) сказалъ одинъ, обратясь къ Высокому.

— Мы не разбойники, слышишь ли? сказалъ Орелъ князю Серебряному.

А развѣ честные люди, отвѣчалъ Юрій, нападаютъ невзначай на одного десятками? Попробовалъ бы кто изъ васъ въ полѣ съ мечемъ выдти одинъ на одинъ со мною.

— А! сказалъ Орелъ, ты просишь поля

---

*) Предки наши имѣли обыкновеніе называться иногда именами, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ календарѣ, но которыя давались по ихъ свойствамъ нравственнымъ Такъ чиновники и въ самыхъ государственныхъ бумагахъ назывались *тишинами, истомами, хозяинами,* съ прибавленіемъ только христіанскаго отчества. Въ царствованіе Іоанна Грознаго, царскаго казначея звали *хозяиномъ Юрьевичемъ* Тютинымъ (см. Судебникъ). Дьякъ, находившійся при посольствѣ въ Лондонѣ къ Елизаветѣ, назывался *неудачею.*

и единоборства! Быть по твоему; я дерусь съ тобою самъ. Ты одолѣешь, ступай себѣ съ Богомъ на всѣ четыре стороны; я одолѣю, такъ не прогнѣвайся, ты мой плѣнникъ.

— Развяжите ему руки и отдайте мечъ его, сказалъ Орелъ, обращаясь къ толпѣ, потому что неизвѣстные, поваливъ Юрія, обезоружили его.

Въ минуту приказаніе Орла было исполнено; Юрію развязали руки и отдали мечъ его. Отошедъ нѣсколько отъ кургана, наши единоборцы остановились; толпа раздалась, составила большой кругъ; въ серединѣ Орелъ и Юрій стали другъ противъ друга, взглянулись и мечи сверкнули змѣйками, засверкали при лунномъ свѣтѣ.

Минуты двѣ или три бой продолжался одинаково безъ выгодъ не для того, ни для другаго; вдругъ нога Юрія поскользнулась на мерзлой травѣ, и онъ упалъ.

Орелъ остановился, опустилъ мечъ и ждалъ чтобы сопротивникъ его всталъ на ноги.

Вставай же, сказалъ онъ, и начнемъ опять бой: вѣдь не твоя вина, что трава замерзла.

Взбѣшенный своей неудачей и паденіемъ, Юрій быстро вскочилъ и съ такою яростію напалъ на Орла, что тотъ едва успѣлъ оборониться. Но хотя Юрій и очень искусно

бился, но сила и ловкость Орла были сверхъестественны. Онъ вышибъ мечъ изъ рукъ Юрія. Тогда опустивъ свой къ землѣ и опершись на него онъ съ самодовольнымъ видомъ поглядѣлъ сперва на князя Серебрянаго, потомъ на толпу, его окружающую, всею пятернею взъерошилъ огромные черные усы свои и сказалъ съ удовольствіемъ:

— Мелко плаваешь, братецъ! съ богатымъ не тянись, а съ Орломъ не дерись! теперь ты дважды мой плѣнникъ!

Юрій молча подалъ ему мечъ свой.

— Оставь его у себя, сказалъ Орелъ; храброму человѣку безъ меча быть не годиться! оа мнѣ же онъ и не нуженъ. Свой тяжелъ! сказалъ онъ съ гордою улыбкою, помахивая мечемъ своимъ, который сверкалъ и свисталъ, разсѣкая воздухъ.

Толпа заревѣла отъ удовольствія.

— Молодецъ, Орелъ! молодецъ! закричали нѣсколько голосовъ.

— Лихо дерется! сказалъ одинъ.

— Какъ онъ мѣтко вышибъ! прибавилъ другой.

— Да какъ легко! словно тростинку, молвилъ третій.

— Что возьмешь ты выкупу съ меня? спросилъ князь Серебряный.

— Я человѣкъ честный, отвѣчалъ Орелъ: многаго не потребую; вотъ эта цѣпь золотая сказалъ онъ, указывая на цѣпь, пожалованную Юрію великимъ княземъ московскимъ; коли хочешь, отдай ее мнѣ; вотъ и выкупъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Юрій: этой цѣпи не отдамъ я ни за что: она дорога.

— Свобода дороже! сказалъ одинъ изъ толпы.

— Не золото цѣню я, продолжалъ Юрій; я готовъ дать за себя вдвое противъ того, чего стоитъ эта цѣпь, но самой ея не отдамъ. Она надѣта на меня рукою великаго князя Іоанна Васильевича.

Орелъ протянулъ руку къ Юрію.

— Не надо мнѣ ничего! сказалъ онъ; я не возьму съ тебя ни полушки. Ты храбрый и честный малый; отдаю тебѣ свободу; ты воленъ. Иди, куда хочешь, на всѣ четыре стороны.

— Но что скажетъ атаманъ? раздался голосъ изъ толпы.

— Правда я и забылъ, молвилъ Орелъ;

тебя надобно сначала представить нашему начальнику; впрочемъ не бойся: онъ тебѣ зла не сдѣлаетъ. Ребята! маршъ къ атаману!

— Къ атаману, къ атаману! повторила толпа, и всѣ отправились въ путь.

ГЛАВА II.

Подземелье.—Борьба.

Была-то тьма безъ темноты!
Была-то бездна пустоты ..
Безъ протяженья, безъ границъ
То были образы безъ лицъ!..
Шильонскій узникъ.
...Ребра обоихъ трещатъ
То сей, то оный на бокъ гнется...
Крутятся — и Ермакъ сломилъ!
Дмитріевъ.

Въ селѣ Волховѣ, въ избѣ зажиточнаго крестьянина Василія Курдюка, въ переднемъ углу подъ образами, за широкимъ столомъ, уставленномъ яндовами и стопками, сидѣлъ молодой человѣкъ привлекательной наружности. Около него сидѣли также нѣсколько лю-

дей, по видимому его товарищи, или подчиненные: всѣ они, не исключая и начальника, очень исправно осушали стопки. Передъ ними, съ подобострастіемъ заложивъ руки назадъ, стоялъ хозяинъ Васька Курдюкъ и кланялся въ поясъ каждый разъ, какъ начальникъ, или атаманъ обращался къ нему съ рѣчью.

— А долго, ваша милость, изволили быть въ отлучкѣ? спросилъ его хозяинъ.

— Да, довольно! отвѣчалъ тотъ, поправляя свои черные усы.

— И добыча хороша была?

— Дрянь, Васюкъ! просто дрянь не стоитъ и толковать объ ней! сказалъ атаманъ съ досадою. Поговоримъ лучше объ другомъ. Скажи-ка мнѣ, что дѣлалось въ Новгородѣ когда подступилъ великій князь?

— Да чему дѣлаться? сказалъ Васюкъ, помотавъ головою; кричали, кричали, да и прокричали!

— Зналъ я это! молвилъ атаманъ со вздохомъ. Гдѣ много крику, тамъ всегда мало толку, а гдѣ вмѣшается баба, тамъ изъ рукъ брось! Только умѣютъ орать: кто противу Бога и великаго Новгорода, а отстоять не умѣютъ? Тутъ атаманъ, ударивъ съ досады кулакомъ по столу, съ досады же однимъ ра-

зомъ выпилъ стопу крѣпкаго меда, съ которой другой могъ бы захлебнуться.

Неожиданный шумъ и говоръ многихъ голосовъ развлекли вниманіе собесѣдниковъ; не успѣли они обмыслить, чтобы такое было, какъ двери распахнулись настежъ и цѣлая толпа ввалила въ избу. Впереди всѣхъ выступалъ Орелъ съ своимъ колоссальнымъ ростомъ и богатырскими плечами.

— Атаманъ! сказалъ онъ, поклонясь, я взялъ у Гостомыслова кургана въ плѣнъ какого-то человѣка; посчитался съ нимъ и одолѣлъ его. Давалъ онъ за себя выкупъ, да я не взялъ, потому что малый-то честный и храбрый.

— Ладно, сказалъ начальникъ; что же ты отпустилъ его?

— Хотѣлъ было отпустить на всѣ четыре стороны, да не посмѣлъ безъ твоей воли. Какъ прикажешь?

— Гдѣ же онъ?

— Здѣсь.

Юрій сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Другъ мой! благодѣтель мой! вскричалъ вдругъ атаманъ, перескочивъ черезъ столъ: бросился къ Юрію и началъ его обнимать и цѣловать.

Это ты, Налетъ? сказалъ князь Серебряный, взглянулъ на него.

— Я, Юрій Романовичъ!... Я, который готовъ умереть съ радости, что тебя вижу!

— Ну, спасибо тебѣ, Орелъ, за этого плѣнника! не плѣнника, а дорогаго гостя! Онъ для меня дороже всей нашей добычи! Садись за столъ, Юрій Романовичъ, выпьемъ на радости свиданія! И ты садись, Орелъ, и тебя надо угостить! Васюкъ! продолжалъ Налетъ, обратясь къ хозяину поищика у себя: не найдется ли еще стопокъ?

— Кузминишна! закричалъ гозяинъ грознымъ голосомъ женѣ, которая медленно, и прикаждомъ шагѣ кланяясь выходила изъ-за печки; принеси-ка еще стопокъ, а коли нѣтъ, такъ хоть ковшей.

— Сейчасъ, родимый, сейчасъ' сказала жена, выходя изъ избы.

Удивленный столькими внезапнами приключеніями, Юрій позволилъ посадить себя за столъ на первое мѣсто. Всѣ подчиненные Налета съ почтеніемъ глядѣли на друга своего начальника. Но скоро одна, привычная, тяжелая дума опять налегла на сердце князя Серебрянаго. Взоръ его омрачился, голова поникла на грудь, и когда Налетъ поднесъ ему чашу съ словами: пей же, Юрій Романовичъ!

то онъ тихо оттолкнулъ руку Налета, говоря: оставь меня Налетъ!

— Что это значитъ спросилъ удивленный Налетъ, оскорбясь этимъ движеніемъ Юрія; грѣхъ тебѣ, Юрій Романовичъ! грѣхъ! отвергаешь и даръ Божій, и друга, Такъ ли должны свидѣться друзья послѣ долгой разлуки?

Извини меня, Налетъ.

— Къ чему тутъ извиненія? сказалъ добродушный Налетъ, дружески пожимая руку Юрія. Вижу, что ты печаленъ; — развеселись!

— Не могу.

— Не можешь? Полно, Юрій; мало ли горя на свѣтѣ, и не изъ каждаго же изнывать намъ! Горе, такъ передъ веселіемъ! Полно грустить!

— Я бы легко перенесъ горе но трудно перенесть несчастіе ужасное.

— Несчастіе! Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Налетъ, съ участіемъ и заботливостью поглядѣвъ на Юрія. Но и противъ несчастія есть оборона, есть и средства.

— Противъ моего нѣтъ ни средства, ни обороны! сказалъ Юрій.

— Повѣдай! авось и найдутся. Можеть быть и помогу тебѣ! Сила сильна, а жизнь велика!

— Жизнь велика!... сказалъ Юрій. Правда, но завтрашній день будетъ моимъ послѣднимъ

днемъ; я не переживу его! Завтрашній день— черный день въ моей жизни? Знай, Налетъ, вскричалъ онъ, схвативъ его за руку и крѣпко сжавъ ее, знай, что завтра поутру въ Новгородѣ казнятъ моего друга за преданность ко мнѣ! онъ теперь томится въ темницѣ; завтра вечеромъ мой злодѣй, мой заклятый врагъ силою женится на моей невѣстѣ, на той, которую люблю я больше всего на свѣтѣ?

Съ минуту длилось молчаніе.

— А на что же здѣсь я? вскрикналъ вдругъ Налетъ, вскочивъ изъ-за стола и загремѣвъ своей татарскою саблею; а на что же здѣсь друзья мои? Нѣтъ! этому не бывать! Клянусь жизнію и саблею! Клянусь честію и душею новгородскою—этому не бывать! Не бывать, какъ небывать двумъ солнцамъ на небѣ! Орлята! крикнулъ онъ громовымъ голосомъ: готовы ли вы постоять за своего атамана?

— Ради умереть за тебя закричала вся толна.

— Идете ли вы со мной на бѣду, на опасность?

— Идемъ, идемъ всѣ до единаго! отвѣчали единодушно *Орлята*.

— Поклянитесь же выручить моего друга! Налетъ вынулъ саблю и указалъ на Юрія.

— Клянемся! закричали всѣ, вынувъ сабли и махая ими.

— Другъ мой! избавитель мой! закричалъ князь Серебряный, бросаясь въ объятія Налета.

— Полно считаться! Что тутъ за счеты, Юрій Романовичъ? сказалъ Налетъ, пожимая его руку; между нами этого не должно быть!

— Ты возвращаешь мнѣ жизнь! продолжалъ Юрій.

— А развѣ ты Юрій Романовичъ, не спасъ моей жизни? Да еще какъ! подвергая опасности жизнь свою для спесенія меня.

— Ты даришь мнѣ счастіе.

— И ты подарилъ мнѣ счастіе, подаривъ жизнь! Вѣдь мертвый я бы не очень былъ счастливъ. Нѣтъ, Бѣльскій нѣтъ! Хоть бы и я въ десять разъ болѣе для тебя сдѣлалъ, но все таки еще должникъ твой.

— Не называй меня Бѣльскимъ, Налетъ, сказалъ Юрій. Передъ другомъ, каковъ ты, я не долженъ скрываться. Я князь Серебряный!

— Для меня, ты всегда останешься всегда прежнимъ Бѣльскимъ! Я болѣе не полюблю тебя, князь, за твое княжество! Ночъ темна; пора за дѣло! Въ путь Орлята!

Налетъ, его товарищи и Юрій, вышли изъ избы и направили путь къ Новгороду. Съ каждымъ шагомъ подвигались они все болѣе впередъ. Вотъ уже явственно заслышался имъ ревъ сердитаго Волхова; вотъ наконецъ забѣ-

лѣли и стѣны Дѣтинца. Туча закрыла небо; сдѣлалось темно, хоть глазъ выколи. Трепетный блескъ одинокихъ кой-гдѣ затерявшихся звѣздочекъ былъ недостаточенъ, чтобы освѣтить даже дорогу. Сподвижники Налета ощупью, держась одинъ за другаго, подавались впередъ.

— Ай да спасибо ночи, сказалъ шепотомъ Орелъ; темна, не выдастъ! Эй вы! прибавилъ онъ, обращаясь къ заднимъ: идите тише!

И въ самомъ дѣлѣ шли онѣ всѣ, какъ привидѣнія, тихо и безмолвно. Ни одинъ предательскій звукъ не раздался въ рядахъ ихъ, ни одна сабля не брякнула.

Вотъ наконецъ, едва примѣтно черною, какъ вороново крыло, массою нарисовалась передъ ними на темномъ фонѣ неба Проклятая башня съ своими высокими тремя ярусами, усѣянными зубцами. У дверей часовой, склонясь на бердышъ, дремалъ; эта дремота погубила его: широкій мечъ Орла Ермолаевича свѣтленькою змѣйкою промелькнулъ во мракѣ и часовой, не испустивъ ни одного стона, повалился на землю; его временная дремота предвозвѣстила ли ему вѣчную—Богъ вѣсть.

Въ одну минуту тяжелый запоръ былъ сорванъ съ двери: она отворилась, и Налетъ,

и Юрій съ своими орлятами вступилъ въ башню. Тутъ вырубили они огня, засвѣтили смоляной факелъ и начали искать входа въ подземелье, потому что хотя Юрій и жилъ нѣсколько времени въ проклятой башнѣ, однако не зналъ входа въ подземелье. Долго старанія ихъ оставались безъ успѣха; наконецъ, Орелъ увидѣлъ въ одномъ углу четыреугольную желѣзную плиту; не безъ труда поднявъ ее, они увидѣли широкую каменную лѣстницу, ведущую внизъ; спустясь по ней, очутились они въ длинномъ и широкомъ подземельѣ, по краямъ котораго было нѣсколько, желѣзомъ окованныхъ, дверей. На нихъ повѣяло сырымъ, удушливымъ, могильнымъ воздухомъ; факелы гасли и едва теплились, издавая мутный красноватый свѣтъ; ящерицы и крысы, встревоженныя свѣтомъ, стадами бросились имъ подъ ноги; какія-то отвратительныя, долгокрылыя насѣкомыя летали около факеловъ; на нихъ вѣяло гробовымъ тлѣніемъ.

Чудно хороша была эта картина! свѣтъ факеловъ, тусклый и мутный не могъ освѣтить всего подземелья, и озаряя только передовыхъ, прочихъ и концы подземелья оставлялъ въ совершенномъ мракѣ.

— Признаться, сказалъ Налетъ, въ этомъ подземельѣ жить не весело.

Юрій не отвѣчалъ.

— Можетъ быть, въ этомъ самомъ подземельѣ томился отецъ мой, думалъ онъ; здѣсь провелъ онъ свою послѣднюю ночь въ этомъ мірѣ; можетъ быть, сюда приходила Марѳа предлагать ему жизнь и свободу!

Вдругъ онъ оступился; нога его зацѣпила за что-то; онъ наклонился и поднялъ желтый человѣческій черепъ.

Юрій былъ не Гамлетъ. Онъ не замечтался надъ нимъ, онъ не могъ воскликнуть: „Poor Jorick!“ потому что не зналъ, даже какому Іорику принадлежалъ черепъ; фантазія Байрона — обдѣлать его въ серебро и употреблять вмѣсто чаши — также не пришла ему въ голову: Юрій былъ не поэтъ. Вмѣсто того, чтобы мечтать, онъ, по отвращенію, свойственному живому къ умершему, отбросилъ на нѣсколько шаговъ...

Всѣ двери въ подземельи были отперты; одна только заперта большимъ замкомъ; отбивъ его, они вошли въ небольшую темницу, гдѣ на соломѣ, въ темнотѣ, прикованный къ стѣнѣ тяжелыми цѣпями лежалъ Упадышъ. Внезапный переходъ отъ мрака къ свѣту ослѣпилъ его; онъ закрылъ глаза; но подумавъ, что пришли убить его, проговорилъ твердымъ

голосомъ: „Господи! пріими духъ мой съ миромъ!“.

— Аминь! проговорилъ Юрій.

— При звукѣ знакомаго голоса Упадышъ открылъ глаза, осмотрѣлся, и онѣмѣлъ отъ удивленія. Орелъ длиннымъ мечемъ своимъ сшибъ его оковы.

— Ты свободенъ, братецъ! сказалъ онъ, ударивъ его по плечу.

— Свободенъ! свободенъ! вскрикнулъ радостно, плѣнникъ! Да, я свободенъ!.. прибавилъ онъ, отряхаясь, какъ левъ, вырвавшійся изъ клѣтки.

— Бояринъ! благодѣтель мой! отецъ мой! вскричалъ онъ, бросаясь къ ногамъ Юрія и цѣлуя его руки; этимъ я обязанъ тебѣ!

— Не мнѣ, нѣтъ! отвѣчалъ князь Серебряный; благодари вотъ кого! Онъ указалъ на Налета;—дѣло сдѣлано! мѣшкать нечего; пора назадъ. Поскорѣе бы вырваться на свѣтъ Божій; а то я задыхаюсь въ этомъ проклятомъ подземельѣ!

Они взобрались опять вверхъ по лѣстницѣ, потушили факелы и тѣмъ же порядкомъ, какъ и пришли, въ томъ же молчаніи отправились назадъ.

Пришедши назадъ въ село Волотово, гдѣ обыкновенно бывала квартира Налетовой воль-

ницы и гдѣ всѣ крестьяне боялись и любили его, Налетъ остановился подъ окномъ Курдюка и началъ стучать въ него эфесомъ сабли.

— Кого тамъ еще Богъ даетъ? закричалъ сиповатый хозяинъ, выставивъ въ окно свою взъерошенную голову.

— Отпирай ворота, Васюкъ; отвѣчалъ Налетъ; засвѣчай огня, выноси стопки и ендовы! Пришли къ тебѣ гости на радость! Ну, поворачивайся же!

— А, это опять ваша милость изволила пожаловать! сказалъ Васюкъ, посмягчивъ голосъ; не сердись, родимый, сей часъ, сей часъ!.. Гей вы, сони! Андрюшка! Кузминишна! закричалъ онъ, и голосъ его опять сдѣлался грозенъ и повелителенъ; вставайте, что ли. Не слышите, что пожаловали дорогіе гости? Оглохли съ просонокъ! Вотъ я васъ подниму посвойски.

На этотъ грозный зовъ Андрюшка и Кузминишна вскочили, какъ встрепанные. Въ минуту въ окнахъ избы засверкалъ огонекъ, ворота распахнулись и всѣ наши молодцы вступили на дворъ.

Вошелъ въ избу Налетъ, бросилъ на лавку шапку, отстегнулъ ремень, прикрѣплявшій саблю, и сѣвъ за столъ, закричалъ хозяину:

Я прозябъ до костей! Васюкъ! морозъ такъ

и деретъ меня по кожѣ! Подавай-ка романеи. Недогадливый хозяинъ предупредилъ, если не желаніе, по крайней мѣрѣ приказаніе Налета: онъ уже ставилъ на столъ ендовы и стопки.

— Садитесь, товарищи, сказалъ Налетъ; да что же васъ мало? пируйте всѣ!

Нѣкоторые изъ нихъ ушли въ сарай, сказалъ Васюкъ, и просили меня принести имъ туда. Какъ твоя милость прикажетъ?

— Неси, пусть всѣ веселятся. Ты, я чай, тоже, дружокъ, проголодался въ своей крысьей норѣ, сказалъ онъ, обращаясь къ Упадышу; на, на, отведи душу! И онъ подалъ Упадышу не стопку, но цѣлую ендову.

Чудный человѣкъ былъ этотъ Налетъ. Ни за какое дѣло не принимался онъ безъ романеи. Правда, и въ нашемъ умномъ, смирномъ, трезвомъ XIX вѣкѣ встрѣчаются такіе люди. Одинъ мой знакомый имѣлъ привычку каждый день послѣ обѣда говорить со вздохомъ: „Много ли надобно человѣку?.. Фунтъ хлѣба, фунтъ мяса и ведерку Шампанскаго!“

Простите за отступленіе.

Упадышъ взялъ ендову, приложилъ къ губамъ и вытянулъ всю разомъ, сказалъ:

— Ну, теперь я опять молодецъ хоть куда!

Между тѣмъ Орелъ съ удивленіемъ глядѣлъ

на колосальный ростъ и широкія плеча Упадыша.

— А что, братецъ, сказалъ онъ наконецъ ему; судя по твоему росту и по плечамъ, ты должно быть силенъ.

— Да, таки не слабъ, отвѣчалъ съ гордостію Упадышъ. А тебѣ, добрый человѣкъ, на что знать про мою силу?

— Да такъ, отвѣчалъ Орелъ; я, вотъ ви! дишь, и самъ силенъ, я люблю сильныхъ; такъ, вотъ видишь, мнѣ бы хотѣлось...

— Помѣряться со мной? Такъ ли?...

— Да, если начальникъ позволитъ, сказалъ Орелъ.

— По мнѣ, пожалуй, сказалъ Налетъ.

— Изволь, братъ, помѣряемся!

Изба была просторна. Два богатыря, засучивъ рукава, сошлись на серединѣ, схватились... Долго боролись они, не уступая ни въ чемъ другъ другу; наконецъ, Упадышъ поборолъ, и Орелъ растянулся на полу.

— Что, Ермолаевичъ! сказалъ Налетъ; теперь полно хвастаться силой!

— Воронъ ворону глазъ не клюетъ, отвѣчалъ Орелъ, вставая; и далъ слово, коли найду молодца по себѣ, побрататься съ нимъ. Будемъ же братьями, добрый человѣкъ!

— Упадышъ и Орелъ чистосердечно обняли другъ друга.

ГЛАВА III.

Свадьба.—Похищеніе.—Признаніе.

Онъ пригладилъ усъ широкій;
Что то паннѣ черноокой
На ухо сказалъ;
И въ полночи глубокой
Съ панной ускакалъ!
А. Хомяковъ.

На другой день поутру въ Новгородѣ было ужасное смятеніе.

Уже народъ толпился на площади, ожидая преступника, жаждая видѣть кровь и смерть, уже палачъ Томила важно расхаживалъ съ своимъ широкимъ топоромъ, насаженнымъ на длинную рукоять, какъ въ народѣ пронеслась ужасная неожиданная вѣсть. Часовой у Проклятой башни найденъ убитымъ; преступникъ исчезъ: въ темницѣ остались однѣ цѣпи. Всѣ толко-

вали и догадывались, какимъ образомъ исчезъ онъ. Близорукіе говорили, что его освободили духи, которыхъ эта башня была любимымъ жилищемъ, и которыхъ жалобные вопли раздавались въ полночь, Дальновидные догадывались въ чемъ дѣло; одни молчали съ важнымъ видомъ и улыбаясь, какъ будто говорили: мы сами съ усами! Мы себѣ на умѣ; другіе громко кричали, что это измѣна; что въ самомъ городѣ зрѣетъ заговоръ; что, стало быть, у него есть тайные единомышленники, потому что преступникъ не могъ самъ разбить цѣпей, будь онъ сильнѣе Добрыни Никитича; что правители должны непремѣнно употребить всѣ средства къ открытію виновныхъ. А правители? Они сердились, кричали, спорили, ссорились между собою, подозрѣвали того—другаго, но ясныхъ уликъ не было.

Какъ бы то ни было, преступникъ исчезъ; казнить было некого; нечего дѣлать! и толпа, съ жадностію, ожидавшая зрѣлища, съ ропотомъ разошлась по домамъ, говоря, что правители сами освободили этого человѣка для того, чтобы лишить ихъ удовольствія поглядѣть, какъ будутъ рубить голову человѣку.

Ввечеру этого же дня домъ Марѳы Посадницы весь блисталъ; не смотря на трагическую смерть своего роднаго брата, Ѳедоръ

Борецкій не хотѣлъ откладывать своей свадьбы. Во всѣхъ окнахъ сверкали огни, слуги бѣгали, суетились, угощали гостей. Въ пышно-убранной комнатѣ, устланной богатыми дорогими коврами, на первомъ мѣстѣ, подъ образами, сидѣлъ женихъ съ невѣстою. Но чело Ѳедора Исакова мрачно; лице его вовсе не выражало той радости, какую обыкновенно выражаетъ лице жениха, готовящагося снять дѣвственный поясъ своей возлюбленной. Духъ его былъ безпокоенъ; его тревожило какое-то смутное чувство и брови судорожно сдвигались надъ глазами, въ которыхъ горѣлъ мрачный огонь, и которые съ недовѣрчивостію обѣгали всѣхъ присутствующихъ... А невѣста! поглядите на нее. Это не невѣста, это жертва, которую привели на закланіе и которая уже видитъ надъ собою поднятый ножъ... Страдальческое лице ея покрыто смертельною блѣдностію; полуоткрытыя уста дрожатъ; очи, потухшія отъ слезъ, смотрятъ на все безжизненно, но съ грустію невыразимою! Руки ея сжаты, какъ бы для молитвы; высокая полная грудь тяжко дышетъ подъ полупрозрачною фатою. Ей тяжело, ей грустно; сердце ея сжато когтями желѣзными; изъ него по каплѣ течетъ кровь и каждая капля, точно ударъ ножа, точно капля растопленной сѣры;

каждая капля напоминаетъ ей несчастіе—горе, жизнь безрадостную, муки адскія.

А гости?

Женщины сидѣли чинно вдоль стѣны по скамьямъ, покрытымъ коврами; онѣ, сложа руки на колѣняхъ, устремляли на нихъ глаза и вовсе почти не поднимали ихъ кверху. Между ними царствовало глубокое молчаніе: точно онѣ играли въ молчанку; изрѣдка которая нибудь прерывала это безмолвіе какимъ-нибудь вопросомъ, обращеннымъ къ своей сосѣдкѣ; та отвѣчала ей коротенькимъ отвѣтомъ и потомъ опять на нѣсколько времени водворялось молчаніе, которое продолжалось до новаго вопроса.

Мужчины были не такъ скромны: собравшись въ другомъ концѣ комнаты около стола, уставленнаго крѣпкими дорогими напитками, они пили и разговаривали, иные сидя, иные стоя. Нѣкоторые были уже *готовы*, другіе только что въ разгулѣ; у первыхъ ясныя очи слипались, у послѣднихъ сверкали; у первыхъ языки плохо ворочались и прилипали къ гортани—эти молчали; у послѣднихъ языки быстро разгуливали по всѣмъ предметамъ: эти громко разговаривали и даже иногда инымъ приходила фантазія вдругъ затянуть басомъ:

Чарочка моя!
Серебряная!
На золотомъ блюдѣ
Поставленная!
Кому чару пить?
Кому выпивать?

При этомъ какой-нибудь острякъ, бонмотистъ XV вѣка, поглаживая бороду, воскликалъ: „пить и выпить ее мнѣ!“ хватался за-стопу и всѣ хохотали и говорили:

— Экой забавникъ! Исполать тебѣ, Ѳедотъ Петровичъ или Селеверстовичъ, или какъ звали забавника.

Изъ другой комнаты раздавался протяжный однообразный напѣвъ сѣнныхъ дѣвушекъ, которыя пѣли свадебныя пѣсни.

— Вотъ и мы дожили до радостнаго денька! сказалъ, охорашиваясь Василій Ананьинъ, степенный посадникъ, выступивъ на средину комнаты и разглажививая свою сѣдую, окладистую бороду.

— Вотъ такъ парочка! продолжалъ онъ, указывая на жениха съ невѣстою: вотъ такъ одноперстная!

Мужчины захохотали.

— И невѣста-то красное солнышко! не переставалъ посадникъ; да и женихъ-то свѣ-

телъ мѣсяцъ! Вотъ такъ парочка! Дай-ка стопку фряжскаго пожелать имъ здравія и долголѣтія и дѣтокъ—людямъ на радость, себѣ на утѣшеніе.

Слуга поднесъ ему огромную тяжелую стопу, наполненную кипящимъ, искрометнымъ виномъ.

— Жениху и невѣстѣ многія лѣта! заревѣлъ густымъ басомъ во все горло Василій Ананьинъ.

— Вотъ какъ! по-нашенски! продолжалъ онъ, взявъ стопу; тутъ разгладилъ усы и бороду, пріосанился, кашлянулъ, крякнулъ и, не переводя духа, осушилъ стопу, хотя подъ конецъ глаза его запрыгали и въ нихъ зазеленѣло...

Продолжительные *охи* и *ухи* раздались изъ устъ Ананьина; сердце его развеселилось; сюда музыка! закричалъ онъ.

Оркестръ, состоявшій изъ волынки, гудка, барабана и какого-то инструмента, похожаго на балалайку, заигралъ пѣсню; гости вторили ему топая ногами объ полъ, прищелкивая пальцами, и нашъ степенный посадникъ, подхвативъ полы кафтана, принялся выплясывать какой-то танецъ, нѣчто въ родѣ трепака.

Гости заревѣли отъ удовольствія.

— Экой молодецъ нашъ посадникъ! говорилъ одинъ.

— Старъ, да прытокъ! прибавилъ другой.

— Да этакихъ лихачей и между молодыми поискать! раздавался голосъ третьяго.

Между тѣмъ Василій Ананьинъ плясалъ, не уставая, и выписывалъ ногами такіе іероглифы, которые я, Шампольонъ, врядъ ли бы разгадалъ; это называлось *дѣлать колѣнца*. Потъ градомъ катился съ лица его, дыханіе спиралось въ груди; но посадникъ не слабѣлъ, прыгалъ, вертѣлся, притопывалъ, присѣдалъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ, выбившись изъ силъ, повалился на полъ, охая и отирая потъ съ лица.

— Ну ужъ утѣшникъ, ну ужъ забавникъ! раздались голоса. Утѣшилъ ты насъ, Василій Ананьичъ!

Въ это время раздался извнѣ шумъ, громкіе крики и суматоха, потомъ все умолкло. Знаете ли, что это было? Это была дружина Налета, совершенно вооруженная, которая вошла на дворъ, окружила домъ и перевязала слугъ, которые стали сначала кричать.

— Ребята! сказалъ Орелъ Ермолаевичъ своимъ, первому, кто пикнетъ, карачунъ!

Это приказаніе привязало языки.

Между тѣмъ какъ гости и хозяинъ думали,

отчего бы происходилъ шумъ, вдругъ за дверьми раздался громкій голосъ: „Ну, Ѳедоръ Исаковичъ, ты женихъ: принимай гостей, угощай ихъ!“ и Налетъ съ Юріемъ вошли въ комнату; лице Борецкаго пополовѣло, какъ саванъ, потомъ вспыхнуло, какъ огонь; онъ приподнялся, хотѣлъ броситься на пришедшихъ, но отъ злобы снова опустился на скамью. Его удержало еще и другое: Орлята Налетовы чинно, по два въ рядъ, съ обнаженными саблями, входили за своими начальниками и становились передъ гостями, готовые при первомъ знакѣ броситься какъ на свою добычу. Испуганныя женщины съ криками бросились въ другую комнату; но когда мужчины хотѣли послѣдовать за нами, Орлята стали у дверей и уставили противъ нихъ концы мечей; они бросились къ окнамъ, но тамъ сверкали копья и глядѣли на нихъ пищали. Они остановились, не зная что дѣлать. Нѣсколько женщинъ, въ томъ числѣ Марѳа, не успѣли убѣжать. А невѣста?... Блѣдность ея исчезла... румянецъ, какъ заря, разлился по лицу, и очи, упавъ на Юрія, вспыхнули радостію и надеждою... Но это движеніе было минутное: очи потухли, лице поблѣднѣло и она безъ чувствъ упала въ обморокъ... Налетъ, какъ стрѣла, бросился къ ней, схватилъ ее на руки и передалъ

Орлятамъ, которые приняли ее бережно и составили около нея кругъ непроницаемый. Ѳедоръ бросился на Налета, но четыре сильныя руки обхватили и удержали его: это были Орелъ и Упадышъ, теперь друзья и товарищи неразлучные.

— Я обѣщалъ, что ты увидишь меня, Ѳедоръ! сказалъ Юрій. Вотъ и я! Гляди же на меня, гляди пристально: это я, который возвелъ брата твоего на плаху! я, который отнялъ теперь у тебя невѣсту!

Пѣна клубилась на устахъ Борецкаго, лице его коверкали страшныя судороги; онъ силился рвануться, но Орелъ и Упадышъ держали его крѣпче, нежели цѣпи.

— Угощай же насъ, женихъ! сказалъ Налетъ, взявъ со стола полную стопу. За твое здоровье.

— Погляди-ка на меня, Ѳедька! сказалъ Упадышъ, сжимая руку Ѳедора такъ, что кости его затрещали. Что? хотѣлось тебѣ напиться моей крови, да не удалось? Что? теперь я спрошу, чья взяла?

Гости не смѣли тронуться съ мѣста и робко прижимались другъ къ другу.

Юрій подошелъ къ Марѳѣ, которая, при его видѣ, закрыла глаза рукою.

— И тебѣ. Марѳа, сказалъ онъ звучнымъ

голосомъ, обѣщалъ я кое-что. Жаль, что предсказаніе не сбылось! Помнишь, я обѣщалъ тебѣ вѣнецъ?...

Удивленная Марѳа пристально поглядѣла на Юрія.

— А ты не узнаешь меня? Я тотъ самый старикъ, тотъ жилецъ Проклятой башни, къ которому ты приходила спрашивать о судьбѣ своей! Ты попросила меня и я отвѣчалъ: вѣнецъ на головѣ твоей!

— Такъ это была ложь? такъ это предсказаніе обманъ? вскричала Марѳа, въ которой честолюбіе заглушало всѣ другія страсти.

— А ты, баба, сдуру-то и въ самомъ дѣлѣ повѣрила, что будешь царицей? сказалъ, насмѣхаясь, Налетъ.

— Боже мой!... Вѣнецъ—вѣнецъ!... Онъ упалъ! говорила Марѳа, ломая въ отчаяніи руки.

— Хочешь ли знать еще болыпе? сказалъ Юрій голосомъ, котораго каждый звукъ походилъ но фальшиво взятую ноту;—хочешь ли знать еще больше? Погляди на меня: я сынъ князя Серебрянаго, князя Романа Серебрянаго, котораго ты злодѣйски извела!

Марѳа вскричала, взглянула на Юрія, сдѣлала шагъ впередъ, потомъ остановилась, за-

шаталась и прямою колонною рухнулась на полъ...

— Слышишь ли, продолжалъ Юрій, толкая ногою безчувственную Марѳу, я сынъ того, къ которому приходила ты въ темницу и, какъ блудница, предлагала любовь свою на жизнь и свободу?... Слышишь ли это?.. Но Марѳа не слыхала...

— Ребята, въ путь! крикнулъ Налетъ, и всѣ они удалились тѣмъ же порядкомъ, унося съ собою безчувственную Анастасію...

Нѣсколько минутъ по уходѣ ихъ продолжалось молчаніе; никто не смѣлъ разинуть рта; наконецъ Ѳедоръ Исаковъ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія. Погоню за ними!... вскричалъ онъ; сейчасъ же въ погоню!...

— Въ погоню! закричали всѣ гости.

Но пока собиралась погоня, пока выступила—и слѣдъ простылъ: Орлята улетѣли!

— Что теперь дѣлать? спросилъ Ѳедоръ Борецкій, когда посланные возвратились безъ успѣха.

— Вотъ что, сказалъ бояринъ Иванъ Лошинскій. Я знаю одного изъ этихъ молодцовъ: это буянъ Налетъ; онъ живетъ въ Никитиной улицѣ; завтра ночью вѣрно онъ возвратится домой, не думая, что его будутъ преслѣдовать; а мы съ товарищами ночью нагрянемте и возь-

мемъ его и сдѣлаемъ съ нимъ, что нашей душѣ угодно.

— Прекрасно! Ай да разумникъ! Хитеръ на выдумки! вскричалъ бояринъ Елевферій. Ужъ какъ поѣдете, такъ и я съ вами!

— И я! и я! и мы! закричало множество голосовъ.

Откуда взялась храбрость.

Женщины унесли безчувственную Марѳу, къ которой Ѳедоръ и не подошелъ.

— Но гдѣ найдти этого Бѣльскаго, или Серебрянаго—какъ его зовутъ? вскричалъ съ досадою Борецкій.

— Про это я знаю! вскричалъ пьяный Василій Ананьинъ, котораго и похищеніе дочери не могло вытрезвить.—Онъ живетъ въ Славковой улицѣ у огнищанина Ивана Аѳанасьева.

— Вѣрно ли ты это знаешь?

— Вѣрно! Онъ скрывается у него; что тутъ сомнѣваться? При этомъ словѣ Василій Ананьинъ протянулъ руку за чаркой, но никакъ не могъ схватить ее: проклятая чарка словно дразнила степеннаго посадника, отодвигалась отъ него и прыгала во всѣ стороны.

Положено было на другой день ночью ѣхать съ вооруженными въ улицу Славкову и Никитину.

Между тѣмъ Юрій, Налетъ и ихъ спутники были уже въ избѣ Василья Курдюка. Анастасія пришла въ чувство; она лежала на скамьѣ. Юрій подошелъ къ ней, сталъ подлѣ нея на колѣни и съ жаромъ цѣловалъ ея руку.

— Взгляни на меня, милая Анастасія! говорилъ онъ; взгляни на меня безъ гнѣва! подари меня счастіемъ! Это я, это Юрій, который любитъ тебя больше жизни и счастія, больше всего на свѣтѣ! Что же ты не глядишь на меня? продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ; или ты сердишься за мой своевольный поступокъ! Прости меня, Анастасія! прости меня, моя радостная!... Любовь заставила меня рѣшиться!

Анастасія приподнялась, сѣла, взглянула на Юрія, потомъ отвернулась и, отнявъ у него свою руку, сказала: оставь меня, Юрій.

Юрій всталъ, поглядѣлъ на нее.

— Анастасія! ты не любишь меня! вскричалъ онъ раздирающимъ голосомъ.

— Она молчала.

— Такъ этого еще не доставало для моего несчастія! сказалъ онъ. Что же ты молчишь, Анастасія? Не бойся, я перенесу все! Говори, скажи, что ты не любишь того, кто любитъ тебя больше всѣхъ, больше самого себя; скажи, что ты разрываешь сердце, которое би-

лось къ тебѣ любовію такою чистою, такою полною! Что же? немедля, убей меня! Я, умирая, благословлю твою руку, дающую мнѣ смерть!

Анастасія зарыдала; слезы въ три ручья хлынули изъ глазъ ея.

— Прощай, Анастасія! прощай, милая! сказалъ Юрій печально. Когда-бъ ты знала, какъ я любилъ тебя! Прощай!...

Это было выше силъ бѣдной дѣвушки. Какъ бы лишенная ума, безъ памяти, безъ смысла, забывъ и стыдъ дѣвическій, забывъ все, бросилась она на шею къ Юрію, обвила его сильно, крѣпко... „Юрій! Юрій! я ли не люблю тебя! говорила она, рыдая. Видишь ли, я люблю тебя, обожаю!... Солнце мое, радость моя!... Я люблю тебя!... мой милый, мой обѣтованный!...“ И слезы, горячія какъ огонь, текли по щекамъ ея и капали на лице Юрія.

— Но видишь ли, Юрій, прибавила она, вырвавшись изъ его объятій, — я не могу быть твоею!

— Почему же?...

Она молчала.

— Ахъ! ты играешь мной, Анастасія! сказалъ Юрій.

— Боже мой! Боже мой! что мнѣ дѣлать? говорила Анастасія, поднявъ глаза къ небу и

ломая руки. Такъ и быть! вскричала она съ внезапною рѣшимостію; ты узнаешь все. Слушай же, Юрій. Ты видишь, что я люблю тебя!... Да! я люблю тебя, мой милый, прибавила она печальнымъ голосомъ, — люблю!.. Но я недостойна тебя, Юрій, я погублена!...

Юрій отскочилъ назадъ.

— Не сердись; мой милый, меня погубили безвинно.

— Кто?

— Ѳедоръ Б...рец...кій! и какъ снопъ, подкошенный рукою земледѣльца, Анастасія упала на полъ.

Схвативъ себя за голову, князь Серебряный бросился изъ избы...

— Куда ты?... И Упадышъ, и Налетъ схватили его на дворѣ за руки...

— Въ могилу!... отвѣчалъ дикимъ голосомъ Юрій, стараясь вырваться.

ГЛАВА IV.

Сумасшедшая.—Взятіе подъ стражу.

Бѣдненькая! она сошла съ ума!

Гамлетъ.

Ѳедоръ Исаковъ исполнилъ свое намѣреніе въ слѣдующую ночь. Онъ, посадникъ Василій Апаньинъ, бояре: Иванъ Лошкинскій, Богданъ, сопровождаемые множествомъ вооруженныхъ людей, пріѣхали въ улицы Славкову и Никитину, обыскивая всѣ дома, не скрываются ли гдѣ Налетъ и Юрій; но ихъ не было. Взбѣшенный Ѳедоръ Исаковъ началъ грозить беззащитнымъ гражданамъ: называлъ ихъ мятежниками, укрывателями злодѣевъ,

преступниковъ, ихъ сообщниками и грозилъ велѣть раззорить ихъ дома.

— Добро не твое, бояринъ, а наше; то-то ты его и не жалѣешь! сказалъ какой-то человѣкъ изъ гражданъ.

— Да ты и не имѣешь права имъ распоряжаться! прибавилъ другой.

Эти слова рѣшили все.

— А! коли такъ! закричалъ Ѳедоръ Исаковъ, скрежеща зубами отъ злости, такъ вы увидите! Гей, ребята! закричалъ онъ своимъ; все, что находится въ домахъ этихъ мятежниковъ—ваше! берите все, что хотите. Бейте ихъ, если не станутъ давать!

Этого было довольно. Неистовая толпа слугъ Борецкаго съ громкими восклицаніями: гойда! гойда! бросилась въ дома жителей: ломали двери, сундуки, вытаскивали ковры, сукна, товары, деньги, и тутъ же на улицѣ, при свѣтѣ факеловъ, дѣлили добычу. Нѣкоторые жители, хотѣвшіе защитить свое достояніе, были убиты. Тогда толпа этихъ разбойниковъ, насытясь грабежемъ зажгла, для потѣхи, нѣсколько домовъ и удалилась съ громкими пѣснями и восклицаніями: гойда, гойда!

Между тѣмъ великій князь въ Москвѣ нѣсколько времени получалъ уже безпрерывныя

жалобы Новгородцевъ на своеволіе и утѣсненіе правителей; цѣлыя улицы, черезъ своихъ повѣренныхъ, требовали государевой защиты, обвиняя знатнѣйшихъ сановниковъ. Тогда Іоаннъ, поручивъ Москву сыну, безъ войска, съ одною избранною, благородною дружиною отправился къ берегамъ Волхова. Отъ рѣки Цны до Ильменя ежедневно выѣзжали граждане на встрѣчу къ великому князю съ дарами и привѣтствіями. За 90 верстъ отъ города ожидали его: владыка Ѳеофилъ, князь Василій Васильевичъ Шуйскій-Гребенка, посадникъ и тысячскій степенные, архимандритъ Юрьева монастыря, и другіе именитые люди съ дарами. За ними явились старосты улицъ новгородскихъ, бояре, жители городища и безчисленныя толпы народа. Іоаннъ, отслушавъ литургію, на другой день угостивъ обѣдомъ владыку, князя Шуйскаго, посадниковъ, бояръ, въѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ, въ Софійскомъ соборѣ поклонившись гробамъ древнихъ князей Владиміра Ярославича и Мстислава храбраго, отобѣдалъ у Ѳеофила и на утро возвратился въ свой дворецъ на городище, гдѣ онъ чинилъ судъ и расправу народу.

Но оставимъ теперь великаго князя и посмотримъ, что дѣлали Юрій и Анастасія, ко-

тому что Налета уже не было; онъ и его вольница отправились на новую добычу.

Сильная горячка слѣдовала за обморокомъ Анастасіи. Юрій, какъ чадолюбивая мать, не отходилъ отъ изголовья страдающей. Черезъ нѣсколько дней старанія его увѣнчались съ успѣхомъ: сила молодости превозмогла; Анастасія выздоровѣла, но разумъ ея не выдержалъ столько ужасныхъ потрясеній: она сошла съ ума!

Это былъ новый ударъ въ сердце Юрію! Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ лишить себя жизни, но надежда и жажда мести поддерживали его. Нѣтъ, думалъ онъ иногда, умереть, не отомстивъ за всѣ мои бѣдствія, невозможно! Не отмстивъ злодѣю, убійцѣ Анастасіи—нѣтъ, отмщу, отмщу Ѳеодору за все: и за смерть отца, и за гибель несчастной! И онъ указывалъ на Анастасію, которая глядѣла на него, не узнавая; и тихимъ голосомъ повторяла: прощай, прощай!

Ѳедоръ Исаковъ также не дремалъ съ своей стороны: онъ, точно ищейная собака, отыскивалъ слѣды Юрія, и отыскалъ ихъ. Вслѣдствіе этого, вотъ какая сцена произошла однажды утромъ въ избѣ зажиточнаго крестьянина Василья Курдюка, въ селѣ Волотовѣ,

гдѣ Юрій поселился со времени отъѣзда Налета.

Князь Серебряный сидѣлъ на скамьѣ, облокотившись на столъ рукою и опустивъ на нее голову. Не далеко отъ него сидѣла Анастасія и ощипывала листочки подсолнечника.

— Анастасія! Анастасія! сказалъ Юрій.

Она безсмысленно взглянула на него.

— Анастасія! продолжалъ князь Серебряный; это я это твой Юрій!

— Юрій... Юрій!.. сказала Анастасія, и голосъ ея выражалъ совершенное отсутствіе мысли. Юрій... что это такое? А, знаю! Это Ѳедоръ Борецкій—мой женихъ!

Князь Серебряный заплакалъ...

— Нѣтъ! нѣтъ! сказала опять безумная, подойдя къ нему; это не Ѳедоръ; Юрій—это вотъ листочки... Она указала на листья подсолнечника, валявшіеся по полу; потомъ вдругъ вскочила, пробѣжала быстро нѣсколько разъ по всей избѣ, сѣла и запѣла тихимъ голосомъ:

Вольная птичка! Божія птичка!
Взвейся ты выше, къ синему небу,
Къ синему небу, къ ясному солнцу!..
Вольная птичка! Божія птичка!
Спой же намъ пѣсню! Молви: оттуда

Видишь ли бѣдную, сирую землю?
Слышишь ли громкіе крики людей?...

— Она не слышитъ! она не поетъ!.. сказала Анастасія; она сердита на меня!.. А прежде, когда я была невинна, она каждое утро прилетала въ мою свѣтлицу, приносила мнѣ вѣсточку съ неба, пѣла пѣсни такія звучныя, такія сладкія, что я заслушивалась.

Она подбѣжала къ Юрію, сѣла подлѣ него, обвила его шею своею бѣлою рукою и, глядя ему прямо въ глаза, спросила:

— Знаешь ли ты, другъ мой, что пѣла она мнѣ? Сказать ли тебѣ?

— Скажи, отвѣчалъ Юрій черезъ силу.

— Слушай же, другъ мой, слушай хорошенько, не пророни ни одного словечка.

И обвивъ руками его шею и глядя на него своими выразительными черными глазами, въ которыхъ теперь не сверкалъ ни одинъ лучъ разума, она запѣла грустно и нѣжно, какъ иволга:

Прилетала она, какъ дыханье весны
Къ моему изголовью порой!...
И надежду небесъ и земную любовь,
И мечты приносила съ собой!...
Эта птичка была весела и мила!...

Серебро и огонь на крылахъ!...
Пѣсни звучныя мнѣ запѣвала она,
Пѣсни, пѣсни, какихъ не слыхать!
Она пѣла — люби! Весь нашъ міръ есть любовь!
И въ поляхъ, и въ лѣсахъ, и въ моряхъ...
И цвѣтетъ, и шумитъ! и бушуетъ любовь,
И въ цвѣтахъ, и въ листахъ, и въ волнахъ.

— Видишь ли, другъ мой, продолжала безумная, я не послушалась обольстительныхъ пѣсенъ птички: погубила друга милаго, полюбила всею душею: всѣмъ сердцемъ! прибавила она, печально улыбаясь. Послушай, какъ я любила его.

Она опять запѣла.

Полюбила я друга милаго!..
Какъ хорошъ былъ онъ не наглядный мой!
Словно солнышко въ жаркій лѣтній день.
И жилъ, и ласкалъ, и свѣтилъ на меня
Свѣтомъ радостнымъ, оживляющимъ!..
Ликовала, цвѣла и сіяла душа!
Вся въ лучахъ отъ него имъ согрѣтая!..

Юрій вырвался отъ нея и большими шагами началъ ходить взадъ и впередъ.

— Что же ты думаешь? продолжала Анастасія голосомъ, раздирающимъ душу. Вѣдь насъ разлучили, разлучили злые люди. Я

была чиста и невинна; и меня погубили— погубили совершенно, разрознили насъ, разорвали цѣпь, насъ связывавшую!

Рыдая и всхлипивая начала она пѣть:

Погубили меня! погубили его!
Злые люди—ножи! Злые люди—мечи!
И въ могилу живьемъ опустили меня.
Въ ней темно, холодно въ ней и солнышка нѣтъ!
И людей не видать! Только кости стучатъ...
Ахъ! за что же, за что погубили меня?
Посмѣялися мной словно лютой змѣей!
Ахъ! скажите вы мнѣ, неужели я змѣя?
Виновата ли я, что душа у меня
И кипитъ и горитъ къ другу сердца летитъ?..
Я любила его! Виновата ли я?
Погубили меня, погубили меня!..

Юрій, остановившись передъ Анастасіей, не видалъ, что въ избѣ былъ еще новый свидѣтель. Этотъ свидѣтель былъ Ѳедоръ Исаковъ; онъ остановился у дверей; слушая пѣсню безумной, поглядѣлъ на нее и понялъ ея положеніе.

Въ эту минуту князь Серебряный, оборотившись назадъ, увидѣлъ Борецкаго. Враги взглянулись какъ два ястреба, готовые броситься другъ на друга.

— Наконецъ-то нашелъ я тебя! сказалъ Ѳедоръ Исаковъ. Теперь ты мой!

Юрій отъ волненія не могъ выговорить ни слова. Въ эту минуту Анастасія подбѣжала къ нему и, плача, сказала. Ѳедоръ! Ѳедоръ Исаковичъ! не губи меня! вспомни, что я твоя невѣста! Она упала передъ нимъ на колѣни.

— Полюбуйся своимъ дѣломъ, извергъ! сказалъ князь Серебряный Борецкому, указывая на Анастасію, которая отошла въ уголъ, говоря: я его невѣста, я его невѣста!

— Это сдѣлалъ ты, а не я! отвѣчалъ Ѳедоръ.

— Я!..

И князь Серебряный, обнаживъ мечъ, бросился на обольстителя. Борецкій отступилъ шагъ назадъ, вынулъ свой мечъ и, закрывшись имъ, сказалъ:

— Сдайся! сопротивленіе безполезно, весь дворъ наполненъ людьми моими.

Вмѣсто отвѣта, Юрій нанесъ ударъ, отъ котораго Борецкій едва могъ оборониться. Мечи скрестились сверкнули и застучали; искры запрыгали по нимъ... но въ излишней запальчивости наступая на противника, Юрій споткнулся и упалъ. Во все это время Анастасія съ дѣтскимъ любопытствомъ глядѣла на битву.

Ѳедоръ уставилъ остріе меча противъ груди Юрія.

— Что? сказалъ онъ, глядя на него со злобою.

— Убей меня скорѣе! отвѣчалъ князь Серебряный, потому что присутствіе твое противнѣе для меня присутствія ядовитой змѣи!

— Изволь—за этимъ дѣло не станетъ; и Ѳедоръ Исаковъ поднималъ уже мечъ, какъ былъ остановленъ громки криками и стукомъ мечей. На дворѣ происходила сѣча! Поблѣднѣвъ какъ полотно и опустивъ мечъ, прислушивался Борецкій къ крикамъ и шуму битвы; между тѣмъ князь Серебряный, пользуясь бездѣйствіемъ своего противника, быстрѣе молніи вскочилъ на ноги и уже снова хотѣлъ напасть на Ѳедора, какъ двери распахнулись настежъ. Въ избу вломилась толпа вооруженныхъ воиновъ, бросилась на Борецкаго и обезоружила его.

— Именемъ Іоанна Васильевича, великаго князя московскаго и всея Руси! сказалъ начальникъ воиновъ, налагая тяжелыя цѣпи на Ѳедора Исакова. Окаменѣлый Исаковъ отдался, не говоря ни слова, въ руки воиновъ, которые повели его скованнаго къ Іоанну.

Это была дружина воиновъ, посланныхъ взять подъ стражу Борецкаго. Не нашедъ его

дома, и узнавъ отъ слугъ, что онъ съ нѣсколькими вооруженными людьми отправился въ село Волотово, они пустились по слѣдамъ его, разбили слугъ, хотѣвшихъ защищаться, и поспѣли довольно во время, чтобы спасти Юрія.

Участь Ѳедора Исакова и другихъ сановниковъ была рѣшена великимъ княземъ; жалобы народа признаны справедливыми и ихъ, скованныхъ цѣпями, отослали въ темницы. Посадника Василія Ананьина, Ивана Лошинскаго, Богдана, Ивана Аѳанасьева и сына его, Еливѳерія, въ Коломну; а Борецкаго, какъ наиболѣе виновнаго, въ мрачную темницу муромскую, гдѣ онъ и умеръ въ заточеніи.

Окончивъ судъ, великій князь, осыпанный дарами, поѣхалъ въ Москву; архіепископъ Ѳеоѳилъ и знатнѣйшіе чиновники проводили его до перваго стана, гдѣ онъ простился съ ними милостиво, казался веселъ и доволенъ; но судьба Новгорода была уже рѣшена въ умѣ его!

ГЛАВА V.

Историческая *).

Частная политическая исторія есть повѣствованіе о достопамятныхъ происшествіяхъ, случившихся въ одномъ какомъ либо государствѣ. Исторія Кайданова.

Взглянемъ вкратцѣ на историческія происшествія того времени, ускорившія паденіе господина Новгорода великаго. Тутъ романъ долженъ уступить исторіи; послушаемъ, что говоритъ она:

„Рѣшительный судъ великокняжескій полюбился многимъ Новгородцамъ, такъ что въ слѣдующій годъ нѣкоторые изъ нихъ отправились съ жалобами въ Москву; вслѣдъ за

---

*) Ист. гос. рос. Кар. Т. VI.

ними и отвѣтчики знатные и простые граждане, отъ посадниковъ до земледѣльцевъ, вдовы, сироты, монахини; другихъ же позвалъ самъ государь: никто не дерзнулъ ослушаться. „Отъ временъ Рюрика, говорятъ лѣтописцы, не бывало подобнаго случая; ни въ Кіевъ, ни во Владиміръ не ѣздили судиться Новгородцы; Іоаннъ умѣлъ довести ихъ до этого уничиженія“. Еще онъ не сдѣлалъ всего; пришло время довершить начатое.

„Умное правосудіе Іоанна плѣняло сердца тѣхъ, которые искали правды и любили оную; утѣсненная слабость, оклеветанная невинность находили въ немъ защитника, спасителя, то есть истиннаго монарха, или судію, не пристрастнаго низкимъ побужденіямъ личности: они желали видѣть судную власть въ однѣхъ рукахъ его. Другіе, или завидуя силѣ первостепенныхъ сограждан, или ласкаемые Іоанномъ, внутренно благопріятствовали самодержавію. Эти многочисленные друзья великаго князя можетъ быть *сами собою*, а можетъ быть и по согласію съ нимъ, замыслили слѣдующую хитрость: двое изъ нихъ, чиновникъ Назарій и дьякъ Вѣча, Захарія, въ видѣ пословъ отъ архіепископа и всѣхъ соотечественниковъ, явились передъ Іоанномъ (въ 1477 году) и торжественно именовали его *государемъ* Новго-

рода, вмѣсто *господина*, какъ прежде именовались великіе князья въ отношеніи къ этой народной державѣ. Вслѣдствіе того Іоаннъ отправилъ къ Новгородцамъ боярина Ѳедора Давидовича, спросить, что они разумѣютъ подъ названіемъ *государя?* хотятъ ли присягнуть ему, какъ *полному властителю*, единственному законодателю и судіи? соглашаются ли не имѣть у себя тіуновъ, кромѣ княжескихъ, и отдать ему дворъ Ярославовъ, древнее мѣсто Вѣча? Изумленные граждане отвѣтствовали: „мы не посылали съ тѣмъ къ великому князю: это ложь!“ Сдѣлалось общее волненіе. Они терпѣли оказанное Іоанномъ самовластіе въ дѣлахъ судныхъ какъ *чрезвычайность;* но ужаснулись мысли, что эта чрезвычайность будетъ уже *закономъ*, что древняя пословица: *Новгородъ судится своимъ судомъ,* утратитъ навсегда смыслъ, и что московскіе тіуны будутъ рѣшать судьбу ихъ. Древнее Вѣче не могло уже ставить себя выше князя, но по крайней мѣрѣ существовало именемъ и видомъ. Дворъ Ярославовъ былъ святилищемъ народныхъ правъ, отдать его Іоанну, значило торжественно и на вѣки отвергнуться оныхъ. Эти мысли возмутили даже и самыхъ рныхъ гражданъ, расположенныхъ повиноваться великому князю,

но въ угодность собственному внутреннему чувству блага, не слѣпо, не подъ остріемъ меча. Забвенные единомышленники Марѳины воспрянули какъ бы отъ глубокаго сна и говорили народу, что они лучше его предвидѣли будущее; что друзья или слуги московскаго князя суть измѣнники, которыхъ торжество есть гробъ отечества. Народъ остервенился, искалъ предателей, требовалъ мести. Схватили одного знаменитаго мужа, Василья Никифорова, и привели на Вѣче, обвиняя его въ томъ, что онъ былъ у великаго князя и далъ ему клятву служить противъ отечества. Нѣтъ! отвѣтствовалъ Василій, я клялся Іоанну единственно въ вѣрности, въ доброжелательствѣ, но безъ измѣны моему истинному государю, великому Новгороду; безъ измѣны вамъ, моимъ господамъ и братьямъ. Этого несчастнаго изрубили въ куски топорами; умертвили еще посадника, Захарію Овина, который ѣздилъ судиться въ Москву и самъ доносилъ на Василія Никифорова гражданамъ; казнили и брата его, Козьму, на дворѣ архіепископскомъ; многихъ иныхъ ограбили, посадили въ темницу, называя ихъ совѣтниками Іоанновыми; другіе разбѣжались. Между тѣмъ народъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла послу московскому и многочислен-

ной дружинѣ его; сановники честили ихъ, держали около шести недѣль и, наконецъ отпустили именемъ Вѣча съ такою грамотою къ Іоанну: „Кланяемся тебѣ *господину нашему* великому князю, а государемъ не зовемъ. Судъ твоимъ намѣстникамъ будетъ на городищѣ по старинѣ; но твоего суда, ни твоихъ тіуновъ у насъ не будетъ; *дворища Ярославля* не даемъ. Хотимъ жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростинѣ тобою и нами. Кто же предлагалъ тебѣ быть государемъ Новгорода, тѣхъ самъ знаешь и казни за обманъ. Мы здѣсь также казнимъ этихъ лживыхъ предателей. А тебѣ, господинъ, челомъ бьемъ, чтобы ты держалъ насъ въ старинѣ по крестному цѣлованію". Такъ писали они и еще сильнѣе говорили на Вѣче, не скрывая мысли снова поддаться Литвѣ, если великій князь не откажется отъ своихъ требованій.

Но Іоаннъ не любилъ уступать; отправилъ гонца въ Новгородъ съ *грамотою складною* или съ объявленіемъ войны, и полки собрались подъ стѣнами Москвы.

Поручивъ столицу юному великому князю, сыну своему, Іоаннъ самъ выступилъ съ войскомъ 9 го октября, презирая трудности и неудобства осенняго похода въ мѣстахъ бо-

лотистыхъ; хотя Новгородцы и взяли нѣкоторыя мѣры для обороны, но знали слабость свою и прислали требовать *опасныхъ грамотъ* отъ великаго князя для архіепископа Ѳеоѳила и посадниковъ, коимъ надлежало ѣхать къ нему для мирныхъ переговоровъ. Іоаннъ велѣлъ остановить этого посланнаго въ Торжкѣ также и другаго, обѣдалъ въ Волокѣ у брата Бориса Васильевича и былъ встрѣченъ именитымъ тверскимъ вельможею, княземъ Микулинскимъ, съ учтивымъ приглашеніемъ заѣхать въ Тверь, отвѣдать хлѣба-соли у государя его Михаила. Іоаннъ, вмѣсто угощенія, требовалъ полковъ, и Михаилъ не смѣлъ ослушаться, заготовивъ сверхъ того всѣ нужные съѣстные припасы для войска московскаго. Самъ великій князь шелъ съ отборными полками между Яжелбицкою дорогою и Мстою. Царевичъ Данніяръ, Даніилъ Холмскій, князь Ряполовскій и другіе воеводы приближались другими дорогами. 4 ноября присоединились къ войску Іоаннову полки тверскіе, предводимые княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Микулинскимъ.

Въ Еглинѣ великій князь потребовалъ къ себѣ задержанныхъ новгородскихъ *опащиковъ* (т. е. присланныхъ за опасными грамотами); старосту Даниславской улицы Ѳедора Кали-

тина и гражданина житаго Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челомъ, именуя его *государемъ*. Іоаннъ велѣлъ дать имъ пропускъ для пословъ новгородскихъ. Между тѣмъ многіе знатные Новгородцы прибыли въ московскій станъ и вступили въ службу къ великому князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь отъ злобы народа, который гналъ всѣхъ бояръ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Москвою.

Еще недовольный многочисленностію своей рати, государь ждалъ Псковитянъ, которые медлили, предлагая Новгородцамъ быть за нихъ ходатаями у вел. кн. Дьякъ московскій, Григорій Волнинъ, пріѣхалъ во Псковъ отъ государя и нудилъ ихъ немедленно сѣсть на коней и выступить въ поле. Между тѣмъ тамъ сдѣлался пожаръ; граждане письменно извѣстили Іоанна о своей бѣдѣ, называли его *царемъ русскимъ* и давали ему разумѣть, что не время воевать людямъ, которые льютъ слезы на пеплѣ своихъ жилищъ: однимъ словомъ, всячески уклонялись отъ похода. Отговорки были тщетны: Іоаннъ велѣлъ, и князь Шуйскій, взявъ осадныя орудія, пушки, пищали, самострѣлы, съ семью посадниками вывелъ рать псковскую, которой надлежало стать на берегахъ Ильменя, при устьѣ Шелони.

Ноября 23, вел. кн. находился въ Сытинѣ, когда донесли ему о прибытіи архіепископа Ѳеофила и знатнѣйшихъ сановниковъ новгородскихъ. Они явились. Ѳеофилъ сказалъ: *государь* князь великій! Я богомолецъ твой, архимандриты, игумены и священники всѣхъ семи соборовъ бьемъ тебѣ челомъ. Ты возложилъ гнѣвъ на свою отчину, великій Новгородъ; огнь и мечъ твой ходитъ по землѣ нашей; кровь христіанская льется. Государь! смилуйся! молимъ тебя со слезами: дай намъ миръ и освободи бояръ новгородскихъ, заточенныхъ въ Москвѣ. Почти то же сказали и другіе послы. Іоаннъ не отвѣтствовалъ ни слова, но пригласилъ ихъ обѣдать за столомъ своимъ.

На другой день Іоаннъ велѣлъ Холмскому боярину Ѳедору Давидовичу, князю Оболенскому Стригѣ и другимъ воеводамъ, подъ главнымъ начальствомъ брата его, Андрея меньшаго, идти изъ Бронницъ къ Городищу и занять монастыри, чтобы Новгородцы не выжгли оныхъ. Воеводы перешли озеро Ильмень, по льду и въ одну ночь заняли всѣ окрестности новгородскія.

25 ноября, бояре великокняжескіе: Иванъ Юрьевичъ, Василій и Иванъ Борисовичи, дали отвѣтъ посламъ. Первый сказалъ: „князь ве-

ликій Іоаннъ Васильевичъ всея Руси, тебѣ богомольцу своему, владыкѣ, посадникамъ и житымъ людямъ такъ отвѣтствуетъ на наше челобитье.“ Бояринъ Василій Борисовичъ продолжалъ: „вѣдаете сами, что вы предлагали намъ, мнѣ и сыну моему, чрезъ сановника Назарія и дьяка Вѣчеваго, Захарію, быть вашими государями; а мы послали бояръ своихъ въ Новгородъ узнать, что разумѣете подъ симъ именемъ? Но вы заперлись, укоряя насъ, великихъ князей, насиліемъ и ложью; сверхъ того дѣлали намъ и многія иныя досады. Мы терпѣли, ожидая вашего исправленія; но вы болѣе и болѣе лукавствовали; и мы обнажили мечъ по слову Господню: *Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, обличи его наединѣ; аще не послушаетъ, поймі съ тобою два, или три свидѣтеля; аще ли и тѣхъ не послушаетъ, повѣждь церкви; аще ли и о церкви нерадѣти начнетъ, будете яко же язычникъ и мытарь.* Мы послали къ вамъ и говорили: *уймитесь и будемъ васъ жаловать;* но вы не захотѣли того, и сдѣлались намъ какъ бы чужды. И такъ, возложивъ упованіе на Бога и на молитву нашихъ предковъ, великихъ князей русскихъ, идемъ наказать дерзость.“ — Бояринъ Иванъ Борисовичъ говорилъ далѣе именемъ великаго князя: „Вы хотите свободы бояръ

вашихъ, мною осужденныхъ; но вѣдайте, что весь Новгородъ жаловался на ихъ беззаконія, грабежи, убійства; ты самъ, Лука Исаковъ, находился въ числѣ истцевъ, и ты Григорій Кипріяновъ, отъ имени Никитиной улицы, и ты, влидыка, и вы посадники, были свидѣтелями ихъ уличенія. Я мыслилъ казнить преступниковъ, но даровалъ имъ жизнь, ибо вы молили меня о томъ. Пристойно ли вамъ нынѣ упоминать объ этихъ людяхъ". — Князь Иванъ Юрьевичъ заключилъ такими словами отвѣтъ государевъ: „Буде Новгородъ дѣйствительно желаетъ нашей милости, то ему извѣстны условія".

Архіепископъ и посадники отправились назадъ съ великокняжескимъ приставомъ для ихъ безопасности, 27 ноября, Іоаннъ, подступивъ къ Новгороду съ братомъ, Андремъ меньшимъ, и съ юнымъ верейскимъ княземъ, Васильемъ Михайловичемъ, расположился у Троицы Наозерской на берегу Волхова, въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ Лошинскаго, гдѣ былъ нѣкогда домъ Ярослава великаго, именуемый Ракомлеею; велѣлъ брату стать въ монастырѣ Благовѣщенія, князю Ивану Юрьевичу въ Юрьевѣ, Холмскому въ Аркадьев-

скомъ, Сабурову у св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищахъ, Борису Оболенскому на Соковѣ у Богоявленія, Ряполовскому на Пидьбѣ, князю Василью Верейскому на Лисьей горкѣ, а боярину Ѳедору Давидовичу и князю Ивану Стригѣ на городище. 29 ноября, пришелъ съ полкомъ братъ Іоанновъ, князь Борисъ Васильевичъ, и сталъ на берегу Волхова, въ Кречневѣ, селѣ архіепископа. 30 ноября, государь велѣлъ воеводамъ отпускать половину людей для собранія съѣстныхъ припасовъ до 10 декабря; а 11 числа, быть всѣмъ на лице, каждому на своемъ мѣстѣ; и въ тотъ же день послалъ гонца сказать намѣстнику псковскому, чтобы онъ спѣшилъ къ Новгороду съ огнестрѣльнымъ снарядомъ.

Новгородцы хотѣли сперва изъявлять неустрашимость; дозволяли всѣмъ купцамъ иноземнымъ выѣхать во Псковъ съ товарами; укрѣпились деревянною стѣною по обѣимъ сторонамъ Волхова; заградили рѣку судами; избрали князя Василья Шуйскаго-Гребенку въ военачальники, и не имѣя друзей, ни союзниковъ, не ожидая ни откуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единодушными, показывая, что надѣются въ крайности на самое отчаяніе, и готовы отра-

зить приступъ, какъ нѣкогда предки ихъ отразили сильную рать Андрея Боголюбскаго. Но Іоаннъ не хотѣлъ кровопролитія, въ надеждѣ, что они покорятся и взялъ мѣры для доставленія всего нужнаго многочисленной рати своей. Исполняя его повелѣніе, богатые псковитяне отправили къ нему обозъ съ хлѣбомъ, пшеничною мукою, калачами, рыбою, медомъ и разными товарами для вольной продажи; прислали также и мостниковъ. Великокняжескій станъ имѣлъ видъ шумнаго торжища, изобилія; а Новгородъ, окруженный полками московскими, былъ лишенъ всякаго сообщенія. Окрестности также представляли жалкое зрѣлище: воины Іоанновы не щадили бѣдныхъ жителей, которые въ 1471 г., безопасно скрывались отъ нихъ въ лѣсахъ и болотахъ, но теперь умирали тамъ отъ морозовъ и голода.

Декабря 4 вторично прибылъ къ государю архіепископъ Ѳеофилъ съ тѣми же чиновниками и молилъ его только о мирѣ, не упоминая ни о чемъ иномъ. Бояре московскіе отпустили ихъ съ прежнимъ отвѣтомъ, что Новгородцы знаютъ, какъ надобно бить челомъ великому князю. Въ этотъ день пришли къ городу царевичъ Даніяръ съ воеводою Василіемъ Образцомъ, и братъ великаго князя

Андрей старшій съ тверскимъ воеводою; они расположились въ монастыряхъ: Кирилловѣ, Андреевѣ, Ковалевскомъ, Волотовѣ, на Деревеницѣ, у св. Николы на Островкѣ.

Видя умноженіе силъ и непреклонность вел. кн., не имѣя ни смѣлости отважиться на рѣшительную битву, ни запасовъ для выдержанія осады долговременной, угрожаемые мечемъ и голодомъ, Новгородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время и, безъ надежды спасти вольность, надѣялись переговорами сохранить, хотя нѣкоторыя изъ ея правъ. Декабря 5, владыка Ѳеоѳилъ, съ посадниками, съ людьми житыми, ударилъ челомъ великому князю въ присутствіи его трехъ братьевъ, именемъ Новгорода сказалъ: „государь! мы, виновные, ожидаемъ твоей милости! Признаемъ истину посольства Назаріева и дьяка Захаріи; но какую власть желаешь имѣть надъ нами?“ Іоаннъ отвѣтствовалъ имъ чрезъ бояръ: „я доволенъ, что вы признаете вину свою и сами на себѣ свидѣтельствуете. Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ.“ — Архіепископъ и посадники требовали времени для размышленія. Онъ отпустилъ ихъ съ повелѣніемъ дать рѣшительный отвѣтъ на третій

день. Между тѣмъ пришло войско псковское и вел. кн., расположивъ его въ Бискунцахъ, въ селѣ Ѳедотинѣ, въ монастырѣ Троицкомъ на Варяжи, приказалъ знаменитому своему художнику, Аристотелю *), строить мостъ подъ Городищемъ, какъ бы для приступа. Сей мостъ, съ удивительною скоростію сдѣланный на судахъ черезъ рѣку Волховъ, своею твердостію и красою заслужилъ похвалу Іоаннову.

7. Декабря, Ѳеофилъ возвратился въ станъ великокняжескій съ посадниками и съ выборными отъ пяти концевъ новгородскихъ. Іоаннъ выслалъ къ нимъ бояръ. Архіепископъ молчалъ; говорили только посадники. Яковъ Коробъ сказалъ: желаемъ, чтобы государь велѣлъ намѣстнику своему судить вмѣстѣ съ нашимъ степеннымъ посадникомъ. Ѳеофилактъ: предлагаемъ государю ежегодную дань со всѣхъ волостей новгородскихъ, съ двухъ сотъ гривну. Лука: пусть государь держитъ намѣстниковъ въ нашихъ пригородахъ; но судъ да будетъ по старинѣ. Яковъ Федоровъ билъ челомъ чтобы вел. кн. не выводилъ людей изъ владѣній новгородскихъ, не вступался въ

*) Который строилъ Успенскій соборъ въ Кремлѣ.

отчины и земли боярскія, не звалъ никого на судъ въ Москву. Наконецъ всѣ просили, чтобы государь не требовалъ новгородцевъ къ себѣ на службу, и поручилъ имъ единственно оберегать сѣверо-западные предѣлы Россіи.

Бояре донесли о томъ вел. кн. и вышли отъ него съ слѣдующимъ отвѣтомъ: ты, богомолецъ нашъ, и весь Новгородъ признали меня государемъ; а теперь хотите мнѣ указывать, кѣкъ править вами? Ѳеофилъ и посадники били челомъ и сказали: не смѣемъ указывать, а только желаемъ вѣдать, какъ государь намѣренъ властвовать въ своей новгородской отчинѣ: ибо московскихъ обыкновеній не знаемъ. Вел. кн велѣлъ своему боярину, Ивану Юрьевичу отвѣчать такъ: знайте же, что въ Новгородѣ не быть ни посаднику, ни вѣчевому колоколу, а будетъ одна власть государева. Но, снисходя на ваше моленіе, обѣщаю не выводить людей изъ Новгорода, не вступаться въ отчины бояръ и судъ оставить по-старинѣ.

Прошла цѣлая недѣля Новгородъ не присылалъ отвѣта Іоанну. Декабря 14, явился Ѳеофилъ съ чиновниками и сказалъ боярамъ великокняжескимъ соглашаемся не имѣть ни Вѣча, ни посадника; молимъ только, чтобы государь на вѣки утолилъ гнѣвъ свой и про-

стилъ насъ искренно, съ условіемъ не выводить Новгородцевъ въ низовскую землю, не касаться собственности боярской, не судить насъ въ Москвѣ и не звать туда на службу. Вел. кн. далъ слово. Они требовали присяги. Іоаннъ отвѣчалъ: что государь не присягаетъ. Удовольствуемся клятвою бояръ великокняжескихъ, или его будущаго намѣстника новгородскаго, сказали Ѳеофилъ и посадники: но и въ томъ получили отказъ; просили опасной граматы: и той имъ не дали. Бояре московскіе объявили, что переговоры кончились.

ГЛАВА VI.

Послѣднее Вѣче.—Страшное пробужденіе.—Заключеніе.

Все, что имѣетъ начало—должно имѣть конецъ.

Не помню кто-то.

Яркій холодный зимній день освѣтилъ Новгородъ. Морозъ трещалъ на улицахъ, по которымъ толпился народъ; лица всѣхъ были мрачны, всѣ казались озабоченными, занятыми чѣмъ-то важнымъ. Волненіе было неописанное. А съ вершины голубаго неба, холодное, но всеблестящее солнце смотрѣло такъ радостно, не принимая участія въ шумныхъ и печальныхъ дѣлахъ земли... Небо было чисто, ни одного облачка; но оно было занавѣшено

полупрозрачною бѣлою пеленою тумана. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами проходящихъ и на кровляхъ домовъ, освѣшенныхъ солнцемъ, сверкалъ тысячью искрометныхъ, причудливыхъ, разнообразныхъ звѣздочекъ. Громкій гулъ Вѣчеваго колокола звучными струями ложился въ разрѣженномъ воздухѣ и разносился по городу; но звонъ его, хотя громкій, былъ печаленъ, словно звонили по усопшемъ.

И точно звонили по усопшемъ: въ этотъ день было послѣднее Вѣче, въ этотъ день похоронили самостоятельность буйной головы господина Новгорода великаго.

Народъ толпами валилъ ко двору Ярославову, желая услышать рѣшеніе своей судьбы.

— Охъ! охъ! Никита! говорилъ сѣдой старикъ, едва передвигавшій ноги, молодому парню: за тобой не поспѣть.

— Вотъ то-то, дѣдушка! отвѣчалъ молодой, говорилъ я тебѣ, сиди-ка лучше на печкѣ дома, такъ не послушался!

— Сидѣть на печкѣ, когда рѣшаютъ быть или не быть Новгороду! отвѣчалъ старикъ. Ты съ ума сошелъ внучекъ!

Въ это время они подошли ко двору Ярославову.

— Граждане и люди новгородскіе! говорилъ посадникъ Ѳсофилактъ: ваша покорность ни къ чему не послужила. Говорили мы великому князю, что согласны отмѣнить посадниковъ и Вѣче, и требовали клятвы, что онъ будетъ держать насъ по обѣщанію; но Іоаннъ не захотѣлъ дать клятвы, не захотѣлъ даже, чтобы присягнули намъ его бояре, или будущій намѣстникъ!

— Видите ли, люди новгородскіе! вскричалъ Маркъ Панфиловъ, купеческій староста, что великій князь не намѣренъ сдержать своего обѣщанія; въ противномъ случаѣ для чего же бы не дать ему клятвы? Нѣтъ! онъ видно хочетъ отнять отчины у нашихъ бояръ и потому отказывается отъ крестнаго цѣлованія.

— Новгородцы! вскричали нѣсколько бояръ, которые за свои отчины стояли болѣе, нежели за отечество: васъ обманываютъ! васъ хотятъ провести! Согласитесь вы на условія бояръ московскихъ и что тогда будетъ? Васъ безпрестанно будутъ требовать въ Москву на судъ; васъ выведутъ въ землю низовскую и

заставятъ служить въ Москвѣ. Новгородцы! осталось одно средство къ спасенію — одно только: это битва, это рѣшительная битва! Отчаеніе дастъ намъ силы! Побѣдимъ или костьми ляжемъ за великій Новгородъ! Мертвіи бо срами не имутъ!...

— Требуемъ битвы! завопила толпа. Умремъ за св. Софію!...

— Граждане! сказалъ Яковъ Коробъ, гдѣ же средства къ защитѣ? Гдѣ сила, на которую вы надѣетесь? Покоритесь необходимости, или хотите видѣть великій Новгородъ разрушеннымъ? хотите умереть на пепелицѣ вашихъ домовъ, отыскивая въ пеплѣ тѣла женъ и дѣтей вашихъ? Вотъ до чего хотите вы довести отечество! Новгородъ окруженъ, рать Іоанна сильна и изобильна, а вы во всемъ терпите недостатокъ. Укажите мнѣ, гдѣ ваша рать? Кто отразитъ приступъ? Подумайте! А великій князь правосуденъ и милостивъ! Онъ караетъ и милуетъ; онъ далъ слово и сдержитъ его. Итакъ, граждане, миръ!..

Толпа опять завопила, но ничего нельзя было разслышать. Одни кричали: миръ! покоримся князю московскому! другіе требуемъ битвы! умремъ за великій Новгородъ! Это

смятеніе продолжалось нѣсколько дней, но не произвело ничего кромѣ шума. Внезапный порывъ великодушія утихъ передъ холоднымъ голосомъ разсудка; должно было уступить, и господинъ Новгородъ великій палъ: онъ покорился Іоанну.

10 января, владыка и пять гонцевъ утвердили своими печатями клятвенную грамоту, а 13-го, бояре Новгородскіе, житые люди и купцы присягнули въ станѣ Іоанновомъ.

— Бабушка! бабушка! объ чемъ ты плачешь? говорилъ Маѳѣ Посадницѣ десятилѣтній внукъ ея, Василій сынъ Ѳедора Борецкаго, отъ перваго брака.

— Оставь меня, Вася! сказала она.

Она плачетъ! гордая, богатая, знатная, Маѳа Борецкая плачетъ!... Объ чемъ же? Неужели о паденіи Новгорода? Давно ли стала она такою ревностною патріоткою? О! такъ мы съ уваженіемъ, съ благоговѣніемъ должны глядѣть на эти слезы, которыя медленно, на-

силу вырываясь изъ очей, катятся по ея блѣднымъ щекамъ. Нѣтъ! это слезы низкія, слезы честолюбія несбывшагося, слезы эгоизма!.. Не опаденіи господина Новгорода великаго плакала Марѳа Посадница, не о казни одного сына и не о заточеніи другаго: она плачетъ о своемъ золотомъ снѣ честолюбія, отъ котораго она такъ ужасно пробудилась; о своихъ гордыхъ златолюбивыхъ мечтахъ, которыя разсѣялись, какъ утренній туманъ надъ рѣкою мутною, которыя улетѣли, какъ облака съ небосклона!

Проснулась душа ея, до того ослѣпленная яркимъ блескомъ честолюбія, проснулась и страшно, страшно заговорила раскаяніемъ Чудный удѣлъ назначила ей судьба: погубить всѣхъ, кого она любила!

— Экая ты стала сегодня сердитая, бабушка! говорилъ внучекъ, обвивая руками ея шею.

Въ эту минуту съ громомъ растворились двери. Князь Серебряный съ толпою вооруженныхъ вступилъ въ комнату.

— Марѳа! сказалъ Юрій, я пришелъ заплатить долгъ свой.

Рыдая, упала гордая посадница къ ногамъ Юрія.

— Пощади, пощади! умоляла она, обнимая его колѣна, между тѣмъ, какъ внукъ съ громкимъ крикомъ прижимался къ ней. Оставь мнѣ жизнь, грозный мститель: она нужна мнѣ для покаянія.

— И отецъ мой, можетъ быть, также умолялъ тебя о жизни!...

— О, прости меня!... прости меня!... говорила Марѳа, цѣлуя его ноги. Взгляни, развѣ я мало уже наказана Богомъ? Сынъ мой умеръ на плахѣ, другой въ темницѣ!... Совѣсть терзаетъ меня! я убита горемъ!... Не убивай же убитаго: прости, прости меня!

Сердце Юрія тронулось.

— Нѣтъ! я не могу быть убійцей, палачемъ! вскричалъ онъ, выбѣгая вонъ.

Воины, вслѣдствіе повелѣнія великаго князя, взяли Марѳу Борецкую подъ стражу.

Пришедшій великій Новгородъ во всю волю и одаренный богатыми дарами, Іоаннъ возвратился въ Москву.

А другіе лица нашей повѣсти?

Бѣдная Анастасія умерла скоро въ сумасшествіи. Налетъ съ своими товарищами, Орлятами, получилъ прощеніе Іоанна, вступилъ къ нему въ службу и храбростію заставилъ забыть прошлую, не совсѣмъ безгрѣшную жизнь свою.

Князь Серебряный остался также въ службѣ Іоанна. Его всѣ любили, онъ не любилъ никого и никогда никто не видалъ на лицѣ его улыбки. Онъ желалъ одного — смерти, и его желаніе исполнилось. Въ 1480 году онъ былъ убитъ въ сшибкѣ съ отрядомъ татаръ, во время похода на Россію Ахмата, хана Золотой орды.

Вскорѣ по выступленіи Іоанна однажды рано утромъ везли изъ Новгорода въ Москву Вѣчевой колоколъ, окруженный отрядомъ воиновъ. За ними, съ дорожною котомкою за плечами, шелъ Малышъ. Бѣдный нѣмой печально шелъ опустивъ голову, слезы капали изъ большихъ голубыхъ глазъ его. Онъ также шелъ въ Москву, онъ не могъ разлучиться съ своимъ другомъ, пѣстуномъ, товарищемъ — Вѣчевымъ колоколомъ.

КОНЕЦЪ.

W381.5917N-V6712

W117264